

В. Чаплина

1908 — 1994

Вера Чаплина

Обращение к читателям

Дорогие ребята!

Всю жизнь я очень любила животных, и сколько себя помню, всегда у меня воспитывались какие-нибудь птенцы, щенята, зайчата... Мне нравилось, когда меня дома встречали раскрытые рты галчат, сорок, когда серенькие желторотые воробышки не улетали от протянутой руки, а зайчата смело прыгали ко мне на колени.

С шестнадцати лет я поступила в кружок юных биологов Зоопарка. Руководил этим кружком известный натуралист и большой любитель природы Пётр Александрович Мантейфель. Он учил нас любить животных, беречь и изучать природу... Кружок наш был небольшой и очень дружный. Мы помогали служителям убирать клетки, кормить зверей и птиц, научным сотрудникам – наблюдать животных, записывали в дневники их поведение, взвешивали звериных малышей и следили за их ростом...

Помню, сколько нового и интересного узнала я в Зоопарке: какими рождаются барсучата, соболята, дикобразы, как растёт весь этот молодняк, как изменяются повадки животных... И каких только у меня не было звериных малышей, начиная от маленького, чуть больше напёрстка, бельчонка и кончая лвятами, росомахами!

А как обрадовалась я, когда в 1933 году меня назначили заведующей молодняком Зоопарка! Вот тогда мне пришла мысль устроить в Зоопарке специальную площадку, где можно было бы не только воспитать здоровый и крепкий молодняк, но и сделать так, чтобы разные животные мирно уживались друг с другом. У меня осталось много приятных и дорогих воспоминаний о тех звериных малышах, которым я отдала много тепла, любви и заботы. И мне, ребята, очень хочется, чтобы и вы познакомились с моими воспитанниками и полюбили их.

В. Чаплина

Ежиное семейство

Однажды жаркой июньской ночью Фёдора Васильевича разбудил громкий и настойчивый лай собаки. Фёдор Васильевич выглянул в окно, однако тонкая полоска недавно родившегося месяца совсем не давала света, и он ничего не увидел.

«Интересно, кто же мог так разозлить нашу добрейшую Альму?» – подумал Фёдор Васильевич.

Тихонько, чтобы не разбудить жену и трёхлетнего внучонка Андрюшу, он достал с полки фонарь и вышел из дома. Яркий луч фонаря выхватил из темноты Альму и того, на кого она лаяла. Около собачьей миски лежал большой тёмный клубок. Это был ёж. Видно, он пришёл полакомиться вкусным Альминым супом, но, застигнутый врасплох, не смог уйти и остался на месте, свернувшись колючим клубком. Ведь это была его единственная защита.

Увидев подходившего хозяина, Альма залаяла ещё яростней. Она даже попыталась схватить незваного пришельца зубами, но тут клубок неожиданно подпрыгнул и пребольно уколол собаку в самый кончик носа. Альма завизжала, отскочила и с ещё большим остервенением стала бросаться на врага. Правда, теперь она держала нос на почтительном расстоянии, однако Фёдору Васильевичу всё же пришлось вмешаться. Он был человек добрый, и ему совсем не хотелось, чтобы кто-нибудь из животных пострадал.

Взяв мешок и не обращая внимания на сопротивление столь сердитого ночного гостя, на его подпрыгиванье и фыркание, Фёдор Васильевич закатал зверька в расстеленную мешковину и понёс в сарай. Там в старую кроличью клетку и поместил он своего пленника. Конечно, ежа можно было сразу выпустить на волю, но уж очень захотелось показать ночного гостя Андрюше. Пусть внучек подивится, ведь он видел ёжика только на картинках сказок, которые ему читала бабушка. И действительно, когда утром Фёдор Васильевич показал внуку ежа, тот пришёл в восторг. Ёжик! Живой! Да ещё сам пришёл в их сад!! Какие у него колючки! Какие чёрные глазки! Какой нос, да как сопит! А ёжик, словно специально стараясь себя показать, бегал по клетке, тыкался мордочкой в углы, в кормушку и как будто совсем не боялся людей. Дедушка принёс в блюдечке молоко и поставил в

клетку. Пока его рука ставила блюдечко, ёжик свернулся в клубок. Но стоило убрать из клетки руку и закрыть дверцу, как он тут же развернулся, подбежал к блюдечку и начал быстро-быстро лакать вкусное молоко.

Андрюша от радости визжал, прыгал и кричал:

– Дедушка, дедушка! Ты только посмотри, у него язык – как у Мурки! Давай посадим к нему Мурку! – И с этими словами Андрюша бросился было искать кошку, но Фёдор Васильевич его вовремя перехватил.

– Мурку пускать к ёжику нельзя: он её уколет. Пусть завтракает один, и нам тоже пора завтракать!

Но не так-то просто было увести Андрюшу. Он совсем не собирался расставаться с ежом. Хорошо, что выручила бабушка, позвав их к столу. А с бабушкой шутки плохи, и Андрюше пришлось идти завтракать.

Наспех проглотив чай с бутербродом, Андрюша хотел опять посмотреть ёжика, но бабушка сказала, что его надо немедленно выпустить.

– Нечего животное мучить! – твёрдо заявила она. – Может, у него дети голодные, а вы его в клетке держите.

Бабушка Анна Васильевна была в доме самая главная, и все её слушались. Послушались и теперь. Фёдор Васильевич взял толстые брезентовые рукавицы и вместе с Андрюшей отправился выпускать ежа. Раздумывать, куда его выпустить, долго не пришлось. Рядом с их домом, сразу за забором,

находился старый, запущенный сад соседей. Он весь зарос густой высокой травой, одичавшей малиной, тут и там лежали разбросанные кучи хвороста – словом, место для ежа было отличное. К тому же хозяева на дачу наведывались редко, и ёжик мог здесь жить сколько угодно и в полной безопасности.

Фёдор Васильевич опустил колючий клубок возле куста, затем вместе с Андрюшей они отошли в сторону и стали наблюдать. Сначала ёжик лежал неподвижно, потом чуть-чуть высунул самый кончик носа, пошевелил им в одну сторону, в другую и, убедившись, что опасности нет, развернулся и потопал в самую гущу высокой травы.

Впрочем, на этом история с ежом не закончилась. На другую же ночь Анну Васильевну и Фёдора Васильевича опять разбудил настойчивый лай Альмы.

– Ишь расшумелась! Небось кошка чужая зашла, – сказала Анна Васильевна. – Как бы мальчонку не разбудила!

– Придётся прогнать! – недовольно пробурчал Фёдор Васильевич, взял фонарь и вышел во двор.

К его удивлению, около собачьей миски опять оказался вчерашний пришелец. Однако на этот раз он уже не лежал, свернувшись клубком, а спокойно доедал остатки Альминой еды. Громко чавкая, он даже не обращал внимания на протестующий лай собаки, которая вертелась вокруг, явно опасаясь подойти слишком близко к колючему нахалу. Пришлось Фёдору Васильевичу вновь выдворять со двора ёжика, сетуя на его навязчивость.

А ёж и правда оказался на редкость навязчивым. Видно, лакомиться Альминым супом ему показалось куда приятней и проще, чем добывать еду самому, и он стал приходить к знакомой миске каждую ночь. Не знаю, сколько бы времени продолжалось это выдворение ёжика и его возвращение, но, к счастью, Альма в конце концов смирилась с пребыванием колючего нахлебника. Она тявкала всё реже, беззлобнее, просто по долгу своей собачьей службы, а потом и вовсе перестала обращать внимание на непрошеного гостя.

Опять наступили ночи, полные тишины и покоя. Про ёжика все забыли.

Правда, стали замечать, что с некоторых пор Альма почему-то перестала спать в конуре и вообще переселилась ближе к дровам. Впрочем, лето было на редкость жаркое, и в тени, около дров, Альме, очевидно, нравилось больше. Зато Фёдору Васильевичу такое поведение собаки совсем не нравилось. Он был человек аккуратный и во всём любил порядок: раз конура для собаки, значит, и спать ей положено в конуре. Фёдор Васильевич не раз пробовал запихнуть туда Альму силой, но из этого ничего не получалось. Она исступлённо визжала, вырывалась, убегала и потом долго не подходила и не давалась в руки хозяину.

– Что-то Альма в конуру не идёт! – пожаловался он как – то жене.

– Небось грязно там, вот и не идёт. Подстилку смени! – посоветовала Анна Васильевна.

– Да, придётся! – согласился Фёдор Васильевич и в первый же свободный день отправился наводить в собачьем домике чистоту.

Конура была сделана добротно, с двойным, тёплым полом и с открывающейся крышкой, чтобы удобней было поддерживать порядок и менять подстилку. Фёдор Васильевич поднял крышку и уже хотел собрать старую подстилку, когда его внимание привлекло что-то живое, копошившееся в самом дальнем углу собачьего домика. Фёдор Васильевич поглядел и изумлённо охнул... Там в небольшом уютном углублении, словно в гнёздышке, копошились потревоженные ворвавшимся светом маленькие розовые тельца, покрытые еле заметными, редкими иголочками. Никак, ежата!..

– Анюта! Поди скорей! Посмотри, что здесь! – крикнул он жене.

– Ну что? Что у тебя приключилось? – недовольно откликнулась с террасы Анна Васильевна.

– Смотри, ежата у Альмы! Ей-ей, ежата!

– Да ты что, в уме ли?! У собаки – и вдруг ежата!

– Не у Альмы, а в Альминой конуре, – поправился Фёдор Васильевич. – Ты только посмотри, ишь какие розовые! Видно, родились недавно...

Анна Васильевна поспешила к мужу, нагнулась к ежатам, но рассматривать их долго не стала.

– Знаешь, Федя, лучше закрой крышку и не лазь больше, а то ежиха бросит детей, что тогда с ними делать будешь?

– Не бросит, – уверенно возразил Фёдор Васильевич. – Здесь ей и дом, здесь и еда – плохо ли!

Но крышку всё же закрыл.

И никто из них, ни Фёдор Васильевич, ни Анна Васильевна, даже не предполагал, что это ежиное семейство доставит им столько непредвиденных хлопот.

Во-первых, появление ежат надо было тщательно держать в тайне от Андрюши, иначе он непременно их вытащит. Во-вторых, следить за Альмой, и хотя она даже близко не подходила к своему законному дому, Фёдор Васильевич на всякий случай посадил её на цепь. Кроме того, теперь приходилось не только кормить ежиху, но и разнообразить ей корм. Ведь всё-таки она была матерью и ей требовалось особое внимание. Впрочем, эту заботу целиком взяла на себя Анна Васильевна. Она тщательным образом следила за питанием ежихи. Теперь в её мисочке лежали то разбитое яйцо, то кусочки мяса, то налито тёплое молоко. И надо сказать, что аппетит у ежиной мамы оказался отменным. Поставленная ей еда была всегда съедена, а миска так чисто вылизана, будто вымыта.

А вот скрыть от Андрюши появление в Альмином домике ежат не удалось. Мальчуган мигом разгадал дедову тайну при помощи своих обычных «а почему?». А почему бабушка ставит сюда кушанье? Для кого оно? А почему Альма живёт не в домике, а около дров? А зачем её привязали? Фёдор Васильевич совсем запутался в ответах, и пришлось рассказать Андрюше и про ежиху, и про ежат, которых ещё нельзя тревожить.

– Вот подрастут немного, и покажу! – обещал он внуку.

Впрочем, деду самому не терпелось посмотреть на ежиное семейство. И вот однажды, взяв с Андрюши торжественное обещание не трогать малышей, Фёдор Васильевич подошёл с ним к конуре, тихонько приоткрыл крышку и молча показал в левый угол, где лежали уже подросшие ежата. Увидев ежат, Андрюша тут же обрушил на Фёдора Васильевича такой поток вопросов, что на них и знатоку было бы трудно ответить. Тщетно пытался дед остановить разбушевавшуюся любознательность внука. Наконец Андрюша, сам устав от своих же вопросов, заявил:

– Ничего-то ты, дед, не знаешь!

И Фёдор Васильевич понял, что отныне его непоколебимый авторитет бесславно рухнул.

На следующий день, вместо того чтобы поливать сад, Фёдор Васильевич приоделся и прямо с утра отправился в читальню. Придя туда, он долго стоял в нерешительности, а потом робко попросил:

– Мне бы книгу, где про ежей написано.

– Про ежей? – удивлённо переспросила пожилая библиотекарьша. – А кто автор?

– Да я и сам не знаю, – признался Фёдор Васильевич и рассказал про Андрюшины вопросы и свои затруднения.

– Н-да, интересный у вас внучек, – посочувствовала библиотекарьша. – Мой тоже, трёх лет нет, а он все марки автомобилей знает, пришлось и мне их изучать. – И, задумчиво добавив: – Кто ежей... кто автомобили, – отправилась за книгой.

Подходящая книга нашлась. Чуть не до обеда пробыл Фёдор Васильевич в библиотеке, старательно всё вычитывая про жизнь ежей. Вернувшись домой, он усадил рядом Андрюшу и стал ему рассказывать всё, что узнал сам: что ёжик зверёк полезный, охотится ночью, что ест разных жуков, личинок, мышей, а если попадётся ядовитая змея, и её съест, а яд змеиный ему совсем не страшен. И про ежиных врагов рассказал: хоть ёж колючий, а врагов у него много – и лиса, и серый волк, и филин, и собака... А защита у него одна – свернётся в тугой клубок и иголки во все стороны растопырит. Только не всегда это помогает.

Но самое интересное для Андрюши было узнать, что ежата рождаются маленькие-маленькие, почти как бабушкин напёрсток. Они совсем беспомощные, слепые, и даже иголочки у них первое время мягкие и реденькие. А мать-то ежиха как за ними ухаживает! Так и лижет, так и лижет то одного детёныша, то другого – всех перемоеет. А если они проголодаются, ежиха рядом уляжется и лежит, пока ежата молока насосутся. Слушает Андрюша дедушку и удивляется. Подумать только, откуда дед про всё это знает! Всё знает! А прошлый раз притворялся, отвечать не хотел...

Ежата росли быстро. Через месяц их чёрные носишки всё чаще и чаще высывались из конуры. А однажды, когда Фёдор Васильевич с Андрюшей заглянули в домик, ежат там не оказалось. Они переселились в соседний, заброшенный сад. Но каждый вечер, едва смеркалось, всё ежиное семейство являлось к своей миске, где им всегда была приготовлена вкусная еда.

Уезжая от дедушки к родителям, Андрюша очень волновался: как же тут останутся его ёжики? Но дедушка его успокоил. Он сказал, что будет пока их кормить, а зимой их кормить не надо, потому что, когда наступят холода, ежи спят. А дедушка про ежей всё знает.

ПУСЬКА

Была зима. Шел снег большими пушистыми хлопьями. Иван Сергеевич уже собрался садиться в поезд, когда к нему подбежал его приятель Николай Семенович.

— Иван Сергеевич, выручи! Жена просила белку выпустить, а ты за городом живешь, удружи, выпусти сам, — попросил он и, передан Ивану Сергеевичу коробку из-под торта, в которой находилась белка, ушел.

Иван Сергеевич не очень обрадовался такому поручению. Чтобы выпустить белку, надо было идти более длинной дорогой, а он торопился домой. Но отказать другу не мог.

Приехав на станцию, Иван Сергеевич хотел сразу пойти в лес и выпустить белку, но потом раздумал. Ему захотелось сначала показать зверька своему сынишке Андрюше. «Пусть осмолит, а потом выпустит сам, — решил он и отправился прямо домой. Дома первым встретил Ивана Сергеевича Андрюша. Увидев в руках у отца коробку, он радостно закричал:

— Папа торт привез! Торт! Да какой огромный! Папочка, дай открою... — Ему не терпелось посмотреть, какой торт привез папа — шоколадный, который любил он, Андрюша, или фруктовый, который любила мама.

Но Иван Сергеевич не дал сынишке открыть коробку. Он не спеша снял и повесил пальто, позвал маму, а когда Ольга Федоровна подошла, взял ножницы и поддел бечевку. И тут, одновременно со щелканьем ножниц, куда-то в сторону отлетела крышка, что-то выскочило и, уронив на пол графин, исчезло на верху буфета. Андрюша так оторопел, что даже ничего не понял. Перед ним была пустая коробка, а торт... торта не было. На полу лежал разбитый графин, а на буфете сидела маленькая рыжая белочка.

Ольга Федоровна тоже увидела белочку.

— Что за глупая шутка! — рассердилась она на мужа. — Сейчас же поймай и выброси! Тоже придумал — лесных зверей домой носить...

Иван Сергеевич послушно взял щетку и уже поднял ее, чтобы согнать с буфета белку, но тут Ольга Федоровна рассердилась еще больше:

— Тоже придумал — щеткой такую крошку пугать! Раз принес, пусть переночует.

С этими словами Ольга Федоровна отобрала у мужа щетку и стала подметать осколки графина. А Иван Сергеевич и Андрюша потихоньку переглянулись. Они хорошо знали маму. Она всегда так: сначала сердилась, кричала, а потом жалела.

На другой день, вернувшись с работы, Иван Сергеевич застал дома настоящий разгром. Стол и

стулья были сдвинуты в сторону, около стены стояла большая садовая лестница, а на самом верху сидел Андрюша и прилаживал к буфету скворечник.

— Андрей, что ты делаешь?! Зачем портишь буфет? Сейчас же слезай и снимай скворечник! — рассердился Иван Сергеевич.

— А мне мама сказала... — начал было Андрюша, но тут вошла сама Ольга Федоровна: она была в телогрейке, в валенках и держала в руках огромную охапку сосновых веток, унизанных шишками.

— Оля, зачем все это? Ведь я сегодня же выпущу белку в лес.

— В лес?! Да ты с ума сошел! Жил зверь в комнате, в тепле, а ты его в лес, да еще зимой...

— Но ведь Николай Семенович сам просил выпустить белку, — попытался было возразить Иван Сергеевич.

— Мало ли что просил, ты вот лучше прочти, что здесь написано. — С этими словами Ольга Федоровна взяла со стола объемистую книгу с надписью: «Жизнь животных».

— Вот смотри: Зимой белка покрыта серой пушистой шерстью, которая ее хорошо защищает от холода, а летом она линяет и становится рыжей...» А эта белка какая? Рыжая. Значит, у нее и одежда летняя. Вот походи без шубы зимой, тогда не скажешь — выпусти! И, не обращая внимания на недовольный вид мужа, Ольга Федоровна стала подавать Андрюше сосновые ветки. Иван Сергеевич махнул рукой и пошел к себе в комнату. Он понял, что спор с женой бесполезен и что отныне белка прочно поселилась в их доме.

Первое время Пуська, как называли белку, вела себя вполне прилично. Она почти не слезала с буфета, спала в скворечнике и никому не мешала. Несколько раз в день Ольга Федоровна или Андрюша ставили ей на буфет блюдечко с едой. Пуська подбегала сразу. Она выбирала из него кусочки сахара или печенья, брала в передние лапки и ела, а остатки относила в скворечник и прятала.

Но скоро Пуська стала привыкать к новому месту, а недели через две уже свободно бегала по всей столовой и Всюду, где только было возможно, устраивала свои кладовые.

Из переплета книг, из мягкой обивки дивана — повсюду торчали кусочки хлеба, печенья или косточки от компота, И даже из тяжелых гардин на дверях, стоило их шевельнуть, сыпались какие-то остатки.

Вообще Пуська оказалась очень трудолюбивым зверьком. Целые дни она прыгала по комнате и, если не пополняла новыми запасами свои кладовые, то чинила гнезда. Гнезд у белочки было несколько.

Одно, основное, в скворечнике на буфете, другие в самых разных местах, чаще всего за картинами.

Немало с этим боролась Ольга Федоровна, но поделаться ничего не могла: только сломает одно гнездо, как Пуська тут же устраивала другое. Строительным материалом для белкиных гнезд служили кусочки ваты, тряпочки, нитки, бумага. Как увидит Пуська лежащую тряпочку или оброненный носовой платок, ловко соберет в комочек и мигом унесет к себе.

Пуська тщательно следила за тем, чтобы все щелки ее домика были плотно закупорены. Можно было подумать, что она живет не в теплой комнате, а в лесу, где дует холодный, зимний ветер, — так старательно закрывалась она в своем домике, когда ложилась спать.

Ложилась Пуська спать рано, и была очень недовольна, если её тревожили. Стоило постучать по скворечнику, как в ответ раздавалось ее сердитое урчание, повизгивание, потом в отверстие появлялась сонная, недовольная мордашка и опять скрывалась. А из домика еще долго слышалось недовольное ворчание белочки.

Зато утром, едва Ольга Федоровна бралась за тряпку или щётку, как сразу появлялась Пуська. Очевидно, белочке казалось, что с ней затевают игру, — так начинала она веселиться: словно молния носилась, по комнате, перепрыгивая с одной вещи на другую, или раскачивалась на шелковом абажуре, обдирая его коготками. Если её Ольга Федоровна замахивалась на разыгравшегося зверька тряпкой, Пуська без церемоний прыгала на голову своей разгневанной хозяйке, оттуда на гардины и мигом исчезала.

Но больше всего Пуська надоедала за обедом или чаем. Белка всюду совала свой нос. Она лезла во все кушанья, и все, что плохо лежало, старалась унести, Роль застольного сторожа приходилось нести Ивану Сергеевичу. И сколько раз случалось, что едва он отвлечется газетой или книгой, как Пуська, воспользовавшись этим, уносила из вазочки все конфеты. Пуська прекрасно разбиралась, с кем и как можно себя вести.

Так, например, на Андрюшиной тарелке она распоряжалась, как у себя дома. Перед Ольгой Федоровной вставала на задние лапки и ждала, пока та угостит ее сама. Зато Ивана Сергеевича обходила стороной, и если что-нибудь брала, то только украдкой. Иван Сергеевич не очень любил белку. Он давно мечтал завести себе хорошую лайку и теперь не знал, как это сделать: вряд ли жена разрешит, кроме белки, держать в доме еще собаку. А лайка на примете уже была. Звали ее Витим.

Когда Иван Сергеевич увидел Витима, то сразу решил, что это, и есть та собака, которая ему нужна. Витим был породистой и красивой лайкой. Со слов хозяина, он прекрасно ходил за утками, глухарями, облаивал белок и даже участвовал в охоте на медведя.

Но как приобрести Витима? Наконец после долгих раздумий и сомнений Иван Сергеевич решил так: пусть привезут собаку и оставят, когда дома не будет жены, а там..., ведь не прогнала она белку, не прогонит и собаку.

И вот в воскресенье, когда Ольга Федоровна поехала в Москву за покупками, привели Витима. Андрюша был в восторге. Он так же, как и папа, мечтал иметь охотничью собаку, ходить с ней на охоту. Теперь же собака у них есть, да еще такая красивая! Витим сразу познакомился с Андрюшей, приветливо лизнув его в щеку.

Потом Витим принес палочку, которую ему бросил Андрюша, и по приказанию Ивана Сергеевича послушно улегся на коврик около дверей. Вскоре приехала Ольга Федоровна. Увидев собаку, она, к удивлению Ивана Сергеевича и Андрюши, даже не рассердилась. Она погладила Витима, а узнав, что его еще не кормили, взяла миску и пошла в столовую. Следом за ней побежал и Витим.

Иван Сергеевич и Андрюша никак не рассчитывали на такой благополучный исход. Все испортил сам Витим. Войдя в столовую, он насторожился, потянул носом и в следующее мгновение, сшибая на ходу стулья, залился звонким лаем около буфета, на котором сидела Пуська.

С большим трудом вытащил Иван Сергеевич Витима из столовой. Но разгневанная жена тут же потребовала, чтобы собака была немедленно убрана. Напрасно пытался ей доказать Иван Сергеевич, что Витим поступил так, как это положено хорошей лайке. А хорошей лайке положено, найдя в лесу белку, ее облаивать.

— Да, но это же не лес, а комната! — не успокаивалась Ольга Федоровна.

Неизвестно, чем бы все это кончилось для Витима, если бы Андрюша не пустил в ход слезы. Забыв о том, что ему уже семь лет, что он будущий охотник и никогда не должен плакать, Андрюша заревел во весь голос.

— Ну ладно, — гневно закричала Ольга Федоровна, — можете оставлять этого зверя, но имейте в виду, что ни кормить, ни ухаживать за ним я не стану! И чтобы в столовой ноги его не было! — добавила она и, хлопнув дверью, ушла.

Правда, несмотря на свои угрозы, Ольга Федоровна все же стала кормить и ухаживать за Витимом, но неприятностей из-за собаки было немало.

Хотя Витима поселили на кухне и в столовую не пускали, ему все же иногда удавалось туда проскочить. Он сразу бросался к буфету, на котором обычно находилась ненавистная ему белка, и поднимал страшный лай. А Пуська, вместо того чтобы спрятаться, словно нарочно подзадоривая, садилась обязательно на самом виду.

В такие моменты Иван Сергеевич просто ненавидел белку. Он настаивал, чтобы ее выпустили в лес, но Ольга Федоровна не уступала. Она сердилась на мужа и тоже требовала, чтобы Витима посадили на цепь или отдали прежнему хозяину. А Андрюша, в зависимости от того, кому грозила большая опасность, защищал то белку, то собаку, потому что ему было очень жалко расставаться с обеими.

Но вот наступили теплые, весенние дни. Словно зеленые иголки, показалась на проталинах молодая травка. Набухли готовые лопнуть почки деревьев. Особенно было хорошо, когда пригревало солнце. В такие дни Витим часами бегал и играл с Андрюшей в саду, а Пуська садилась на подоконник и подолгу смотрела в окно.

В один из таких теплых, весенних дней Ольга Федоровна и открыла форточку, совсем забыв про белку. Пуська сразу заметила оплошность хозяйки, мигом выскочила в форточку и прыгнула на сосну, которая росла рядом.

Некоторое время белочка сидела, словно окаменев. Потом она сделала один прыжок, другой и маленьким огоньком замелькала среди зазеленевших деревьев сада, а за ней с громким лаем помчался Витим.

К уходу белки все члены семьи отнеслись по-разному. Андрюша жалел Пуську. Ольга Федоровна беспокоилась, как бы ее любимица не простудилась или не попала бы в когти ястреба. Зато Иван Сергеевич радовался уходу белки от всей души. Теперь ему не придется караулить накрытый стол, никто не будет грызть газеты или посыпать его голову шелухой от семечек. А самое главное, можно будет пускать в комнаты Витима, который жил сейчас на дворе.

Однако радость Ивана Сергеевича оказалась преждевременной. Набегавшись, Пуська вернулась и уселась на сосне около окна в столовую, а внизу, охрипший от лая, бегал Витим.

Ольга Федоровна тут же распорядилась привязать собаку. Потом она открыла окно и стала звать Пуську. Пуська прыгала по сучьям, спускалась к самому окну, но в комнату не шла. Тогда было решено оставить ее жить на воле.

Иван Сергеевич прикрепил к сосне Пуськин скворечник. Потом сделал небольшой лоточек и повесил его на такой высоте, чтобы туда было легко класть для белки еду.

Правда, в повешенной скворечне Пуська жить отказалась и поселилась в лесу, который начинался сразу за садом, зато к кормушке стала приходить ежедневно.

О приходе белки всегда извещал Витим. Стоило ей появиться, как он тут же поднимал громкий лай. Впрочем, Пуська совсем не обращала на него внимания. Она ничуть не боялась Витима и смело направлялась к своей кормушке. Здесь она закусывала оставленными ей орешками, потом уходила в лес или оставалась немного порезвиться в саду и подразнить Витима. Делала это Пуська весьма искусно. Она усаживалась на таком расстоянии от земли, чтобы Витим, прыгая, не мог ее достать.

Находясь в безопасности, белочка ударяла лапками по стволу, громко цокала или вдруг неожиданно,

чуть ли не под самым носом у собаки, спускалась вниз и тут же взлетала на самый верх дерева. Нужно ли говорить о том, как бесновался Витим. Приходилось запира́ть его в сарай и выпускать лишь после ухода белки.

К середине лета посещения Пуськи прекратились сразу и неожиданно. Очевидно, она переселилась в другой лес, а может быть, и погибла. Все жалели зверька. Как-то тихо и пусто стало без него в саду. Но вот однажды холодным, осенним утром всех разбудил лай Витима. Он лаял около сосны громко, не смолкая, а на сосне..., на сосне сидела Пуська, да не одна! Испуганно поглядывая на собаку, прижались к матери три бельчонка.

Так вот почему пропадала Пуська! Она не могла уйти от маленьких беспомощных бельчат, а теперь, когда они подросли, привела их сама. Андрюша, Ольга Федоровна, Иван Сергеевич — все выбежали в сад. Каждый держал в руках угощение и спешил положить в кормушку. Пуська быстро спустилась к кормушке, а за ней, робко перепрыгивая с ветки на ветку, последовали и бельчата.

И снова стало шумно и весело в саду. Снова с утра до вечера слышался громкий лай Витима, но Ольга Федоровна больше не сердилась на собаку, и все были очень довольны, что теперь в саду живет не одна, а четыре белочки.

Малышка Самая смышлёная

Долгое время я работала в Зоопарке со львами, тиграми, но случилось так, что меня перевели работать в обезьянник.

Очень не хотелось мне там оставаться. Обезьян я совсем не знала и не любила. Стою перед клеткой с обезьянами-резусами; их там целая стая — штук сорок — бегают. Смотрю и думаю: «Как же я их различать буду? Уж очень они друг на друга похожи. Одинаковые глаза, мордочки, руки, и даже роста как будто одного». Но это мне только вначале так казалось, а как пригляделась к ним — вижу, что хоть и одной они породы, а друг на друга не похожи. У того, которого звали Вовкой, голова гладкая, словно причёсанная, не то что у Бобрика. У Бобрика вихры во все стороны торчат, ну совсем как у Стёпки-растрёпки.

Но больше всех отличалась Малышка. Из всех обезьян она была самая маленькая, оттого её так и прозвали. Мордочка у Малышки остренькая, а сама она ловкая, шустрая. Как войду я в клетку, все обезьяны разбегутся, а Малышка чуть-чуть отойдёт в сторону и поглядывает на моё решето, в котором я приносила фрукты.

Вот эту-то Малышку и решила я приручить. Нелёгкое это было дело.

Долго не решалась ко мне подойти трусишка. Стоило только к ней протянуть руку, как она быстро отскакивала и убегала. Но я терпеливо просиживала в клетке часами и время от времени бросала ей самые вкусные кусочки.

С каждым днём Малышка привыкала ко мне всё больше и больше. Не убегала, когда я подходила, а однажды так расхрабрилась, что чуть не вырвала у меня печенье, которое я хотела дать другой обезьяне. Как-то даже пыталась залезть ко мне в карман. Уже протянула руку, но тут же сама испугалась своей храбрости и удрала. С тех пор я стала нарочно класть сладости в карман. И делала это так, чтобы Малышка видела. Я уже знала, что она большая сластёна.

Обезьянка внимательно наблюдала, как я кладу в карман грушу или кусочек сахару, а потом

вытягивала трубочкой ротик и жалобно кричала. И всё-таки в карман она залезть решилась. Чтобы не испугать воришку, я нарочно отвернулась, как будто ничего не замечаю. А Малышка быстро вытащила у меня из кармана кусочек сахара и, воровато оглядываясь, на всякий случай уселась подальше.

После этого её робость как рукой сняло. Не успевала я войти в клетку, как она прыгала мне на плечо и устраивала настоящий обыск.

Быстрые тонкие ручонки ловко обшаривали карманы. Ключи, деньги, платок – всё тащила Малышка. Один раз она даже утащила зеркальце. Забралась на самый верх и стала его разглядывать. Вертит во все стороны, смотрит, понять не может, куда же девается та, другая обезьянка, которую в зеркальце видно. И чего она только не делала, чтобы своё отражение поймать! За зеркало заглядывала, старалась руками схватить и даже пробовала укусить. Тут уж я испугалась: Малышка могла разбить стекло и порезаться. Хотела отнять зеркальце, да не тут-то было! Обезьянка бегала с ним по клетке и никак не хотела отдавать. Пришлось звать на помощь тётю Полю.

Тётя Поля ухаживала за обезьянами давно, и они её слушались. Она вошла в клетку и погрозила Малышке щёткой. Щётку Малышка боялась и сразу бросила зеркальце.

Наказанная жадность

Как и все обезьяны, Малышка была очень жадная. Меня она совсем перестала бояться, и когда я входила в клетку с кормом и давала не ей, она щипала мне руки. А щипалась Малышка очень больно, и у меня руки часто были в синяках. Она не боялась даже Гришку.

Гришка – это тоже обезьяна. Но он был вожак. На воле многие обезьяны живут стаями; из них самая большая и сильная обезьяна бывает вожаком. Она охраняет от опасности всю стаю, защищает её. Своего вожака обезьяны слушаются и боятся. Так и тут, в клетке, Гришку тоже слушались и боялись. Когда обезьян кормили, ни одна не смела раньше его взять корм. Все ждали, пока наестся Гришка. А Гришка неторопливо выбирал самое вкусное и, наевшись, медленно и важно взбирался на свою любимую полочку. Тогда, осторожно оглядываясь на него, слезали остальные обезьяны. Они торопливо совали себе за щёки всё, что попадало под руки, и спешили разбежаться по местам. Держал всех Гришка в страхе.

Он мог безнаказанно бить и кусать обезьян, но другим драться не позволял. Горе тому, кто попытался бы обидеть обезьяну из его стаи! Тут уж Гришка не разбирал, какой враг был перед ним, и первый бросался на защиту. Зато когда Гришке было холодно, он собирал обезьян в кучу, заставлял их себя греть или искать у него блох.

Одна Малышка не слушалась Гришку. Она никогда не искала у него блох, не грела его, как остальные обезьяны. Ловкая и быстрая, она вовремя успевала убежать от опасности или, чувствуя во мне защитника, таскала у него из-под самого носа корм. Набивала за щёки орехи, хватала яблоки и неуклюже ковыляла в сторону, чтобы поесть.

Долго терпел это Гришка. И вот однажды, когда Малышка, как всегда набрав корм, медленно взбиралась вверх, Гришка бросился на неё. От неожиданности у Малышки всё выпало из рук. Она взвизгнула, хотела бежать, но было поздно. Гришка крепко держал её за хвост, бил, кусал и царапал. Напрасно мы с тётёй Полей кричали на него, грозили щёткой, напрасно цеплялась руками, ногами за

решётку и старалась вырваться Малышка – ничего не помогало. Гришка затащил её на самую верхушку клетки, всё отнял и даже вытащил тот кусок сахара, который она спрятала за щёку. Так была наказана Малышка за свою жадность.

Резиновый товарищ

Кто-то бросил в клетку к обезьянам конфету. Конфета была крашенная, в бумажной обёртке. Малышка её съела и заболела. Целыми днями сидела Малышка на полочке, такая печальная: вся съежилась, как будто замёрзла. Ввалились похудевшие бока, а всегда блестящая шёрстка стала тусклая, взъерошенная.

Теперь никто не прыгал ко мне на плечо, не щипал руки и не устраивал обыска. Позвали врача. Врач внимательно осмотрел больную и прописал ей касторку и грелку на живот.

Касторку пришлось давать силой. Малышка никак не хотела её принимать, а с грелкой получилось ещё хуже. Четыре раза пробовали привязывать ей грелку на живот, и четыре раза сбрасывала её Малышка.

Тогда пришлось действовать хитростью.

Малышку перевели в такую тесную клетку, что она едва могла в ней поместиться, а на пол положили резиновый пузырь с горячей водой. Ой, как испугалась его Малышка! Он лежал перед ней, такой незнакомый, такой страшный...

От страха Малышка забилась в самый угол клетки и с ужасом в глазёнках следила за пузырём. Так, не шевелясь, просидела она несколько часов. За это время мы несколько раз меняли воду, а Малышка всё боялась даже шевельнуться. Потом осторожно, не спуская глаз с пузыря, подошла ближе и тихонько тронула его рукой. Пузырь был приятно тёплый и не кусался. Тогда, осмелев, она прижалась к нему всем своим маленьким, худеньким тельцем, крепко обняла руками и уснула.

С этого дня Малышка с пузырём не расставалась. Придерживая его рукой около живота, перебегала с ним с места на место и даже пыталась искать на нём блох. Блохи на пузыре, конечно, не водились, но искать их означает у обезьян самое большое расположение. А сколько трудов стоило отнять пузырь у Малышки, когда она поправилась! Обезьянка никак не хотела расставаться со своим резиновым другом. Она прижимала его к груди и так кричала, словно у неё отнимали детёныша.

Почти месяц прошёл после того, как Малышку вернули обратно к её подругам, но если проносили мимо клетки пузырь, она подбегала к решётке, вытягивала губки трубочкой и жалобно кричала.

Разоблачённая хитрость

Для отправки в другой зоопарк нужно было поймать обезьяну. Поезд отходил в этот же день вечером. Решено было отдать Малышку. Из всех обезьян она была самая ручная, и ловить её было легче, чем других. Но это только казалось, а на самом деле получилось совсем не так. Не успел зоотехник войти в клетку, как все обезьяны очутились наверху. Они хорошо знали зоотехника. Ему часто приходилось ловить обезьян, и они его прекрасно запомнили. Бывало, издали увидят и такой шум поднимут, что все сразу знают, кто идёт.

Увидев, что Малышку так просто не поймать, зоотехник решил взять её хитростью. Он надел тётки Полину кофту, юбку, покрыл голову платком и даже походку изменил, чтобы обезьяны его не узнали, и вошёл в клетку. Увидели его обезьяны – понять не могут: как будто на тётку Полю похож, а словно и не она. Крутятся вокруг, а подойти не решаются. Зоотехник кому грушу бросит, кому яблоко, а сам к Малышке подбирается. Яблоко ей протягивает.

Смотрю я на него, а у самой сердце замирает: «Поймает мою Малышку, обязательно поймает!» Только вижу – не поддаётся Малышка. К яблоку тянется, а сама так подозрительно на ноги зоотехника поглядывает. Смотрю я тоже и вижу – торчат из-под юбки большущие сапоги. Глядит на них Малышка.

Сапоги к ней шагнут ближе, а она от них отодвинется дальше. Отодвигается, а сама всё на сапоги смотрит. Смотрела, смотрела да вдруг как завизжит! В один миг все обезьяны очутились наверху.

Потом Гришка-вожак крикнул «кра!», и все, как по команде, кинулись на зоотехника.

В одну минуту был сорван платок, разорваны юбка и новая кофта тётки Поли. Напрасно пытался защищаться и отмахиваться зоотехник. Сорок пар ловких обезьяньих рук хватали и рвали одежду, щипали лицо.

На шум прибежала тётка Поля и кинулась на помощь зоотехнику. Но отбить его от разъярённых обезьян оказалось делом нелёгким: они никак не хотели расставаться со своей жертвой.

С большим трудом, загораживая руками лицо и голову, весь оборванный и исцарапанный, выскочил наконец зоотехник из клетки.

А обезьяны ещё долго не могли успокоиться, волновались, делали в его сторону угрожающие движения, кричали.

Вот как была разоблачена хитрость зоотехника и осталась в Зоопарке Малышка.

Побег

Когда наступали тёплые, солнечные дни, обезьян переводили из зимнего помещения в большую, просторную вольеру.

Целыми днями бегали по ней и гонялись друг за другом обезьяны. Словно акробаты, прыгали они с трапеции на трапецию, ходили по туго натянутому канату, взбирались по гладкому шесту.

Одна Малышка не играла. Мы даже удивлялись: всегда такая весёлая, она сидела часами около решётки, смотрела на деревья, которые росли совсем рядом. Иногда ветер склонял какую-нибудь веточку чуть ближе, и тогда Малышка просовывала через решётку руку и старалась её достать. А потом опять сидела и часами смотрела на закрытую дверь. И вот однажды, когда тётя Поля чуть пошире открыла дверь, чтобы войти в клетку, Малышка ловко проскочила около служительницы и, прежде чем та успела вскрикнуть, очутилась на самой верхушке дерева. Напрасно её звала и манила самыми вкусными вещами тётя Поля. Напрасно плакала и просила слезть. Маленькая беглянка даже не повернула головы, а когда прибыла помощь в лице коменданта и его помощника, она ловко перепрыгнула с одного дерева на другое, перескочила через забор и быстро скрылась из виду.

Через несколько минут звонили по всем телефонам Зоопарка:

– Алло! У вас ушла обезьяна? Она на Пресне.

– Говорит милиция. Это ваша обезьяна скрылась в сторону Тишинской улицы?

Комендант Зоопарка не успевал класть трубку, как опять раздавались звонки: говорят с Георгиевской площади, с Больших Грузин, с Курбатовского... Одним словом, звонили со всех улиц, где пробегала Малышка.

Мы с тётей Полей бросились на поиски. Прибегаем к Курбатовскому переулку, смотрим – у дома стоит толпа, а Малышка по карнизу третьего этажа мечется.

Металась, металась да как прыгнет в открытое окно – только горшки с цветами посыпались.

Тут мы с тётей Полей скорей в этот дом кинулись. Бежим по лестнице, а навстречу из квартиры какая-то женщина выскочила. Сразу догадались мы, где наша Малышка. Вошли в комнату, а там перепуганная обезьяна из угла в угол мечется. Насилу её поймали.

Завернули мы Малышку в халат, чтоб по дороге она не удрала, и скорей в Зоопарк побежали.

В Зоопарке посадили Малышку в прежнюю клетку. Как обрадовались обезьяны, когда увидели беглянку! Окружили её, ласкали и что-то лопотали на своём обезьяньем языке, а Малышка сидела на полочке и ела самое большое яблоко, которым её угостила тётя Поля.

Фомка – белый медвежонок Четвероногий пассажир

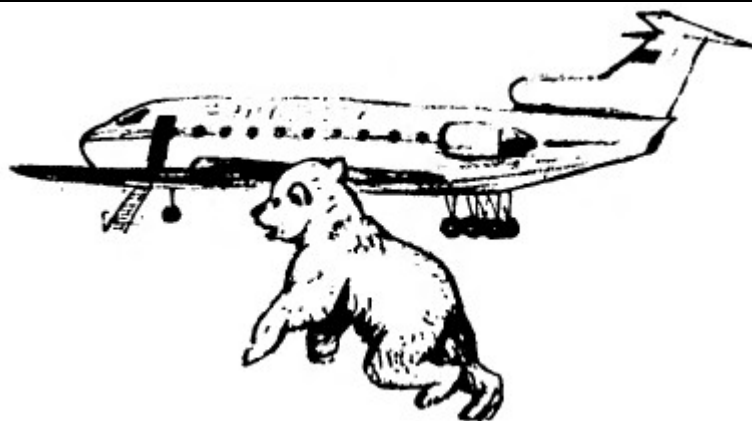
Попал Фомка в Москву не поездом, не пароходом, а прилетел на самолёте. Маршрут его: остров Котельный – Москва. Управлял этим самолётом знатный лётчик Илья Павлович Мазурук. Это ему, Илье Павловичу, преподнесли жители острова Котельный такой подарок, и экипаж самолёта решил взять его с собой в Москву.

Фомку – так звали медвежонка – поместили на самолёте в ящике. Ящик склотили большой, крепкий, затянули одну сторону сеткой. Сначала Фомка сидел в нём очень спокойно. Но не успел самолёт оторваться от земли, как Фомка вцепился в сетку, стал рвать её зубами, лапами и поднял такой крик, что даже шум мотора не мог его заглушить.

Напрасно пробовали успокоить крикуна. Напрасно совали ему в клетку тюленьё мясо, рыбий жир и другие медвежьи лакомства. Медвежонок охрип от крика, но по-прежнему продолжал орать. Тогда решили его выпустить и открыли клетку.

Осторожно, как будто кругом его поджидала опасность, вышел из неё Фомка. Насторожённо оглядываясь по сторонам, обошёл он кабину, всё обнюхал, всё осмотрел, потом влез на широкое кожаное кресло и с любопытством стал смотреть в окно. Кожаное кресло стало его любимым местом. На нём Фомка спал, ел и проводил почти всё время. На остановках его выпускали погулять. Фомка уже понимал, когда приземляется самолёт, соскакивал с кресла и занимал место около двери. А как он спешил выскочить, когда открывали её! Кубарем скатывался он с крутой лесенки на землю, и вот тут-то начинались его игры. Фомка без удержу катался по траве, переворачивался на спину, на живот или ловил свою заднюю лапу, обхватывал её и боролся сам с собой.

Он возился с таким азартом, что даже не замечал собравшихся вокруг людей. Но как бы он ни был занят, как бы ни был увлечён игрой, стоило кому-нибудь крикнуть: «На самолёт!» – или зашуметь пропеллеру, как Фомка моментально прекращал игру и во всю свою медвежью прыть мчался к самолёту.

Он так смешно и неуклюже карабкался по лесенке, так спешил попасть первым в кабину, что можно было подумать, что он боится отстать.

Так прилетел в Москву белый полярный медвежонок Фомка.

В Москве Илья Павлович решил подержать его у себя на квартире. Да не тут-то было! Представьте себе белого полярного мишку, одетого в тёплую шубу. Такую тёплую, что искупаться в самый лютый мороз для него одно удовольствие. И живёт этот мишка не на дальнем Севере, среди простора вечных льдов, а в самом центре Москвы, в квартире, в тепло натопленных комнатах.

От жары Фомка не находил себе места. Одно спасение – ванна. Налют ему полную ванну воды, залезет он в неё, барахтается, ныряет, лапами по воде шлёпает.

От медвежьего купания только брызги во все стороны летят и на полу – лужи.

Накупается Фомка, вылезет и начнёт по натёртому полу, словно по льду, кататься. А то ещё на диван или на постель мокрый залезет. Никакого сладу с ним нет. Терпел Илья Павлович, терпел, потом уж сил совсем не стало. Позвонил он в Зоопарк и стал просить, чтобы медвежонок забрали: «Приезжайте! Выручайте! Не умеет белый медведь себя в квартире вести».

За Фомкой послали меня. Когда я приехала, Фомка спал. Он лежал на полу, посередине большого кабинета. Все четыре лапы его были раскинуты в разные стороны, и он был похож на маленький коврик.

Спал Фомка так крепко, что даже не проснулся, когда я взяла его на руки.

Очнулся он уже внизу, на улице, от крика какой-то старушки:

– Батюшки! Да, никак, медведя тащат!

Фомка рывкнул, вырвался и... бросился в стоявший около тротуара чей-то автомобиль. Наверно, он его принял за самолёт. Схватился за дверцу лапами, дёргает, а там пассажиры сидят. Увидели они – белый медведь к ним лезет, перепугались, в другую дверцу выскочили и стали кричать. Тут Фомка ещё больше испугался. Как заревёт! Да за ручку как дёрнет! Не выдержала дверца напора, открылась. Я и ахнуть не успела, как он уже в машине, на сиденье, очутился. Сел и успокоился сразу. Фомка-то успокоился, а владельцы машины ещё больше кричат, ругаются, медведя убрать требуют. Легко сказать – убрать, если он из машины вылезать не хочет. Я его тащу, а он упирается, кричит, царапается.

На шум прибежал милиционер. Внимательно всё выслушал и неожиданно сказал:

– А вы, граждане, чем тут шум поднимать, лучше помогите бы до Зоопарка зверя доставить!

Слова милиционера подействовали. Хозяева машины успокоились и даже любезно предложили мне свою машину, а сами согласились ехать в нашей, зоопарковской. Однако пришлось поменяться не только машинами, но и шофёрами, потому что их шофёр ни за что не соглашался ехать с медведем.

Всю дорогу Фомка сидел спокойно и внимательно глядел в окно, а прохожие останавливались, подолгу смотрели на нас вслед и удивлялись, откуда это белый медведь в машине взялся.

До Зоопарка мы доехали благополучно. Правда, Фомка никак не хотел вылезать из машины, но тут к нам на помощь пришёл зоотехник. Выбрав удобный момент, он схватил Фомку за шиворот и, прежде чем тот успел опомниться, водворил его в клетку.

Секрет «болезни»

На новом месте Фомка ничуть не смутился. Обошёл клетку, обнюхал её, залез в домик и сразу уснул. Пока Фомка спал, служительница молодняка тётя Катя старательно готовила ему угощение. У нас ни разу не было на площадке белого медвежонка, и нам всем хотелось его накормить повкусней. Наконец договорились сделать молочную кашу и дать кусок тюленьего жира, а тётя Катя ещё решила добавить от себя морковку и яблоко.

Одним словом, когда всё было готово, Фомка уже проснулся. Нужно было видеть, с какой гордостью мы несли ему первый обед! Впереди шла практикантка Липа и несла кашу, за ней важно шагала с морковкой и яблоками тётя Катя, последней шла я и несла тюлений жир, который имеет такой ужасный запах, что пришлось свободной рукой затыкать себе нос.

Первой вошла в клетку Липа. Она ещё не успела поставить миску с кашей, как Фомка перевернул её, понюхал и тут же подбежал к тётке Кате. Тётя Катя выложила перед ним морковку и яблоко и откуда-то из кармана ещё достала печенье. Но Фомка и на эти лакомства не обратил внимания. Он уже стоял около решётки и жадно смотрел на меня. Я открыла дверь, и тюлений жир, словно большая медуза, шлёпнулся к лапам медвежонка. Липа, тётя Катя и я – все думали, что теперь-то Фомка наверное будет есть. Однако наши надежды не оправдались. Медвежонок жадно схватил тюлений жир и тут же его выбросил. Тогда мы принесли ему из кормовой всё, что было приготовлено для других зверей, принесли всё без разбора и поставили перед Фомкой.

Но не помогло и это. Фомка всё нюхал, переворачивал и ничего не ел. Сначала мы решили, что он просто сыт, но когда к вечеру он во весь голос заорал от голода и по-прежнему отказывался от пищи, пригласили врача. Пришёл врач. Он хотел осмотреть медвежонка, но тот так кричал, так бушевал, что заходить к нему врач не решился, да и на больного он совсем не был похож. Все были в недоумении от такого поведения медвежонка и решили подождать до следующего дня.

Всю ночь орал и бесновался Фомка, а утром опять не стал есть. Пришлось ехать к Илье Павловичу. Кто знает, может быть, Фомка не ест потому, что скучает по своему хозяину?

Илья Павлович принял меня очень приветливо. Он так расспрашивал о своём питомце, что мне даже не хотелось его сразу огорчать. Но сказать о том, что Фомка не ест, всё же пришлось. Илья Павлович внимательно всё выслушал и вдруг совсем неожиданно рассмеялся.

В это время зазвонил телефон. Илья Павлович взял трубку – его куда-то срочно вызывали. Обещав зайти в Зоопарк, он уехал.

Свое слово Илья Павлович сдержал. Приехал он в этот же день к вечеру. В руках он держал небольшой чемоданчик и прямо с ним пришёл к клетке Фомки. Что было в чемоданчике, мы не знали. Илья Павлович поставил его около себя, сказал, что будет сейчас лечить Фомку, и вынул из кармана большой складной нож. Нас это очень удивило, и мы даже спросили у Ильи Павловича, зачем ему нож и не лучше ли позвать врача.

Но Илья Павлович только загадочно усмехнулся, открыл чемоданчик и вынул оттуда банку, на которой было написано: «Сгущённое молоко». Илья Павлович открыл её ножом и дал Фомке. Фомка жадно схватил её передними лапами и своим длинным красным язычком так старательно вылакал

молоко и облизал всю банку, что она стала блестеть, как начищенная.

Пока Фомка ел, Илья Павлович объяснил нам секрет его «болезни». Секрет заключался в том, что медвежонка кормили на самолёте только сгущённым молоком, и он так к нему привык, что отказывался от другой пищи.

Больших трудов стоило потом нам отучить Фомку от этого лакомства. Он упорно от всего отказывался, капризничал, и, чтобы заставить его поесть, приходилось ко всему добавлять сгущённое молоко. Добавляли в кашу, в суп и даже в рыбий жир. Так постепенно приучали мы Фомку к другой пище, вылечили от его «болезни» и перевели на обычную для белого медведя еду.

Фомка знакомится...

Вскоре мы стали выпускать Фомку на площадку молодняка. Сначала выпускали одного, но Фомка один не играл. Он слонялся из угла в угол и жалобно хныкал от скуки. Тогда мы решили познакомить его с другими зверятами. Выпустили на площадку лисиц, медвежат, волчат, енотов. Когда все звери разыгрались, пустили к ним Фомку.

Фомка вышел из клетки так, как будто никого не видел, но по тому, как он сопел, как низко опустил голову и смотрел исподлобья своими маленькими глазками, было видно, что он всё и всех замечает.

Зверята тоже увидели его сразу, но отнеслись к нему каждый по-своему: волчата поджали хвосты и, осторожно оглядываясь, отошли в сторону, у енотов вся шерсть поднялась дыбом, отчего они стали похожи на большие шары, а барсучата бросились в разные стороны и мгновенно скрылись из виду. Но больше всех испугались бурые медвежата. Как по команде, встали они на задние лапы, вытаращили глазёнки и долго удивлённо смотрели на незнакомого им белого мишку. А когда он направился в их сторону, они от ужаса рывкнули и, сшибая друг друга с ног, полезли на самую верхушку дерева.

Самыми храбрыми оказались лисята и динго. Они вертелись около самой морды медвежонка, но каждый раз, когда он пытался кого-нибудь поймать, ловко уворачивались.

Одним словом, на площадке, где было столько зверят, Фомка опять остался один.

Тогда мы выпустили тигрёнка. Звали его Сиротка. Назвали его так потому, что он вырос без матери.

Зверята боялись сильной, когтистой лапы Сиротки и избегали её. Но разве мог это знать Фомка? Не успели мы выпустить Сиротку, как он сразу побежал к ней. Сиротка зашипела на незнакомца и предостерегающе подняла лапу. Но не понял тигриного языка медвежонок. Подошёл ближе и в следующую секунду получил такую затрещину, что едва устоял на ногах.

Такой предательский удар привёл Фомку в ярость. Низко опустив голову, с рёвом ринулся он на обидчика.

Когда мы прибежали на шум, трудно было разобрать, где тигрёнок и где медвежонок. Оба крепко вцепились друг в друга, рыча, катались по земле, и только белая и рыжая шерсть летела клочьями во все стороны. С большим трудом удалось нам разнять драчунов. Рассадили их по клеткам и только через несколько дней решились выпустить опять.

На всякий случай теперь за ними следили, но наши опасения оказались напрасными. Померившись силами, они стали с большим уважением относиться друг к другу. Фомка не подходил к Сиротке, а Сиротка не замахивалась на него лапой, когда он проходил мимо.

По-иному отнеслись к Фомке и другие зверята. Бурые медвежата лезли к нему бороться, а волчата и енотки больше не убегали. И всё-таки Фомке было с ними неинтересно. Он охотно гонялся за лисятами и динго, боролся с медвежатами, но было видно, насколько он всех сильнее и как легко ему даётся победа. Фомке же хотелось помериться силою с равным противником, а таким противником была только Сиротка. Она тоже заметно интересовалась Фомкой.

Знакомились они друг с другом постепенно, в игре, а недели через две уже были настоящими друзьями.

Целые дни проводили они вместе. Интересно было наблюдать за их играми. Сиротке нравилось прятаться, а потом неожиданно нападать. Бывало, идёт Фомка, а она выпрыгнет, схватит медвежонка

за шиворот, трепанёт его раз-другой – и бежать. А Фомка наоборот – любил побороться. Обхватит тигрёнка лапами, прижмёт к себе и на обе лопатки положить старается. Трудно вырваться из медвежьих объятий, да не сдаётся полосатый хищник: упрётся лапами в живот Фомке, от себя оттолкнуть пытается. Много народу собиралось тогда у площадки. Находились такие любители, которые специально приходили смотреть их борьбу.

Обыкновенно борьба кончалась вничью. Но как-то раз Сиротка так надоела неповоротливому медвежонку, что он залез от неё в воду. Сидит Фомка, прохлаждается, а Сиротка вокруг ходит, достать не может. Долго ходила она так, потом не выдержала да как прыгнет! Промахнулась и в воду шлёпнулась. Вот тут-то и задал ей трёпку Фомка. В воде он оказался куда поворотливей тигра. В одну минуту подмял под себя и так возил под водою, что чуть не утопил. Вся намокшая и перепуганная, с трудом вырвалась из медвежьих объятий Сиротка и позорно бежала в свою клетку. После этого Сиротка уже опасалась подходить к бассейну, когда там сидел Фомка, и даже пить воду уходила в другое место.

Однако этот случай ничуть не помешал их дружбе, и они по-прежнему большую часть дня проводили в играх.

Фомка становится опасным

К осени Фомка так вырос, что в нём с трудом можно было узнать прежнего медвежонка. Правда, с животными на площадке он, как и раньше, уживался хорошо, не обижал слабых и дружил с Сироткой, зато с людьми стал вести себя намного хуже. Раньше слушался, а теперь не позволял собой распоряжаться даже тёте Кате.

Бедная тётя Катя! Ей приходилось пускаться на всякие хитрости, чтобы заставить зайти Фомку в клетку, если ему не хотелось этого делать.

Обычно весь молодняк заманивали в клетку на корм. Положат что-нибудь съедобное, и они сразу вбегут. Но Фомку кормом не соблазнишь. Его живот был всегда набит пищей, как барабан. Ему давали подачки за каждый пустяк: за то, чтобы он не подходил к барьеру, чтобы не мешал убирать площадку, и, наконец, просто за то, чтобы не кусался. Чуть только глянет Фомка не так, ему сразу суют что-нибудь вкусное. Одним словом, с Фомкой расплачивались пищей, и к концу дня он так наедался, что не шёл в клетку за самым лучшим лакомством.

И чего только не делала тогда тётя Катя, чтобы заманить Фомку! Подолгу упрашивала упряма, старалась чем-нибудь его заинтересовать. Фомка оказался очень любопытным медвежонком. Стоило ему увидеть незнакомую вещь, как он спешил подойти ближе, получше её рассмотреть.

Заметив у Фомки эту слабость, тётя Катя стала ею пользоваться. Она заходила в клетку, клала на пол косынку, жакет или что-нибудь ещё. Делала вид, что разглядывает что-то интересное, трогала, брала в руки. Иногда ей приходилось делать это довольно долго, смотря по настроению Фомки. А иногда он заходил быстро. Тогда тётя Катя ловко выдёргивала у него из-под носа приманку, исчезала из клетки и быстро захлопывала дверь. Но не всегда всё проходило благополучно. Случалось и так, что тётя Катя не успевала выдернуть приманку, и тогда Фомка расправлялся с ней по-своему.

Однако умный Фомка скоро разгадал эту хитрость. С каждым днём всё труднее и труднее было справиться с подраставшим медвежонком. А после того как он сильно искусал дежурную, было решено перевести его на Остров зверей. Жалко нам было расставаться с Фомкой, но ничего не поделаешь – слишком он стал опасным для людей на площадке.

На Острове зверей был свободный загон с большим, глубоким водоёмом. Было где побегать, поиграть, искупаться. Вот в него-то и поместили Фомку.

Когда Фомка очутился один на новом месте, он страшно испугался. Метался по загону, жалобно кричал и всё искал, где бы вылезть. Но вылезть было негде. Тогда Фомка забился в угол и ни за что не хотел выйти даже за кормом. После площадки, где он находился среди стольких зверей, тут одному ему было очень скучно. Он слонялся по всему загону и совсем перестал играть. Но недолго скучал Фомка. Скоро привезли в Зоопарк ещё одного медвежонка, Машку, и пустили её к Фомке. Она была намного меньше Фомки, но он её не тронул. Ласково пофыркивая, обнюхал он Машку, и они уже вместе полезли в воду. Весь день они купались и играли, а к вечеру медвежата крепко уснули, обняв друга лапами.

Фомка успокоился, перестал скучать. Ему жилось очень весело со своей подругой – белым медвежонком Машкой.

Волчья воспитанница

В чужой клетке

В одной клетке сидела волчица, а в соседней – собака из породы овчарок.

Обе сидели в клетках, разделённых между собой решёткой, и у обеих скоро должны были родиться щенята. Родились они у них почти одновременно. Обе мамы заботливо ухаживали за своим потомством, и вот тут произошёл случай, о котором я хочу рассказать.

Однажды, когда овчарка с аппетитом грызла кость, один из её щенков, самый маленький и резвый, отполз в сторону. Он упорно кружился, пока не оказался около решётки в том месте, где прутья были чуть-чуть разогнуты. Но и этой щели оказалось достаточно, чтобы щенок протиснулся и очутился в клетке волчицы.

Служитель увидел это и хотел достать малыша. Он схватил металлическую клюшку, которой убирают клетки, просунул сквозь решётку и стал ею пододвигать к себе щенка. Всё это время волчица напряжённо вглядывалась в малыша. Несколько раз порывалась она кинуться к нему, но каждый раз привычный страх перед клюшкой останавливал её.

Щенок был почти у решётки, когда вдруг волчица вскочила и схватила его в зубы. Служитель испугался. Он думал, что волчица сейчас задушит щенка, и, стараясь его спасти, стал кричать, стучать клюшкой, чтобы заставить волчицу его бросить. Но волчица щенка не бросила. Она отнесла малыша в угол клетки и осторожно положила к волчатам.

Так и остался жить среди волчат щенок овчарки.

Маленький, юркий, чёрного цвета, он резко отличался от своих молочных братьев и сестёр, но, хотя был намного меньше их ростом, развивался гораздо быстрее.

Он первый находил сосцы своей приёмной матери, первый начал вставать на ещё слабые лапки, первый начал есть мясо.

А когда волчата подросли и стали играть, он всегда отличался среди них своей ловкостью и смекалкой.

Рос он совсем диким. Так же как и волчата, забивался в угол клетки, если в клетку входил служитель, и молча скалил свои маленькие зубки, если к нему протягивалась рука человека.

Оправданная кличка

Волчатам исполнилось два с половиной месяца. Они уже перестали сосать волчицу и хорошо ели мясо. Вскоре их перевели на площадку молодняка, где находились лисята, медвежата, два козлёнка, динго и уссурийские еноты. Вместе с волчатами попал на площадку и щенок овчарки.

Служительница вынимала из корзинки присмиривших волчат, брала их по очереди за шиворот, внимательно осматривала и давала кличку. Записывала все их приметы в тетрадь и только после этого пускала волчат на площадку. Волчата покорно висели в её руках – большеголовые, с полуоткрытой пастью и поджатыми хвостиками. Выпущенные на свободу, они некоторое время лежали на земле, словно неживые, а потом поспешно улепётывали в укромный уголок.

Совсем не так повёл себя щенок овчарки. Не успела служительница взять его за шиворот, как он пронзительно взвизгнул, ловко извернулся и вцепился ей в руку. От неожиданности служительница его даже уронила. Она хотела опять схватить его, но он быстро вскочил и помчался по площадке.

Служительница посмотрела вслед убежавшему щенку, потом вытерла кровь с руки и в графе тетради, где написано «кличка», вывела: «Куська». Эта кличка как нельзя лучше подошла щенку. Сначала служители и дежурные пробовали приручить маленькую дикарку, но Куська упорно избегала людей и так сердито щёлкала зубами на того, кто хотел её погладить, что скоро все оставили её в покое.

В играх с остальными животными Куська с каждым днём проявляла всё больше ловкости и смекалки. Она умела на всём бегу свернуть неожиданно в сторону и тут же напасть на преследователя, вывернуться из крепких объятий уже подросшего медвежонка и так закружить его нападением с разных сторон, что тот спешил спастись от неё на дерево. Нередко игра Куськи переходила в настоящую охоту. Она с таким азартом гонялась за животными, что приходилось вмешиваться дежурным.

Дежурные Куську не любили: из-за неё нельзя было ни на минуту отлучиться с площадки. Надо было постоянно следить за тем, чтобы она кого-нибудь не обидела. Пришлось даже убрать с площадки обоих козлят, которых она чуть не задушила. Три месяца терпели несносную собаку, но осенью, после того, как она загрызла двух лисиц и сильно поранила медвежонка, решили от неё избавиться.

Несмотря на эти проделки, Куська мне нравилась. Она не была особенно красивой собакой, но её ловкость и подвижность очень меня привлекали. Интересная у неё была окраска: всё тело чёрное, а лапы и подпалы на щеках рыжие. Эти подпалы делали её морду очень выразительной. Выражение злобы и радости сменялось у неё с удивительной быстротой. Когда она смеялась, то растягивала рот так, что подпалы уходили к самым ушам, отчего глаза становились немного косыми и искрились весельем. Нравилась она мне и своим неукротимым характером.

Одним словом, когда я узнала, что Куську хотят отдать, то решила взять её к себе. Нельзя сказать, чтобы мои домашние были особенно этому рады. Они много слышали о Куське и не очень-то хотели иметь её у себя.

Когда я пришла за Куськой, она бегала по площадке. Поймать её там было трудно, и поэтому решили заманить Куську в клетку. Открыли дверь и бросили туда мясо. Ничего не подозревая, Куська вошла туда сразу. Вошла за ней и я и быстро захлопнула дверь. Увидев незнакомого человека, да ещё так близко, Куська сначала в страхе заметалась по клетке, потом так же внезапно изменила своё поведение. Шерсть её поднялась дыбом, она вся сгорбилась и, оскалив зубы, медленно отошла в угол. Сначала я думала взять её лаской, но при первой же моей попытке её глаза сделались такими злыми, что от этого пришлось отказаться сразу. Тогда я взяла ремень и попробовала накинуть ей на шею петлю. В первый раз это удалось, но затянуть петлю я не успела. Куська ловко вывернулась и бросилась на меня. Она бросалась много раз, молча лязгая, как волк, зубами, в какой-то упорной злобе стараясь схватить меня за лицо. Но петлю на неё я всё же накинула. В какую она пришла

ярость, когда почувствовала на своей шее ремень! С бешеным визгом рвалась она из петли, хватала зубами всё, что попадало на пути, потом вдруг вцепилась себе в бок, в лапу, рвала сама себя, как чужую. Чёрная блестящая шерсть Куськи окрасилась кровью, а она продолжала кататься по земле и всё кусала себя, кусала...

С большим трудом удалось мне схватить её за шиворот и прижать к земле. Потом так же быстро я вытащила второй ремень, завязала ей морду и лапы. Теперь она лежала совсем беспомощная, и только одни глаза её горели таким бешенством, что я невольно отвернулась. Но, несмотря на всё это, волчья воспитанница мне определённо нравилась.

Вместе с зоотехником вынесли мы Куську из клетки, положили в машину и поехали. Жила я в то время на Новой территории Зоопарка, в маленьком отдельном домике. Недалеко от него, около большого дерева, подготовила я место для Куськи, поставила ей конуру. Надела на Куську широкий, крепкий ошейник, пристегнула к длинной цепи, потом развязала лапы, морду и отошла подальше.

Освобождённая от ремней, Куська некоторое время лежала не шевелясь, потом вдруг вскочила и бросилась в сторону. Она так рванулась, что цепью её отбросило назад. Она опять вскочила, стала рваться, визжать, но вскоре уgomонилась, забилась в конуру и весь день оттуда не вылезала. В этот день она не ела. А ночью было слышно, как она опять рвалась, визжала и долго по-волчьи выла. Утром, когда я вышла, Куська спряталась в домик. Корм её остался нетронутым, а кровавая пена на земле говорила о напрасной попытке перегрызть цепь.

Зверь становится собакой

Долго не могла к нам привыкнуть Куська.

Целыми днями лежала она в конуре и даже не трогала при ком-нибудь из нас корм. Ела, когда уходили. Осторожно оглядывалась, приближалась к миске, съедала и опять уходила на место. По ночам выла и никогда не лаяла. Чтобы она никого не покусала, я запретила всем домашним подходить к ней. Особенно детям. Меня очень интересовало, когда в этой волчьей воспитаннице пробудится собака. Ждать пришлось долго, и всё-таки я дождалась. Началось с того, что Куська перестала относиться равнодушно к моему уходу. Заметив, что я собираюсь идти, она настораживала уши, высовывалась из конуры, потом вылезала и внимательно смотрела мне вслед. Иногда я нарочно пряталась за угол дома. Постою немного и неожиданно выйду. Куська смущённо поджимала хвост и медленно отходила в сторону. Зато на моих детей, Толю и Люду, совсем не обращала внимания и, казалось, не отличала их от чужих детей.

Но это только казалось, потому что однажды она доказала обратное.

Мимо нашего дома проходили ребята. Один из них нёс мяч, другой, балуясь, выбил его у товарища из рук. Мяч отлетел в сторону и закатился в конуру к Куське. Ребята пробовали достать его палкой, но Куська с такой яростью вырвала её у них из рук, что от этого способа пришлось отказаться. Тогда они стали просить меня достать мяч. Я могла это сделать, вытащив собаку за цепь, но мне не хотелось нарушать доверие, которое она начала питать ко мне. Я уговорила ребят прийти на другой день и уже повернулась, чтобы уйти, когда увидела Люду. По-детски просто и смело подходила она к Куське. Я хотела крикнуть, броситься к ней, но было слишком поздно. Людочка уже нагнулась к мячу, и тоненькая шейка пятилетнего ребёнка была на уровне морды собаки-зверя. Словно загипнотизированная, стояла я, боясь шелохнуться. Малейший шум или движение с моей стороны могли побудить Куську броситься на Людочку. Вот Люда тянет к мячу ручонки... вот чуть-чуть отодвинулась Куська... вот Люда берёт мяч... взяла... отходит... отошла... Я хватаю её на руки и целую, целую без конца. И ещё мне хочется сделать что-нибудь приятное Куське за то, что она не тронула ребёнка. Я бегу домой. Прямо из супа достаю мясо и хочу из рук дать Куське. Но Куська не подпускает меня ближе положенной границы, скалит зубы и предупреждающе рычит...

Я положила мясо и ушла. С этого дня я не стала запрещать детям подходить к Куське, а только

просила не слишком к ней приближаться. Но Толя и Люда не послушались. Около Куськи – самое любимое место их игр. Люда строит там из песка куличики, домики, какие-то башенки. Куську это заметно интересует. Она вылезает из конуры, садится в сторонке и наблюдает за детьми.

Теперь Куська уже знает всю нашу семью. С каждым днём всё ближе и ближе разрешает мне подходить к ней. Иногда она даже сама делает попытку подойти ко мне, но мешает цепь. Малейший рывок или движение по-прежнему пугают её. Заметив это, я решаюсь Куську спустить. Меня все отговаривают, убеждают, что она уйдёт. Но какая-то уверенность говорит мне обратное. Я беру острый нож, привязываю его к палке и осторожно перерезаю ошейник. Тяжело вместе с цепью падает он на землю.

Куська свободна. Она может уйти. Уйти куда хочет, убежать совсем – теперь её ничто не держит. Но Куська не уходит. Она не уходит ни в этот, ни в следующие дни. Что-то её удерживает, и это «что-то» крепче цепи.

Каждое утро, когда я ухожу на работу, она провожает меня до выхода с территории. Каждый вечер выбегает навстречу. Она больше не спит у себя в конуре. Вырыла под крыльцом глубокую нору и ночует там. Воет реже, и вскоре мы услышали её лай. Случилось это ночью. Ночами Куське нравилось рыскать по заброшенной территории парка, и как-то раз она наткнулась на сторожа. С поджатым хвостом, острой мордой и стоячими ушами, она всеми повадками напоминала волка. Так же как и волк, увидев человека, бесшумной походкой ушла в темноту. Приняв её за убежавшего из клетки зверя, сторож пошёл за ней.

Куська трусливо уходила от него до тех пор, пока не поравнялась с нашим домом. Заметив свет, сторож подошёл к окну, и тогда... тогда Куська поступила совсем не по-волчьи. Внезапно повернувшись, бросилась она на человека. Вот тут-то мы и услышали её первый лай – отрывистый, прерываемый щёлканьем зубов. Сначала я не поверила своим ушам, но, когда к лаю присоединились крики о помощи, поспешила выскочить.

Бедный сторож! Он с трудом отбивался от Куськи. А она, словно вьюн, вертелась вокруг него, стараясь схватить за ноги.

Я думала, что отогнать её будет трудно. Но оказалось совсем не так. Стоило мне окликнуть Куську, как она тут же перестала кидаться. Послушно отошла от сторожа и спокойно дала ему уйти.

Заметно интересовала Куську и наша жизнь. Если мы оставляли открытой дверь, она подходила, садилась у порога и подолгу внимательно следила за тем, что мы делали. Вечером, когда дверь была закрыта, она часто становилась передними лапами на подоконник и заглядывала в освещенную комнату.

Зато гладить себя разрешила Куська много позже. Случилось это после того, как меня несколько дней не было дома. Я нарочно не приходила домой, чтобы узнать, как отнесётся к моему отсутствию Куська. О том, что она делала и как себя вела, мне докладывал Толя. Он говорил, что Куська ко времени моего прихода бежала встречать меня к воротам территории, подолгу смотрит на улицу, выискивая меня среди прохожих, грустит и плохо ест. Пришла я днём, когда Куська не ждала. Она лежала около дома, но, увидев меня, бросилась навстречу. Я протянула руку, и Куська не отскочила, как раньше; она ткнулась в мою ладонь носом и остановилась, неумело помахивая хвостом. Воспользовавшись доверием, я осторожно положила ей на голову руку и стала гладить. Сначала тихо, потом всё смелей, смелей гладила её чёрную атласную голову, до которой так долго мечтала дотронуться. Куська стояла не шевелясь. Как будто замерла она под моей рукой, потом вдруг вывернулась и, уже совсем как собака, стала ласкаться. Прыгала мне на грудь, виляла хвостом, лизала руки, лицо. Так из злого, недоверчивого зверя она стала собакой, верным другом человека.

Трудно представить собаку преданней Куськи. Я не могу назвать её особенно храброй. В ней оставалось ещё много дикости и звериной осторожности. Но когда ей казалось, что мне или детям грозит опасность, она смело бросалась на защиту.

Как-то раз я пришла на склад. Склад находился на Новой территории, близко от нашего домика, но Куська туда никогда не ходила. Пять огромных псов, охраняющих склад, были её постоянными врагами. Она проводила меня до калитки, осталась ждать, а я вошла внутрь. Но не успела я ступить во двор, как на меня бросились собаки. Увидев, что я в опасности, Куська смело ринулась в неравный бой. В одно мгновение пять огромных свирепых псов подмяли её под себя. В рычащей массе было трудно что-нибудь разобрать. С большим трудом удалось вместе с подросшим кладовщиком оттащить одну собаку. С другими справиться не могли. Каждый раз, когда их оттащивали, они вырывались и снова бросались на Куську.

Я думала, что они её задушат, но Куська дралась, как настоящий зверь.

Наседавшие со всех сторон собаки кусали её, но она им не уступала.

Первым вышел из боя молодой пёс, за ним последовали два других. Остался самый злобный и опытный в боях по кличке Барсук. Куська была гораздо меньше его ростом и возрастом. Однако, несмотря на это, она вовсе не собиралась уступать более сильному противнику. Без всяких попыток уклониться бросалась она на Барсука, хватала его за морду. Барсук остервенел. Он, наверно, загрыз бы Куську, но из прокусанного во многих местах носа шла кровь. Он много раз хватал Куську за горло,

валил её, но тут же, захлебываясь собственной кровью, отпускал. А Куська, полузадушенная, шатаясь от слабости, опять поднималась, шла на него и опять кусала за морду.

Не знавший себе равных в боях, Барсук отступил. Отступил, испуганный настойчивостью и хваткой этой непонятной ему собаки. А Куська! Куська с трудом подошла ко мне и сразу легла. Она лежала у моих ног такая искусанная, что казалось, на её теле не было ни одного живого местечка. Я хотела взять Куську на руки, но её даже нельзя было нести. Тогда я осторожно помогла ей подняться на ноги и, тихонько поддерживая, отвела домой.

Долго проболела Куська, но этот случай не остановил её в другой раз так же энергично вступить за Толю.

Когда Куське исполнился год, её зарегистрировали в клубе служебного собаководства. В то время регистрировали всех овчарок, а Куська хоть и была волчьей воспитанницей, но всё-таки овчаркой, и пришлось её записать.

Куську осмотрели и признали к дрессировке не годной. Уж очень в ней ещё много было звериного. Записали всё это в карточку, а мне дали справку, что от неё можно брать только щенят, а сама она мобилизации не подлежит. Но, на беду, я эту справку потеряла. Поэтому, когда из питомника за Куськой пришли проводники, я напрасно их убеждала, что Куська никуда не годится и даже не умеет ходить на привязи.

— Не таких водили! — уверенно ответили они.

Когда я пристегнула к её ошейнику широкий, крепкий ремень, Куська стояла спокойно, но стоило взять ремень посторонним, как она заволновалась. Как только они потянули за собой Куську, тут-то и показала она свой характер! Сначала кинулась на державшего её человека. Но это были опытные люди, и они быстро утихомирили её буйный нрав. Тогда Куська стала вырываться. Она то бросалась из стороны в сторону, то ложилась на землю и ни за что не хотела идти. С большим трудом её вытащили на улицу, но и там Куська опять начала вырываться, визжать. Собралась толпа. Все жалели собаку, и когда её опять потащили, Куська вдруг вывернулась из ошейника и бросилась со всех ног домой.

Нужно ли говорить о том, как ругали её проводники! Теперь поймать Куську на огромной территории было почти невозможно. Однако в этот же день вечером они пришли за ней опять. На этот раз с ними была ещё собака, которую взяли специально для ловли. Куська лежала в конуре. Один из проводников быстро закрыл выход, а другой надел толстые рукавицы, которые не могла прокусить собака, оторвал крышку конуры и смело просунул туда руки. Получился маленький просвет, но и он оказался достаточным, чтобы этим воспользовалась Куська: ведь не даром её воспитала волчица. Не успел человек наклониться над приподнятой крышкой, как Куська ринулась в это отверстие. Сильным ударом отшибла она ничем не сдерживаемую крышку, разбила в кровь лицо проводнику и, прежде чем тот опомнился, скрылась за поворотом.

Правда, за ней бросилась собака, но она вернулась очень скоро, вся искусанная беглянкой.

Раздосадованные неудачей, проводники решили не уходить без Куськи. В их практике ещё не попадались такие собаки, и они решили во что бы то ни стало её перехитрить. Они привязали в стороне свою собаку, потом у выхода из Куськиной конуры расставили петлю, спрятались за угол нашего домика и стали ждать. Ждали они очень долго. Уже давно пробило полночь, а они всё сидели и караулили собаку. Несколько раз я выходила сама и искала Куську, но Куськи не было. Я уже волновалась, что она пропала. А утром, когда озябшие и раздосадованные неудачей проводники ушли, сладко потягиваясь, вылезла из-под дома Куська, как раз позади того места, где караулили её люди.

И всё-таки через несколько дней её взяли. Она была на цепи и на этот раз уйти не могла. Её связали и увезли на машине. Сильно скучали мы без Куськи. Особенно Толя и Люда. А когда я пошла узнать, где она находится, мне сказали, что до места её не довезли. По дороге она перегрызла привязь, спрыгнула на ходу из вагона и ушла. Пожалели, что пропала, и добавили, что, если найдётся, больше

не возьмут.

Тогда я принялась за поиски. Ездил к той станции, около которой ушла Куська, расспрашивала местных жителей. Но никто не видел небольшой чёрной овчарки, никто ничего не мог мне о ней сказать.

Мы решили, что Куська пропала, как вдруг совсем неожиданно она вернулась сама. Худая, грязная, с обрывками ремня на шее, пришла она домой. Откуда прибежала Куська, сколько прошла километров и как нашла свой дом, осталось неизвестным, но больше за ней никто не приходил, и Куська осталась жить в парке. Ночами она охраняла территорию, а днём спокойно спала в конуре. Так нашла своё место в жизни волчья воспитанница Куська.

Ная – выдрёнок Маленький приёмш

Ная – это выдрёнок. Туловище у Наи длинное и гибкое, словно без костей; головка приплюснутая, похожа на змеиную, и маленькие, как бусинки, глаза. Если разбирать по отдельности, Ная могла показаться просто уродкой, но, покрытая пушистой шёрсткой, она была такая хорошенькая, что каждому хотелось её приласкать.

Взяла я Наю совсем маленьким выдрёнком. Много возни с таким малышом: нужно кормить его и днём и ночью, а если он озябнет, согреть его – класть рядом бутылку с горячей водой. В это время я была в отпуске и жила на даче под Москвой. Ная мне очень понравилась, и я решила взять её к себе на воспитание.

В тот же день со своим новым питомцем ехала я на дачу.

В вагоне было очень тесно. Я с трудом нашла свободное место и села. Выдрёнок лежал в корзинке и, свернувшись клубочком, крепко спал. Я поставила корзинку рядом с собой и задремала. Проснулась я от резкого свиста. Сидящая рядом со мной пассажирка с криком шарахнулась в сторону. Вся публика в вагоне обернулась. В чём дело, сообразила я только после второго свиста. Причиной переполоха оказалась маленькая Ная. Ей надоело сидеть в тесной корзине, и, выскочив оттуда, она призывным свистом звала свою мать.

Сунув обратно выдрёнка, я перешла в соседний вагон, и остальную часть пути мы уже проехали благополучно.

Дома больше всех обрадовался Нае мой сынишка Толя. Он где-то читал о том, как хорошо плавают и ловят рыбу выдра, и вот теперь у него есть настоящая маленькая выдра; он уверял нас, что когда Ная вырастет, она обязательно будет ловить ему рыбу.

Толя взялся ухаживать за ней сам. В углу около своей постели приготовил он для Наи тёплое, удобное гнёздышко, напоил её молоком и уложил спать. Уснула Ная почти сразу, на боку, а лапку положила под головку, совсем как человек. Спала она так почти всегда или ещё ложилась на спинку и складывала лапки на животе. Тогда Толя покрывал её одеяльцем, и выходило очень забавно.

Ная скоро привыкла к нам: узнавала всех по голосу, звуку шагов. Ещё только к двери подходишь, а она уже бежит навстречу и звуками, похожими на щебетанье птицы, выражает свою радость.

Вообще Ная была очень ласковым и весёлым зверьком. Почти всё время проводила она в играх: кувыркалась через голову, ловила себя за хвост. Была у неё и своя любимая игрушка – Толина плюшевая собачка. Чего только Ная с ней не выделяла! То вдруг бросалась на неё, как на добычу, и теребила за большие мягкие уши, то отбегала, высоко подняв свой длинный хвост, и снова кидалась. Или же ложилась на спину, обнимала передними лапами собачку и начинала с ней бороться. В её лапах собачка становилась как живая: подпрыгивала, как будто нападала, отскакивала. Устав, Ная засыпала тут же, рядом с игрушкой. Если же собачку убирали, она скучала, искала её по комнате и тонко пищала.

В родной стихии

Когда Ная подросла, мы стали ей давать, кроме молока, ещё рыбу: сначала чищеную и мелко нарезанную, потом целиком и даже живую. Рыбу приносили ребята. Они очень интересовались выдрёнком. Приходили к нашему дому и терпеливо ждали, когда кто-нибудь выйдет с Наей погулять.

Ная ребят любила, играла с ними и никогда не кусала. Скоро у неё среди детворы появилось много друзей. Бывало, придёшь домой, а дверь вся увешана связками рыбы и записками: «Для Наи от Коли», «Пусть Ная кушает и поправляется. Стёпа Иванов», «Рыбу принёс В. Федосьев»... Одним словом, сколько связок, столько и записок. Приносили и живую рыбу. Приносили в банке с водой и ставили под дверь. Сколько раз случалось – выйдешь из комнаты и ногой в банку с водой угодишь; рыба в одну сторону, банка – в другую, а вода ручейком с лестницы стекает.

Живую рыбу Ная очень любила. Мы наливали в таз воды и пускали туда рыбёшек. Как увидит Ная рыбу в тазу – не удержать её.словно угорь, в руках извивается, вырвется и сразу в таз бросится, одни брызги во все стороны летят. Где выдра, где рыба – ничего не разберёшь, только таз ходуном

ходит. Но какая бы рыбёшка ни была маленькая, Ная всё равно её поймает.

После купания Ная всегда вытиралась, чаще о Толину постель. Залезет под одеяло и катается под ним, пока сухая не станет. Она-то сухая, а одеяло мокрое; по несколько раз в день его сушить приходилось. А потом ещё повадилась спать вместе с Толей. Залезет вся грязная да мокрая в кровать и прижмётся к нему. Просто беда! И чего Толя не делал, чтобы её отучить от кровати: и стульями и щитами какими-то загораживался, когда спать ложился. В комнате настоящую крепость сделает – ни пройти, ни пролезть. Да не тут-то было! От Наи так просто не избавишься. Если ей не удавалось пролезть в какую-нибудь щель, она поднимала такой крик, что всех будила, и Толе волей-неволей приходилось вставать и брать её к себе. Тогда он вот что придумал. Ная, как и все выдры, видела плохо. Пользуясь этим, Толя отвлечёт её чем-нибудь, а сам тут же одним прыжком в кровать бросится и затаится. Не видит Ная Толю. Вытянет длинную шейку и старается уловить по малейшему шороху, где он.

Слух у Наи замечательный. Если Толя не шевелился, Ная свистнет раз-другой, подождёт и, не получив ответа, уйдёт спать на своё место. Если же Толя не выдержит и хоть чуть-чуть шелохнётся, Ная бросается к нему и просится опять на кровать.

Оставаться одной Нае не нравилось. Когда мы уходили гулять, она так кричала, что приходилось её брать с собой. Прогулки Ная любила, бежала за нами, как собачонка, и ни на шаг не отставала. Гуляли мы с ней везде, только к речке не подходили: боялись, что Ная увидит воду, уйдёт и не вернётся.

Но вот однажды мы пошли в лес. На своих коротеньких ножках Ная скоро устала бежать за нами, попросилась в корзинку, да там и уснула. А тут ещё грибы по дороге попались. Куда их складывать? Конечно, в корзину. Так и клали их, пока Наю совсем не заложили.

День был солнечный, жаркий. Мы решили пойти искупаться и совсем забыли, что в корзине под грибами у нас спит выдра. Подошли к реке, стали раздеваться. Вдруг корзина заколыхалась, посыпались грибы, и, прежде чем я успела сообразить, в чём дело, Ная уже очутилась на берегу.

– Ная, Ная, Ная! – кричали я и Толя.

Но Ная даже не обернулась. В одну минуту подбежала она к воде и со всего размаха бросилась в реку. Некоторое время она плыла на виду, потом вдруг нырнула и сразу исчезла. Напрасно мы бегали вдоль берега, кричали и звали её. Наи нигде не было.

Больше всех огорчён был Толя. Он никак не хотел идти домой без Наи. Всё ходил по берегу и искал её.

День клонился к вечеру. Видно, нечего было больше ждать, и мы уже собрались уходить, когда где-то далеко раздался по реке призывный резкий свист Наи.

– Ная, Ная, Ная! – радостно закричали мы в один голос.

А свист раздавался всё ближе и ближе. И вдруг из-за поворота реки, стремительно рассекая воду, показалась Ная. Она плыла так быстро, что казалось, будто она летит над водой; изредка она вся как-то выскакивала из воды, поворачивала голову то в одну, то в другую сторону и резко свистела.

Сбросив по дороге одежду, Толя кинулся ей навстречу прямо в воду. Увидев Толю, Ная поплыла к нему. Нужно было видеть, как, не зная от радости, что делать, она то залезала Толе на плечи, то ныряла под него, то, ласково урча, тёрлась о его лицо! Потом выскочила вместе с ним на берег и бросилась вытираться по раскиданной на траве одежде. Она каталась на То-лином новом костюмчике, оставляя на нём мокрые грязные следы, но никто не думал на неё за это сердиться. С этих пор мы смело брали Наю с собой купаться, и теперь уже никто не боялся, что она уплывёт.

В зоопарке

Но вот кончились тёплые, летние дни. Наступила осень, и мы переехали в Москву. Взяли с собой и Наю. После дачного приволья тяжело было жить выдре в тесной городской квартире. Она скучала,

просилась из комнаты в коридор, из коридора лезла опять в комнату и всё искала привычную свободу. Купалась она теперь в корыте. Искушавшись, Ная лезла вытираться на кровать, на кресла. Держать её больше дома не было никакой возможности. Да и Толя пошёл в школу, и некому было с ней возиться. Пришлось отвезти Наю в Зоопарк. Повезла я её одна, без Толи. В Зоопарке Наю поместили в просторную клетку с большим, глубоким водоёмом. В незнакомом месте Ная ничуть не растерялась, сразу бросилась в воду, ныряла, кувыркалась, плавала. Тогда я тихонько вышла из клетки и закрыла за собой дверь. Но как ни тихо я всё это сделала, Ная всё-таки услышала, тут же выскочила из воды и бросилась за мной. Сначала она пыталась пролезть сквозь решётку, пробовала разорвать её зубами. Потом прижалась всем своим телом к холодным металлическим прутьям и как-то особенно тонко и резко закричала.

В эти дни ни я, ни Толя в Зоопарк не ходили. Ему самому была очень тяжела эта разлука, и только мысль, что в Зоопарке Нае гораздо лучше, чем дома, утешала его. Он так горевал, что даже месяца через два, когда я пошла в Зоопарк, отказался идти со мною:

– Всё равно не выдержу и заплачу. Лучше не пойду.

Пришлось идти одной.

Придя в Зоопарк, первым делом я поспешила к клетке, в которой сидела Ная. Подошла и стала так, чтобы она меня не видела. В это время к ней вошёл служитель. Ная подбежала к нему, поднялась на задние лапки и стала просить есть. Служитель вынул из ведра большую рыбу и бросил в воду. Ная тут же её схватила, вытащила и принялась за еду. Тогда так тихо, что и сама, казалось, не расслышала своего голоса, я позвала её.

Едва я произнесла её имя, Ная встрепенулась, чуть-чуть подняла голову и вся точно превратилась в слух. Я молчала. Ная резко закричала и, словно ожидая ответа, вновь замолкла. Только глазки её беспокойно искали меня среди появившейся публики. Тут уж я не выдержала, подбежала к клетке, а Ная уже спешила ко мне, протягивая сквозь прутья лапки, старалась поймать мои руки. С этих пор я заходила к ней каждый день.

Служитель открывал мне клетку. Ная нетерпеливо стрекотала, бегала перед дверью, потом лезла ко мне на руки, ласкалась и только после этого начинала играть. Теперь, зимою, игры Наи были совсем другие, чем летом. Её бассейн покрылся толстым льдом, но это не мешало Нае купаться.

Так же, как и раньше, словно приглашая меня следовать за нею, лезла она в воду, ныряла в прорубь. Нырнёт в одну, а вынырнет в другую. Вылезет на горку, на живот ляжет и съедет вниз. Горку она построила себе сама, настоящую, ледяную; сделала её из снежного бугорка на самом краю водоёма. Выскочит из воды и, не отряхиваясь, вся мокрая, лезет на бугорок. Следом за ней целый ручей бежит и тут же стынет, а она опять то в воду, то на бугорок, и так до тех пор, пока из бугорка не получилась ледяная горка. С этой горки Ная и каталась. Ляжет на живот или на спинку и в воду съедет. Даже смотреть на неё холодно. Мороз, нос из воротника не высунешь, а ей хоть бы что: как летом, купается. Шерсть у неё была блестящая и такая гладкая да густая, что даже не промокала. Выскочит Ная из воды, отряхнётся – и опять сухая.

Ная очень следила за тем, чтобы проруби не замерзали. Пробивала их головой или обламывала заледеневшие края зубами. Кроме того, во льду у неё были ещё отдушины. Это такие маленькие отверстия, через которые она дышала, когда находилась подо льдом. Сначала я про них не знала, но как-то раз Ная очень долго не вылезала из проруби. Я испугалась: думала, что с ней что-нибудь случилось. Стала искать. Вдруг вижу – в одном месте снег чуть-чуть подтаял и пар идёт. Подошла ближе, слышу – сопит кто-то подо льдом, а это Ная от меня спряталась, нос к отдушине прижала и дышит. Потом я нашла ещё несколько таких отверстий. Хотя они были очень маленькие, но не замерзали даже в самые морозные дни. В такие дни у Наи было очень много хлопот, чтобы не дать замёрзнуть её ледяному хозяйству.

Спала Ная в норе, которую вырыла в снегу, а оттуда до самого водоёма сделала коридор под снегом. Вообще Ная любила рыться в снегу.

В свободные дни я брала её с собой на прогулку. Гуляли мы по аллее около большого пруда Зоопарка. Пруд был отгорожен решёткой, но Ная и не пыталась туда пролезть. Зато в сугробы Ная часто залезала, и получалось иногда так: я шла по дорожке, а она рядом, под снегом; но стоило мне свернуть в сторону, как Ная тут же вылезала из-под снега и бежала рядом, со мной.

Я даже удивлялась, как она могла под таким глубоким снегом слышать, что я отхожу в сторону.

Потом она ещё любила делать снежные шары. Особенно в те дни, когда выпадал свежий, мягкий снег. В такой день Ная находила какой-нибудь маленький снежный комочек и начинала его катать перед собой носом. Катала до тех пор, пока из него не вырастал большой снежный ком. Иногда ком получался такой большой, что Ная не могла сдвинуть его с места. Тогда она бросалась на него, грызла зубами, разрывала лапами – и делала это до тех пор, пока не разбивала его совсем. После этого она успокаивалась и опять бежала за мной.

Прогулки Ная любила, однако нам скоро пришлось их прекратить. Как-то раз мы пошли, как всегда, гулять около пруда. Вдруг Ная подлезла под решётку и побежала к проруби. Я страшно испугалась. В проруби плавали утки, лебеди, гуси и много других птиц. Они могли испугаться Наи, разлететься, да и она могла их покусать. Когда птицы увидели выдру, поднялся страшный переполох. С криком и шумом разлетались в разные стороны утки, гуси, казарки. Ная уже хотела повернуть обратно, но тут на неё набросились лебеди. Один из них с такой силой ударил её крыльями, что она далеко отлетела в сторону. Тогда на неё набросились и другие. Они били Наю. От ударов она, как футбольный мяч, каталась от одного лебедя к другому.

Я подбежала к ней на помощь, но ничего не могла сделать. Разъярённые птицы, наверно, забили бы Наю до смерти, но тут от одного из ударов она скатилась в воду.

Несколько раз она порывалась выбраться ко мне, но каждый раз, когда Ная показывалась из воды, лебеди загоняли её обратно.

Выручила я её с большим трудом, когда отогнала лебедей, но после этого случая прогулки пришлось прекратить. Без прогулок Ная скучала. Когда я проходила мимо клетки, Ная бежала за мной вдоль решётки и жалобно кричала. Чтобы не тревожить её, мне пришлось ходить другой дорогой.

Побег

Прошла зима, весна. Наступили тёплые, солнечные дни. Ная стала уже совсем взрослой красивой выдрой, и когда для киносъёмки потребовалась выдра, остановились на ней. Снимали картину про зверей. Нужно было показать, как плавают выдра, как ловит под водой рыбу. Конечно, для этой цели Ная была самой подходящей. Она не боялась людей, хорошо знала свое имя и, самое главное, не пугалась треска киносъёмочного аппарата. Дикие звери часто пугаются этого незнакомого им звука, убегают, прячутся, и их бывает очень трудно снять, а Ная даже не обращала на аппарат внимания.

Начались приготовления к съёмке. Чтобы снять выдру под водой, заказали специальный аквариум. Он был такой большой, что двенадцать человек с трудом сняли его с машины и поставили на место. На дно аквариума положили речной песок, ракушки, зелень. Потом установили три прожектора и два киноаппарата, чтобы сразу снимать с двух сторон. Когда я посмотрела в объектив, у меня было впечатление настоящей реки в разрезе, и я бы ни за что не поверила, что это аквариум.

Но вот всё готово. Служитель принёс в маленькой клетке Наю и пустил её в воду. Много раз видела я, как плавают выдра, но как плавают она под водой – ни разу. Я даже не представляла, что у неё могут быть такие мягкие и плавные движения. Вся вытянувшись, она прижала передние лапки к телу, а задние вытянула вдоль хвоста. Длинная, похожая на змею, как тень скользила она между водяными растениями. Всегда подвижные ноздри Наи были плотно сжаты и не пропускали воду, и только маленькие, как бусинки, глазки блестели. Пустили рыбу. Ная ничем не выдавала, что заметила её. Движения её оставались по-прежнему плавными и даже как будто медленными. Но вот, поравнявшись с рыбой, она вдруг резким движением метнулась в сторону и схватила её. Рыба была большая и сильная. Она била хвостом, старалась вырваться. Но острые и кривые зубы выдры крепко держали добычу.

После подводной съёмки нужно было ещё снять момент, когда выдра входит в воду. Для этого на Новой территории Зоопарка построили особую клетку. В этой клетке сделали искусственную речку и заросли, похожие на те, среди которых живёт выдра на воле. Вдоль берега маленькой речки посадили осоку, кустарник и даже положили старое дерево с дуплом и вывороченными корнями, как будто его свалила буря. Уголок получился очень красивый и дикий. Даже сетки не было видно, так она была замаскирована зеленью. Одним словом, сделали всё, чтобы этот кусочек земли в Зоопарке был похож на кусочек природы.

На новом месте Ная прежде всего принялась обследовать клетку. Облазила траву, кусты, деревья, залезла в старое дупло, попробовала подрывать клетку, но ничего не вышло. Тогда Ная перешла к

обследованию сетки, и не было ни одной ячейки, в которую она не старалась бы пролезть. Утром, когда пришли снимать выдру, её в клетке не оказалось.

Наю искали везде, звали, но так и не нашли. Стемнело, и поиски пришлось отложить до утра.

Ночью среди птиц на пруду поднялся страшный переполох. На шум прибежал сторож. Он увидел, как скользнула в воду узкая, длинная тень выдры, а утром остатки объединенной утки и следы выдры говорили о том, что ночь для неё прошла даром.

На Новой территории Зоопарка находились краснозобые казарки. Это очень редкие и дорогие птицы, а Ная могла передуть всю стаю. Тогда было решено Наю поймать или убить.

Пять дней оставалась неуловимой Ная. Днём она скрывалась среди зарослей пруда, а ночью выходила на охоту. Сторожа много раз пытались её поймать, но она ловко уходила из-под самых рук. О том, что Ная убежала, мне сказал сторож, когда я шла через Новую территорию домой.

– Ная, Ная, Ная! – невольно позвала я её, проходя мимо пруда, как прежде звала её во время прогулок.

И Ная, неуловимая все эти дни Ная, ответила мне призывным свистом. Рассекая воду и распугивая по дороге птиц, подплыла она ко мне. И, как когда-то давно, маленьким выдрёнком, послушно, словно на прогулке, пошла за мною в клетку.

С тех пор прошло несколько лет. Началась война. Надо было вывозить животных. Баржа, нагруженная зверями, шла по Волге, когда три фашистских самолёта один за другим спикировали на неё.

Одна из фугасных бомб попала за борт, другая – в носовую часть, где стояли клетки с животными. Среди них находилась и Ная. Часть животных была убита сразу, часть сброшена в воду или в ужасе металась по барже.

Трудно сказать, что произошло с Наей. Погибла ли она среди обломков баржи или осталась жива в своей родной стихии, не знаю. Но даже и теперь я часто вспоминаю маленького выдрёнка, который когда-то жил у нас дома.

Нюрка

Нюрка была очень смешная. Такая толстая, курносая и, как у всех моржей, с торчащими во все стороны жёсткими, как щетина, усами. Эти усы и круглые влажные глаза придавали ей особенно забавное выражение: глупое и в то же время важное. Но это только казалось. На самом деле Нюрка была очень умна.

Привезли её в Зоопарк с острова Врангеля. Тяжёлый, далёкий путь совершила она на пароходе и поездом, в тесном ящике без воды. Приехала худая, истощённая, с большими открытыми ранами на спине и боках.

Ухаживала за ней я: промывала раны, чистила клетку, кормила. Кормила рыбой – давала ей чищеную, без костей и мелко-мелко нарезанную. Иначе было нельзя: ведь Нюрка была ещё ребёнок. Самый настоящий грудной ребёнок, только моржиный. Она даже не умела сама есть. Брала корм из рук кусочками, втягивала в рот вместе с воздухом, и получался такой звук, как будто хлопнула пробка. Съедала она в день по четыре-пять килограммов рыбы, иногда и больше. Давали ей ещё стакан рыбьего жира.

Привыкла ко мне Нюрка скоро. Возможно, потому, что я за ней ухаживала и кормила. Узнавала меня издали. Приветствовала глухим, отрывистым гуканьем, похожим на лай собаки, и, неуклюже переваливаясь на лапах, спешила навстречу.

Моржонок был очень сообразительным. Не всякая собака обладает таким «умом».

Например, Нюрке не нравилось, если я скоро уходила из клетки и ей приходилось оставаться одной.

Только я к двери, а Нюрка уже загораживает собой выход, злится, кричит, не пускает. Хоть жить оставайся тут с ней! Иногда даже зло возьмёт: тут спешишь, времени нет, а она дверь открыть не даёт. Приходилось пускаться на хитрость.

Брала я корм, относила его в самый дальний угол клетки и, пока Нюрка ела, быстро убегала. Однако в моей хитрости Нюрка разобралась довольно скоро. Уже через несколько дней, как только я делала движение бежать, бросалась она в бассейн и, конечно, переплывала его раньше, чем обегала я. Приваливалась туловищем к двери и не давала её открыть. А попробуй отодвинь толстуху, если весит она девять пудов! Держала меня Нюрка обычно в плену до тех пор, пока она со мной не наиграется. А легко сказать – наиграться, если играла она по-своему, по-моржиному! То в воду приглашает поплавать, то носом старается спихнуть. Одна в воду лезть не хотела. Бассейн был маленький, неудобный, да и скучно одной.

Большую часть дня Нюрка лежала на берегу и спала. И вот, чтобы заставить моржонка больше двигаться, я решила выводить его на прогулку.

Однако это было не таким лёгким делом, как казалось на первый взгляд. Нюрка никак не хотела выходить из клетки.

Я открывала дверь, отходила, звала её. Нюрка нетерпеливо кричала, высовывала морду, но порог

переступить не решалась.

Приучала я её постепенно. Манила рыбой и за каждый сделанный шаг давала кусочек. Так шаг за шагом уходили мы всё дальше и дальше. Гуляли недолго. Песком Нюрка натирала себе лапы, да и много ходить ей было трудно. И всё-таки она прогулки полюбила.

Гуляли мы вечером, когда уходили последние посетители и свистки сторожей извещали о закрытии парка. Вот эти-то свистки и служили Нюрке сигналом. Услышав их, она высматривала меня на дорожках парка, потом бросалась навстречу, помогала открывать дверь. Я снимала с двери замок, а Нюрка толкала её носом. Научилась она открывать и щеколду. Во время уборки, чтобы Нюрка не мешала, я выгоняла её из клетки, сама же запиралась внутри. Сначала она кричала, старалась попасть обратно, потом приспособилась: ударом носа выбивала щеколду и открывала дверь. Удар её носа был очень сильный.

Помню, однажды, когда Нюрка была больна, пришёл врач. Отнеслась она к нему недоверчиво: вытягивала навстречу ему голову и, широко открывая пасть, угрожающе редела. Напрасно я убеждала врача не трогать Нюрку. Несмотря на предупреждение, он всё-таки подошёл, протянул руку, но не успел дотронуться – морж резким ударом головы отбросил его в сторону.

Удара такой силы не ожидала даже я. С тех пор Нюрка никогда не подпускала к себе врача.

Зимой бассейн замёрз, и Нюрку перевели в закрытое помещение. Вместо меня стал за ней ухаживать слуга Нефёдов.

Толстая, неповоротливая Нюрка понравилась ему сразу. Он старался дать ей лишний кусочек рыбы, баловал и обижался, что Нюрка меня знала лучше.

– Вы бы ходили пореже, – просил он меня, – пусть отвыкнет.

Чтобы не обидеть старого слугу и дать время Нюрке к нему привыкнуть, я перестала её навещать. Прошёл месяц. За этот промежуток я очень соскучилась по своей лапастой приятельнице, да и было интересно, узнает она меня или нет. Проходила я как-то мимо и решила зайти.

Нюрка лежала под водой. Её совсем не было видно. Только изредка высывался кончик носа и, набрав свежую струю воздуха, скрывался опять.

Я окликнула Нюрку совсем тихо, но мой голос она узнала сразу, даже под водой. Откуда взялась и ловкость! В одну минуту очутилась Нюрка на берегу. Поднялась на дыбы, и не успела я отскочить в сторону, как два передних лапа тяжело придавили мне плечи.

По пальто стекали струйки воды, мокрая усатая морда ласково тыкалась в лицо, а я, с трудом переводя дыхание, еле держалась на ногах. Шутка ли сказать – навалилась такая туша! Чуть не раздавила меня, и всё от радости! Насилу освободилась.

Когда я уходила, Нюрка подбежала к решётке, смотрела вслед и долго надрывно охала. Говорили, что у неё даже текли слёзы и в этот день она ничего не ела.

А ночью своим тяжёлым телом продавила Нюрка сетку и вышла в коридор. Открыла одну дверь, другую, поднялась по крутой чердачной лестнице вверх и вылезла через слуховое окно на крышу. И вот в ночной тишине послышался её громкий крик. Её увидел там сторож. Несколько человек осторожно на полотенцах снесли Нюрку вниз и водворили на прежнее место.

Больше она сетку не рвала и не выходила, и никто не мог понять, почему она это сделала в тот день.

Чужой

Зимой, в холодные февральские дни, у шотландской овчарки Пери родились щенята. Никто не знал, что они должны у неё быть. День стоял холодный, морозный, и все щенята погибли.

Долго скучала, оставшись одна, собака, скулила, ничего не ела, и от накопившегося молока распухли и болели соски. Тогда я решила подбросить ей щенка динго.

Динго – это дикая австралийская собака. У динго было шесть щенят. Все здоровые крепыши, кроме одного. Этот один был такой маленький, худенький. И мать ухаживала за ним хуже, чем за остальными, – не так часто вылизывала, не так заботилась, а когда малыш к ней подползал, нередко отпихивала его носом.

Рос он хилым и слабым. Позже всех открыл глазки, позже начал ходить. Вот поэтому я и решила подбросить его Пери.

Но сделать это сразу было нельзя. Надо было перевести собаку в тёплое помещение. Около слоновника была свободная комната. Я отгородила в ней угол, постелила солому и впустила Пери.

Пери сначала обошла всю комнату. Обнюхала все уголки, потом спокойно улеглась на приготовленное место. Тогда я принесла ей динго. Неласково встретила чужого щенка собака. Он был намного крупнее её малышей, да и запахом совсем не такой. Динго за ней бегал, ласкался, а собака ворчала, огрызалась и уходила. На ночь оставить их вместе я боялась. Пришлось разгородить комнату. В одной половине я оставила динго, в другой – Пери и ушла. Ушла не сразу. Несколько раз возвращалась и заглядывала в окно.

Оставшись один, щенок скучал. Без матери было холодно, непривычно одиноко. Он визжал. Пери заметно волновалась. Напомнил ли ей визг щенка собственных малышей, или проявилось материнское чувство – не знаю, только она несколько раз вставала с места, подходила к отгороженному углу и старалась лизнуть щенка.

Утром Пери на месте не оказалось. Она лежала около перегородки, а с другой стороны, плотно прижавшись к ней, спал щенок.

После этого я без опаски пустила их вместе. Щенок сразу бросился к Пери. За ночь он сильно проголодался, тыкал её мордашкой, вилял хвостиком, тихонько повизгивал. И Пери не сопротивлялась. Она легла, а щенок, дрожа от возбуждения и перебирая лапками, жадно зачмокал. Теперь я была спокойна. Пери щенка приняла, и бояться за него было нечего. Назвали его Чужой.

Лучше матери ухаживала за ним Пери, да и молока у неё было больше. И щенок стал заметно поправляться. Повеселел, перестали слезиться глазёнки, пополнели бока. Он был совсем не похож на прежнего заморыша – этот весёлый и резвый щенок. Везде лезет, везде нос свой суёт, ничего оставить нельзя. Залез как-то на стол и тетрадь разорвал. Другой раз я убрала тетрадь, так чернила пролил. А измазался как! Прихожу – узнать не могу: был рыжий щенок, а стал чёрный. Насилу отмыла. Сидит Чужой в тазу, визжит, а Пери волнуется, вокруг бегаёт, ничего понять не может. Она всегда так волновалась, когда щенка трогали. Свои ещё ничего, а попробуй подойди кто посторонний – сразу вцепится. Пришёл однажды монтер электричество чинить, залез на лестницу, да так на ней и остался. Просидел до моего прихода, бедняга.

И всё-таки чужой щенок не мог Пери заменить своих.

Впрочем, Чужой не обижался. Он был на редкость самостоятельным щенком. Если я выпускала его погулять, он не бежал за мной, как это делали щенята его возраста. Наоборот, приходилось бегать за ним. Он уходил куда вздумается, делал что хотел, не слушался, когда его звали, вечно всё вынюхивал и что-то искал. А чутьё у него было превосходное. Где-нибудь в стороне, под глубоким снегом, вырывал вдруг селёдную голову, старую кость и обязательно тащил всё домой. Складывал под подстилкой всякую дрянь и охранял её, как драгоценность.

Не меньше любил Чужой пугать животных. Около слоновника, на горе, жили сибирские козероги. Они очень похожи на коз, только крупнее и серые. Когда я проходила с Чужим, они бежали всегда вдоль решётки и грозили ему своими длинными страшными рогами. Но щенок не пугался. Интересно было смотреть, как он старался их раздражить и подманить поближе. Приседал на передние лапки, отпрыгивал или делал вид, что боится и убегает, а когда обманутые козероги подходили слишком близко, старался укусить. Куснуть зазевавшегося ему очень нравилось.

Однажды он напал на козлёнка, но козлёнок оказался бедовым. Он не испугался, не убежал.

Поднялся на задние ножки, постоял и вдруг, красиво тряхнув головой, ударил щенка острыми рожками в бок.

Чужой взвизгнул, отскочил и, поджав хвостик, бросился ко мне.

С тех пор он коз не трогал.

В конце мая из неуклюжего, лопоухого щенка Чужой превратился в красивую, стройную собаку со стоячими, как у волка, ушами и гладкой рыжей шерстью. Пери он больше не сосал, но, как и раньше, был дружен с нею.

Зато к людям Чужой стал не так доверчив. Особенно к мужчинам. Уклонялся от их ласки, огрызался – возможно, потому, что находился всегда среди женщин. Гулял он теперь мало. Раньше я выпускала его с Пери свободно, теперь боялась.

Весёлая и резвая собака скучала. От скуки грызла стулья, столы, ковыряла лапами стену. Пришлось Чужого и Пери перевести на Новую территорию.

На Новой территории был маленький деревянный домик, в нём освободили одну комнату и туда перевели собак.

Разместились они там неплохо. Бегали по всем комнатам, а иногда заходили и в ту, где готовили корм.

Чужой совсем не умел себя там держать: лез на стол, хватал что попало и, будь то хотя бы кусок мыла, старался утащить. Приходилось его выпроваживать мокрой тряпкой.

Гуляли Чужой и Пери до смешного по-разному. Пери всегда медленно, важно, а Чужой носился по газонам, клумбам, рыл ямы, валялся в грязи. Приходил домой чумазый. Несколько раз думала я о том, чтобы посадить его в клетку. Жалела только Пери. Казалось, что они должны друг по другу скучать. Я забыла, что они чужие. Разлука наступила сама собой, и совсем неожиданно.

В свободный загон около нашего домика перевели динго. Это были братья и сестры Чужого. Увидев их, Чужой насторожился. Потом обернулся к Пери и, ласково тыкаясь мордой, казалось, звал её за собой. Но Пери не шла.

Чужой несколько раз нерешительно отбегал, возвращался обратно и вдруг, рванувшись, бросился к динго.

Пери осталась одна. Некоторое время она смотрела ему вслед, потом повернулась и медленно пошла прочь. Её роль приёмной матери была окончена.

Тюлька

Летом 1932 года привезли в Зоопарк из южной Туркмении двух гиен. Гиенами я интересовалась давно. Читала, что это глупый, злой зверь, что его трудно приручить, и решила проверить.

Тюлька и Ревекка были две сестры. Две пятимесячные полосатые гиены, с толстыми, словно опухшими, мордами, неуклюжие и смешные. Обычно молодые животные привыкают к новой обстановке скорее взрослых. Они не так запуганы, не так боятся людей, и приручить их гораздо легче. Привыкли ко мне скоро и гиены. Как только я входила в клетку, бежали навстречу, кружились около ног и кричали. А как они кричали! Громко, с каким-то скрипом и протяжным хрипом. Трудно было узнать, злились они или ласкались, потому что то и другое было очень похоже. Занималась я больше с Тюлькой: больше её ласкала, приносила сладостей. Когда же она ко мне привыкла, стала выводить на прогулку. Первый раз она очень испугалась. Испугалась незнакомых людей, зверей, а больше всего цепи.

Цепь гремела около самого уха, душила, держала, не давала уйти. От страха Тюлька стала вырываться, всё кусать. Кусала цепь, скамейку, кусала свои лапы. Можно было подумать, что она взбесилась. С большим трудом удалось её схватить за шиворот и водворить в клетку.

В следующий раз вместо цепи я взяла уже ремень и вывела её вместе с Ревеккой.

Вдвоём у них дело пошло лучше. Сестрицы жались друг к другу, им было не так страшно.

Поиграть я выпускала их в загон. Заигрывала чаще Тюлька: тащила Ревекку за шиворот, тихонько кусала сзади. Ревекка всегда боялась и вечно пряталась. Тюлька была куда смелее. Вскоре она совсем освоилась, свободно гуляла меж клеток и не боялась людей.

Ходила она на привязи хорошо, но была упряма. Когда ей не хотелось идти, она останавливалась или ложилась. Можно было сколько угодно её звать, манить, тащить за ремень – Тюлька давилась, хрипела и всё-таки не шла. Она упиралась всеми четырьмя лапами, и сдвинуть её с места было трудно. Приходилось брать на руки и несколько шагов проносить. Повторялось это очень часто, и скоро Тюлька настолько привыкла к такому способу передвижения, что даже не сопротивлялась.

Вообще она позволяла мне делать с собой многое.

С Ревеккой из-за мяса дралась, а мне отдавала свою порцию и даже не огрызалась. Сколько раз я брала кусочек мяса, зажимала в кулак и давала Тюльке. Она облизывала всю руку, забирала в пасть, а зубы, которые дробили кости, как сахар, не оставляли даже царапины.

К концу лета нам пришлось расстаться. Ревекку продали в другой зоопарк, а Тюльку перевели в

помещение Острова зверей.

Остров зверей находился на Новой территории Зоопарка, и ходить туда в это время мне не приходилось.

Прошло больше года. Случилось так, что я ни разу не была у Тюльки. Сначала не хотелось её тревожить, потом казалось, что она должна меня забыть. Но память у зверя оказалась лучше, чем я думала.

Работала я тогда экскурсоводом. Захожу однажды в львятник и слышу вдруг хрип, знакомый скрипучий хрип, и вижу, как мечется по клетке гиена. Смотрела она на меня. Даже публика обратила внимание. Долго не могла я понять, в чём дело.

Гиена была взрослая, как будто незнакомая, и вдруг ласкается, хрипит. Уже после узнала я от служителя, что это Тюлька и что на время её перевели в львятник.

Я несколько раз к ней заходила, ласкала, потом уехала в отпуск. Вернулась через два месяца. Узнала, что в этот день Тюльку выпускают на Остров зверей к другим гиенам, и пошла посмотреть.

Гиены Девочка и Мальчик были много больше Тюльки. Они вместе выросли и встретили новенькую недружелюбно. Шерсть их стала дыбом, они кружились вокруг Тюльки и злобно хрипели.

Бедная Тюлька вся сжалась, забилась в самый дальний угол и кричала. Первой её куснула Девочка. Тюлька обернулась, и тут-то схватил её Мальчик. Отбили Тюльку с большим трудом. Хотели отсадить, но, обезумев от боли и страха, Тюлька никого не подпускала. Бросалась на людей, вырывала из рук палки, дробила их зубами, как щепки. Попробовали накрыть сачком. Не удалось и это.

Тогда я решила войти и попытаться её взять сама. Меня отговаривали. Говорили, что ничего не выйдет, что слишком большой срок разлуки, что всё равно она меня не узнает. Однако я всё же вошла.

Увидев меня, Тюлька прижалась к стене. Она рычала и смотрела глазами, полными злобы. Стоявшая дыбом шерсть делала её большой, а окровавленная морда и рваная рана на шее придавали непривычно дикий вид.

Сказать по совести, я себя чувствовала не совсем спокойно. Несколько раз пыталась к ней подойти, и несколько раз она бросалась и старалась укусить. Тогда я попросила всех выйти, отошла в сторону и стала её звать.

– Тюлька, Тюлюсенька, – уговаривала я её, – ну поди же ко мне, мордастая!

Не знаю, знакомые ли слова, голос или просто она узнала меня, но только Тюлька, страшная, окровавленная Тюлька, взрослая гиена, захрипела, подбежала, стала ласкаться. Оставляя следы крови, тёрлась она о платье, ползала, ложилась на живот.

Осторожно, чтобы не задеть больного места, я надела ей на шею ремень, укрепила около самых ушей, потому что ниже была рана, и повела. Вести нужно было вокруг Острова зверей и ещё немного по помещению. Не гуляли мы с ней ведь давно: она могла испугаться, убежать. Или, ещё хуже, потянуть ремень, сделать себе больно, разозлиться. Но опасения оказались напрасны.

Давно сполз на шею ремень, тёр рану, а Тюлька словно не чувствовала боли.

Спокойно, как будто гуляла так каждый день, шла она за мною. Спокойно дала мне посадить себя в клетку, снять ремень.

Жила она в Зоопарке долго, и, хотя я заходила к ней редко, стоило Тюльке услышать мой голос, как она начинала кричать, бегать по клетке и просить ласки, а когда я уходила, долго ещё тёрлась о те прутья, сквозь которые я просовывала к ней руки.

Лоська **Первое знакомство**

С самого утра не ладилось дело. Скисло молоко, не привезли вовремя мяса. Голодный молодняк пищал на разные голоса, а тут ещё принесли лосёнка. До этого я выкармливала волчат, лисят, выдр и многих других зверей, но лосят мне не приходилось выкармливать, и я теперь не знала, что с лосёнком делать. Был он такой маленький, жёлтенький, похожий на телёночка, с большими, как у

осла, ушами, с вытянутой мордой и совсем-совсем незнакомый. Поместила я его в загон.

Загон был большой, удобный, с маленьким домиком, где лосёнок мог укрыться от дождя. Первое моё с ним знакомство было не из удачных. Как только я вошла, малыш насторожил большие чуткие уши и отбежал. Я его звала, манила молоком, а лосёнок от меня бежал и никак не хотел подходить. Пришлось отложить знакомство до следующего раза.

На другой день, сильно проголодавшись за ночь, мой новый питомец оказался сговорчивей. Запах тёплого молока, шедший из бутылки, раздражал аппетит. Лосёнок вертелся около меня, жалобно пищал, взять же соску сначала не решался. Тогда я села на корточки, вытянула руку с бутылкой и сидела тихонько, не шевелясь. Обычно это очень помогает: человек становится как будто меньше, и зверь подходит смелей. Подошёл и лосёнок. Подошёл осторожно, ступая на самые кончики копытцев, смешно вытягивая шею. Понюхал соску, лизнул и вдруг, забрав почти всё горлышко бутылки в рот, вкусно зачмокал. В бутылке забулькали пузырьки, я давно встала, а лосёнок всё пил и пил.

В следующую кормёжку он подошёл смелей. Дал погладить кончик своей мордашки, а к концу дня подбегал уже сам.

Друзья

Вообще Лоська – так называла я малыша – привык ко мне очень скоро. Уже через несколько дней ходил за мной, как за матерью, а оставшись один, скучал, бродил из угла в угол, протяжно кричал и всё смотрел в ту сторону, откуда я обычно появлялась. Зрение у Лоськи было плохое. Если я надевала незнакомое ему платье, он долго приглядывался и принюхивался, прежде чем меня узнавал. Зато чутьё и слух у него были хорошие. Стоило ему издали услышать мой голос, как он бросался навстречу, ласкался. Ласкался Лоська очень трогательно: клал на плечо мне голову и нежно пощипывал губами щёку. В такие минуты я любила его, как ни одно животное.

Не было дня, чтобы я пришла к своему любимцу без гостинцев. Делилась с ним завтраком и обедом. Чего он только не ел! Конфеты, сахар, пирожки и даже бутерброды. Одним словом, всё, что получал из моих рук.

Помню, один раз он заболел и никак не хотел принимать лекарство. Лекарство закатывали в хлебном шарике, разбавляли молоком, но чутьё у лося хорошее, и обмануть его не удавалось. Тогда дать лекарство взялась я.

Не прятала его, не старалась даже отбить запах – просто вылила его на хлеб и стала упрашивать Лоську съесть. Долго не соглашался Лоська. Нюхал, фыркал, отворачивался. Несколько раз брал в рот, выбрасывал. И всё-таки съел. А из чужих рук не брал даже корма. Возможно, потому, что я готовила ему всегда сама. Выбирала еду по его лосиному вкусу. Знал же его вкус не всякий. Маленьким он очень любил морковь, сухари; когда же подрос, то стал есть овёс, отруби, хлеб. Сена не трогал совсем, а ел ветки осины или дуба. К концу зимы их обычно не хватало, но для Лоськи они были всегда в запасе.

Наказанный лакомка

Лоська был большой лакомка. Бывало, положим ему корм, а он возьмёт и выберет самое вкусное,

остальное выбросит на землю. Сколько я с ним из-за этого ссорилась! Разве можно быть таким разборчивым! Никто же не виноват, что жёлуди горькие, зато они питательны.

И вот в наказание я не брала его на прогулку. А на прогулки Лоська всегда стремился. Он готов был съесть всё самое невкусное и горькое, лишь бы погулять. Гуляли мы с ним рано утром, когда не было ещё публики. Ходили по всему Зоопарку, заходили в помещения за продуктами, в хозяйственную часть и даже в буфет. У Лоськи были свои любимые места, а некоторых мест он боялся и обходил. Обычно это с чем-нибудь связывалось. Например, в льятнике его напугали звери. Попал туда Лоська случайно. Увидел открытую дверь и вошёл. Сколько переполоху, шуму наделал он своим появлением! Бросились на решётку леопарды, рыча, метались львы, а самый злой тигр, Раджи, притаился и выжидал момент, чтобы прыгнуть.

Бедный Лоська! Он так перепугался, что даже бросился не в те двери, в которые вошёл. Вернула его я. Он прижался ко мне и часто, мелко дрожал.

После этого Лоська хорошо запомнил льятник и, когда мы проходили мимо, пугливо прижимал уши и косил глаза. Зато уж буфет Лоська никогда не пропускал! Он хорошо знал, что его там ждёт. Важно шагая между столиками, подходил он к прилавку. Продавщица уже знала Лоську. Отпускала за мой счёт лакомства, прибавляла ещё что-нибудь от себя, и Лоська не торопясь уходил.

И всё-таки самым любимым местом его прогулок была дорожка вокруг большого пруда Зоопарка. Там было так хорошо побегать, порезвиться, а самое главное – полакомиться ветками ивы! Ах, как любил их Лоська! Больше морковки, сухарей и даже сахара.

Лоська так увлекался, что, всегда послушный, не сразу шёл на зов. Ведь недаром считался он лакомкой. Сначала я не обращала на это внимания. Когда же это стало повторяться слишком часто, решила проучить непослушного, воспользовавшись первой же прогулкой вокруг пруда. Лоська занялся ветками, а я тихонько, чтобы он не заметил, отошла в сторону и спряталась в кусты. «Ну, – думаю, – теперь поищешь, будешь знать, как не слушаться!» Сiju и жду, что будет дальше.

Моё отсутствие Лоська заметил не сразу. Но как испугался он, когда увидел, что остался один! С криком, каким лосята призывают мать, ринулся он вперёд. Казалось, ничто не может остановить его бешеный бег. Я страшно испугалась. Вдруг Лоська споткнётся, упадёт, сломает ногу!

– Лоська, Лоська! – закричала я, выскакивая из засады.

При первом же звуке моего голоса Лоська остановился как вкопанный. Вернулся ко мне и всю обратную дорогу трусливо жался, боясь потеряться опять.

В роли заступника

Уже с лета я стала запасать для Лоськи на зиму сухие веники с листьями. Выбирала со склада самые лучшие и прятала в Лоськин домик. Лоська так вырос, что с трудом в нём помещался. К осени он стал серым, а длинные ноги побелели.

К посторонним Лоська относился недоверчиво и даже не позволял себя трогать. Зато я могла с ним делать что угодно. И когда однажды он напорол на гвоздь ногу, то, кроме меня, никто не мог промыть ему рану. А как осторожно ложился он около меня в своём тесном домике, если я оставалась посидеть! Прежде чем ступить, долго нащупывал ногой свободное место, весь дрожа от неудобной позы и напряжения.

Ещё маленьким лосёнком пытался он меня защищать. Прижимал уши, смешно косил глаза и сердито топал тонкими ножками. Мне это так нравилось, что я просила сотрудников закричать или замахнуться на меня. Сначала его все дразнили охотно, но когда из рыжего маленького телёночка Лоська стал полувзрослым серым лосем, охотников находилось всё меньше и меньше. А кончилось тем, что при нём ко мне боялись подойти. И не зря...

Однажды, гуляя с Лоськой по Зоопарку, я встретила сторожа. Сторож был новый, только недавно поступил. Он не знал, что Лоське разрешают рвать ветки, и стал ругаться, что я позволяю ему портить деревья. Несколько раз я старалась ему объяснить, что Лоське можно, но он так кричал, что даже ничего не слышал. Когда Лоська услышал крик, он перестал есть и внимательно разглядывал махавшего руками сторожа, потом прижал уши и, высоко поднимая передние ноги, медленно пошёл на него. Лоська был очень страшен. Даже я испугалась его в этот момент. Глаза налились кровью, и вся шерсть поднялась дыбом, отчего он казался непривычно большим. Испугался и сторож.

Недалеко от того места, где мы стояли, было помещение обезьянника. Сторож бросился туда и едва успел захлопнуть дверь, как Лоська поднялся на дыбы и два острых копыта оставили на двери глубокий след. Неудивительно, что после этого его стали бояться ещё больше.

Ревность

Лоська был очень ревнивым. Если я ласкала при нём какое-нибудь животное, он злился и старался его ударить копытами.

В Зоопарке у меня было много четвероногих друзей. Когда я гуляла с Лоськой, то заходила иногда

поласкать их. Заходила к своему ручному волку. После истории в львятнике Лоська боялся зверей, но ревность брала верх. Он бросался к клетке, становился на дыбы и бил передними ногами по решётке. И вот с одной стороны волк, а с другой – лось старались достать друг друга.

Осенью привезли в Зоопарк ещё одного лосёнка. Звали его Васькой. Васька был ручной, и, чтобы ему не было скучно, его поместили вместе с Лоськой.

Но ни в первый, ни в следующий день они не познакомились. Ели из разных кормушек, ходили в разных частях загона. Можно было подумать, что лосьята чего-то не поделили, так строго держались они каждый своей стороны. Всё это делал Лоська, и всё потому, что я больше занималась Васькой. Раньше я ласкала одного Лоську, и теперь, с появлением соперника, он заметно злился.

Несколько раз Васька пытался завязать с ним знакомство – подходил ближе, дружелюбно тянулся к нему мордой, но Лоська упорно сторонился, и с каждым днём назревала вражда.

Однажды я вошла в загон. Васька побежал за мной и незаметно для себя переступил через ту невидимую границу, которая делила их загон.

Словно ураган, налетел на него Лоська. Сшиб с ног, стал бить копытами. Оглушённый Васька лежал на земле. Напрасно я пыталась его защитить: ни крики, ни удары подоспевшего ко мне на помощь сторожа не помогали. Лоська так остервенел, что не замечал их. Наконец с большим трудом Ваське удалось подняться. Преследуемый Лоськой, он бросился бежать. Бедняга так растерялся, что даже не пробовал защищаться, только пытался уклониться от ударов и жалобно кричал.

От этих криков или от того, что надоело, но, загнав Ваську в домик, Лоська оставил его в покое.

После этого он держал его в постоянном страхе. Занял обе кормушки и весь загон, давал есть урывками и часто бил. В плохую погоду выгонял из домика, в хорошую – загонял туда.

Бедный Васька! Укрощенный Лоськой, он больше не сопротивлялся, подчинялся во всём, и всё-таки ему попадало, особенно если он подходил ко мне. У Васьки даже образовалась привычка при виде меня убегать.

К осени Лоська сильно вырос. Он стал такой большой, что легко перескакивал через изгородь загона, и его перевели в другой.

На новом месте было куда лучше. Много зелени, травы, много места для игр и движений. Хуже только потому, что загон находился на другом конце парка и я реже туда ходила. Лоське это не нравилось. Он привык видеть меня целые дни и теперь заметно скучал.

Зато сколько было радости, когда я приходила! Лоська ходил за мной по пятам, тёрся о меня мордой и, как прежде, ласково щипал губами лицо. Иногда начинал играть. Находил «врага» – щепочку, комочек земли или ветку, – бросался на него, бил ногами, топтал или вдруг скольльзящим, размашистым шагом убегал и долго носился по загону. Делал это Лоська обычно утром, очень рано, когда не было публики и никто ему не мешал. Остальную часть дня он лежал или гулял по загону.

Конец

Так прошла осень, наступила зима. Зимой у меня заболел сынишка. Я ушла с работы и сидела дома. Лоська заскучал. Всё время ходил по загону и кричал. Через несколько дней мне позвонили по телефону и сказали, что Лоська болен и не ест.

Я пошла в Зоопарк. По шагам, по скрипу снега Лоська сразу узнал меня. Вскочил, бросился навстречу, потом к кормушке – и долго и жадно ел. Ушла я потихоньку, прячась, чтобы Лоська не увидел. Обернувшись в последний раз, я видела, как метнулся он к изгороди, и долго ещё слышала его протяжный крик.

Начались мои мучения. Дома – больной ребёнок, а в Зоопарке больной Лоська продолжал

отказываться от пищи. Ел только тогда, когда приходила я. Сначала кидался ко мне, потом к кормушке. Ходил Лоська всегда в той части загона, откуда видел меня последний раз. Глубокая яма на снегу показывала, что он там же и спал, а ровный снег кругом и притоптанная дорожка говорили о том, что он никуда не ходил. Не ходил он и к кормушке. Снег около неё был свежий, нетронутый. Лоська голодал, не помогали и лекарства. Бока у него впали, гладкая шерсть взъерошилась, и можно было пересчитать все кости.

С каждым днём ему становилось всё хуже и хуже. Место его лёжки от тяжести тела углубилось, а дорожка следов уменьшилась.

И вот настал день, когда Лоська поднялся с трудом, пошатываясь на ослабевших ногах. Ноги вязли в глубоком снегу; он тяжело их поднимал, и когда ставил, было видно, как они дрожат. К кормушке Лоська уже не подошёл. После долгих уговоров съел несколько сухариков, помял и выбросил конфету, потрогал губами мою щёку и опять лёг.

Всю эту ночь я не спала. Перед глазами стоял Лоська – то весёлый, здоровый, то такой, каким я его видела последний раз.

Встала я очень рано. Не находила себе места, всё валилось у меня из рук. Было тяжело и тоскливо. Утром я поехала в Зоопарк.

Лоськи в Зоопарке не было. Никто меня не встретил, никто не поднялся навстречу.

Снег запорошил следы, и только там, где всегда лежал Лоська, ещё виднелось углубление.

После смерти Лоськи прошли годы. Много разных зверят было у меня за это время, но до сих пор я не могу забыть маленького, жёлтенького телёночка, которого звали Лоськой.

Арго Волчонок

Когда я вошла в клетку, волчонок забился в угол и испуганно скосил глаза. С рыжеватой шерстью, круглолобый, он мне понравился сразу. Понравился ещё и тем, что, когда подошла поближе, он щёлкнул зубами и отскочил.

Таких волчат я люблю. Их трудно приручить, но, если привыкнут, они не забывают хозяина.

Назвала я волчонка Арго. Приходила я к Арго каждый день – приносила ему косточки, кусочки мяса, но волчонок от всего отказывался и оставался по-прежнему диким. И лишь дней через десять он первый раз взял у меня из рук кусочек мяса. Пугливо скосив на меня глаза, он быстро его съел и

опять убежал в угол.

Многих трудов и терпения стоило мне добиться, чтобы он позволил себя гладить. Да и то в такие моменты он становился как каменный: прятал между лапками мордочку, лежал не шевелясь, а словно застывшие глаза смотрели в одну точку.

Терпеливо перенося мои ласки, он сам не ласкался. Зато не забуду радости, когда он ко мне приласкался в первый раз.

Случилось это неожиданно даже для меня. Я не была в Зоопарке около двух недель. Пришла и сразу же отправилась проводить своего питомца. Ожидала, что после разлуки он одичал, меня забыл и теперь опять не даст себя тронуть. Оказалось наоборот. Едва я открыла дверь помещения и вошла, как вижу: в клетке навстречу мне метнулся волчонок.

Он так вилял хвостом, скулил и рвался ко мне, что я даже не поверила своим глазам.

Я хорошо знала Арго, но на этот раз подумала, что ошиблась. В соседней клетке сидел ещё волчонок, звали его Лобо.

Лобо был совсем ручной, и я решила, что это он. Проверила клетки – нет, Лобо сидел на месте, а Арго, дикарь Арго, был неузнаваем: ползал на брюхе и так ласкался, словно был ручной всю жизнь.

С этого дня дело быстро пошло на лад, и скоро я уже выводила Арго на ремешке. Конечно, не сразу. Сначала он очень боялся, жался к ногам, тянул в сторону или, вдруг испугавшись, бросался назад. Но это было только первое время. Арго оказался способным учеником и вскоре ходил на привязи не хуже любой собаки.

Летом его пересадили в клетку к Лобо. Совсем не похожие по характеру, крепко сдружились волчата. Если брали одного, другой скучал и рвался за товарищем. Обычно их выводили вместе.

Ляля Румянцева с Лобо, а я с Арго гуляли по дорожкам парка. Иногда, если не было публики, пускали волчат свободно. Играя и перегоняя друг друга, они резвились совсем как щенята. Держались волчата около нас. Более самостоятельный, Арго иногда отбегал, но стоило мне сделать вид, что ухожу, как он возвращался обратно.

Арго становится взрослым

Благодаря частым прогулкам и внимательному уходу Арго рос хорошо.

За лето он сильно вытянулся, стал ростом с большую собаку, за зиму возмужал. Теперь это был сильный и опасный волк. Но только для других, для меня же он оставался прежним волчком Арго. Чего я с ним только не делала! Тередила пушистую шерсть, таскала за лапы, хвост. И не было случая, чтобы он на меня огрызнулся.

Однажды Арго заболел экземой. Болезнь эта неопасная, но тяжёлая. Всё тело зудит, на нём появляются болячки, раны. То же случилось и с Арго. За какой-нибудь месяц вылезла густая, пушистая шерсть, а воспалённое болезнью тело покрылось болячками и ранами. Приходилось его смазывать мазью. Делала это я. Мазь была очень едкая. Когда я втирала её, Арго от боли ложился на спину, скулил, ловил зубами мои руки.

Мягко жали огромные клыки и никогда не причиняли боли. Но это не значило, что Арго не умел кусаться. Его зубы хорошо дробили кости, а клыки могли рвать не только мясо.

Ещё зимой бросилась на него собака. Собака была очень большая, гораздо больше Арго, а его, наверно, приняла за овчарку. Подбежала ближе и вдруг увидела Арго. Кинулась назад, но поздно: метнулся вслед за ней Арго. Собака бежала нервно, скачками, то проваливаясь в снег, то выскакивая. Уверенно, размашистым шагом преследовал её Арго. Напрасно я кричала и звала его назад. Он так увлёкся, что, казалось, ничего не слышал. Всё ближе, ближе... настигает... настиг. С разорванной от шеи до плеча раной, с визгом убегала собака, а Арго, полу взрослый волк, возвратился без единой царапины.

Ненависть волка

К чужим Арго не подходил и, если его не трогали, не кусал. Вообще вёл себя так, как будто никого не замечал.

Однажды был такой случай. Я пустила Арго побегать в загон и ушла. Возвращаюсь через полчаса и вижу: дверь загона полуоткрыта и волка нет. Я испугалась: вдруг что натворит, укусит кого-нибудь... День был выходной, народу много. Бегу, а сама смотрю, не видно ли где беглеца. Нашла его около клеток с орлами. Идёт Арго между посетителями, по сторонам поглядывает, да так спокойно – даже публика не обратила внимания, что это волк.

Хорошо, что Арго не встретил служащего ветеринарного пункта Николая Михайловича. Его Арго не любил. Даже больше – ненавидел. И случилось это из-за пустяка. Когда Арго болел, Николай Михайлович переводил его в другую клетку, а чтобы волк не укусил, связал ему морду верёвкой. Крепко возненавидел его за это насилие Арго. Память у волка хорошая, и неудивительно, что полгода спустя Арго чуть не свёл с Николаем Михайловичем счёты. А получилось это вот как.

Вырвался из загона як. Николай Михайлович и несколько сотрудников парка пошли его загонять. Проходить нужно было мимо Арго, который последнее время сидел на цепи. Увидев среди проходивших ненавистного ему человека, Арго не бросился. Он лёг за будку и караулил его, как кошка мышь. Николай Михайлович совсем забыл об опасности и проходил слишком близко от волка.

Каждый раз вздрагивало серое тело Арго. Он делал почти незаметное движение в сторону Николая Михайловича, но каждый раз оставался на месте.

Слишком хорошо знал Арго длину своей цепи. Часто, сидя днями на привязи, он развлекался тем, что ловил воробьев, ловил их быстро, без промаха: он знал ту грань, за которой они были недоступны, и никогда не ошибался. Не ошибся и тут.

Стоило Николаю Михайловичу чуть-чуть перейти эту грань, как Арго одним могучим прыжком очутился около своего врага.

Спасла Николая Михайловича случайность. От сильного рывка цепи волка отбросило назад. Правда, он тут же вскочил и бросился снова, но Николай Михайлович был уже в стороне и поправлял оторванный ворот рубашки.

На новом месте

После этого случая Арго вместе с Лобо и волчицей Дикаркой перевели на Остров зверей.

Остров зверей совсем не походил на тесные, тёмные клетки старого парка. Просторные, залитые солнцем площадки, трава, деревья, а вместо решётки широкий ров с водой – всё это создавало обстановку свободы.

На новом месте угрюмый и сильный Арго сразу взял верх над выпущенными вместе с ним волками.

Никто, кроме него, не смел подойти ко мне, никто не мог взять первый кусок мяса. Он был вожаком этой небольшой стаи, на этом маленьком клочке земли, где царил свой закон свободы.

Интересно относились ко мне родившиеся на площадке волчата.

Они были совсем дикие, никого не знали, и войти к ним спустыми руками было опасно. Однако благодаря Арго я входила к ним свободно. Волков он ко мне не подпускал, а если кто-нибудь из них подходил слишком близко, набрасывался и кусал их.

Арго-«киноартист»

Из всех волков Арго был самый красивый и сильный. Когда для киносъёмок был нужен волк, всегда останавливались на нём.

Первое его знакомство с киноаппаратом состоялось зимой на пруду Зоопарка. Надо было изобразить охоту на волков. Вокруг пруда натянули бечёвку с флажками. Это была западня для волка, которую устраивают на настоящей охоте. Флажков волки боятся. Так боятся, что даже не решаются перепрыгнуть, чтобы уйти. Охотники этим пользуются и стреляют волков, которых гоняет егерь в кругу флажков.

Когда все приготовления закончились, а кинооператор сидел в надёжном месте, я пошла за Арго. Услышал он звон цепи ещё издали. Насторожил уши и, радуясь предстоящей прогулке, заскулил. Я надела цепь, и Арго, виляя хвостом, весело пошёл за мной.

Вышли на пруд. Я спустила его с цепи и отошла в сторону. Арго обрадованно взмахнул хвостом, отбежал, а потом, припадая на передние лапы, стал приглашать меня поиграть. Вдруг затрещал аппарат. Непривычный звук сразу привлёк внимание волка.

Он вскочил, насторожился и, пугливо прижимая то одно, то другое ухо, стал беспокойно вынюхивать воздух. Зрелище было очень красивое: на белом снегу резко выделялось могучее серое тело волка, напряжённо и осторожно ступавшего, готового каждую секунду отскочить или укусить. Как раз то, что было нужно для кинокартины.

Дальнейший ход картины требовал показать волка в тот момент, когда он вышел к самым флажкам, но не решался их перепрыгнуть. Однако Арго упорно не подходил к верёвке.

И как я ни старалась отогнать его от себя, Арго всё время держался рядом. Пришлось пойти на хитрость: я перешла через линию флажков, ушла подальше и позвала к себе Арго.

И вдруг случилась неожиданность. Арго с разбегу, как собака, перемахнул через «непроходимую» линию и подбежал ко мне. Все охотничьи правила были нарушены. Из-за аппарата показалось полное ужаса лицо оператора. Момент был испорчен. Пришлось снимать сначала.

Тогда я стала ходить около самых флажков и хлопать в ладоши. Арго то подбегал ко мне, то отскакивал. Цель была достигнута; оператор был в восторге и уверял, что четвероногий «артист» оказался куда понятливей иных двуногих.

После этого Арго пришлось сниматься во многих картинах. Он быстро привык к звуку киноаппарата, перестал обращать на него внимание и послушно выполнял задания. Зато человека, крутившего ручку, Арго считал своим злейшим врагом. Он каждую минуту старался выместить своё зло на брюках

операторов; не раз операторам приходилось от дюймовых клыков «артиста» спасаться на дереве. «Переводчиком» при нашем «артисте» всегда была я. Режиссёр говорил мне, какая «игра» требуется от волка, а я уже обдумывала, как этого добиться. Это не составляло особого труда, так как я хорошо знала характер Арго. Но как-то раз, во время съёмки одной из картин, случилась история, которая чуть не кончилась плохо. Нужно было заснять борьбу женщины с волком. Сделать это было нетрудно: Арго любил играть, а во время игры он набрасывался на меня, делая вид, что хочет укусить. Надо было только вызвать его на игру.

Вышли на съёмку. Никогда не имевший дела с дикими животными, режиссёр решил, что волк может подождать, и занялся другими делами. Арго ждал. Время подходило к трём часам, когда Арго обычно получает свою порцию мяса. Голодный, он всё больше и больше волновался: то ложился, то вставал. Видя это, я стала требовать немедленной съёмки.

Наконец всё было готово. Меня загримировали и одели в тулуп. Против тулупа я протестовала: от него сильно пахло овчиной, а для голодного волка это был большой соблазн. Но спорить было трудно, да и времени не было. Я подошла к метавшемуся волку. Арго сразу же молниеносным броском кинулся на меня и всей силой стальных челюстей вцепился в тулуп. Глаза у него злобно горели, а шерсть встала дыбом. Пришлось много раз как можно спокойнее назвать его по имени, прежде чем знакомый голос дошёл до сознания волка. Медленно, с трудом Арго разжал зубы, долго и внимательно смотрел мне в лицо. Затем, узнав, он виновато прижал уши, отряхнулся. Шерсть, стоявшая дыбом, легла, и уже не верилось, что минуту назад передо мной был злобный, дикий зверь. Много раз снимался Арго для разных картин: «Охота с флажками», «Господа Скотинины», «Битва жизни» и других.

Сейчас Арго стар, зубы у него стёрлись, пропали дюймовые клыки. Уже новые волки готовы занять его место, но всё же на Острове зверей Зоопарка нет волка красивее Арго – Арго-киноартиста.

Росомаха

Однажды ранней весной привезли в Зоопарк росомаху. Она была похожа на огромную куницу: тёмно-бурая, покрытая длинной жёсткой шерстью. Поймать росомаху было очень трудно. Живёт она в глухой тайге, выходит на охоту ночью и, хотя с виду неуклюжа, лазит по деревьям ловко.

Когда росомаху посадили в клетку, она прежде всего осмотрела её, но, увидев, что уйти нельзя, забилась в угол и даже не вышла оттуда за кормом.

В этом углу росомаха проводила целые дни. Она лежала там, свернувшись клубком, такая угрюмая, дикая и, если кто-нибудь из посетителей подходил слишком близко к её клетке, злобно рычала, а глаза у неё загорались зелёными огоньками, отчего росомаха казалась ещё злей.

Так вела себя она днём. Зато вечером, как только закрывали Зоопарк и уходил последний посетитель, росомаха вылезала из своего угла. Мягкими, бесшумными прыжками металась по клетке, рвала зубами решётку или начинала рыть лапами землю. Но решётка была крепкая, а под слоем земли находился цементный пол, и подрыть его росомахе было не под силу. И всё-таки из ночи в ночь она упорно искала выхода из клетки.

Росомаха плохо ела и стала такая худая, как будто её не кормили совсем.

Прошло несколько недель, и вдруг поведение зверя неожиданно изменилось.

Росомаха больше не лежала в своём углу и всё как-то беспокойно металась. Рыла то в одном, то в другом месте ямку, собирала туда разную подстилку, укладывала её, потом, чем-нибудь встревоженная, опять рыла и опять всё перетаскивала на новое место.

Сначала никто не мог понять, в чём дело. Потом догадались, что у росомахи, наверно, скоро должны родиться детёныши и она ищет место для логова.

В клетку поставили домик. Домик был просторный, похожий на собачью будку, а внутри сделана перегородка, чтобы не задувал ветер.

Однако росомахе домик не понравился. Он совсем не был похож на ту нору, в которой она привыкла жить на воле, и росомаха никак не хотела в него заходить.

Наконец после долгих поисков она устроила логово под домиком. Вырыла небольшое углубление, выстлала его своей шерстью, а через несколько дней оттуда послышался писк новорождённых.

С этого дня росомаха почти не отходила от своих малышей. Лежала около них, ухаживала, кормила, грела и так старательно вылизывала, что их шерстка всегда была пушистая и чистая.

Выходила росомаха из своего логова только за кормом. Бросит ей служитель мясо, а она схватит его и скорей спешит к малышам. Теперь она и не рвалась, как прежде, на волю.

Как-то раз служитель забыл закрыть за собой дверь, клетка осталась открытой – и даже тогда не ушла росомаха. С появлением маленьких детёнышей росомаха перестала тосковать и рваться на волю. А они лежали такие маленькие, пушистые и почему-то всегда рядышком и, как только подходила к ним мать, поднимали свои тупые мордочки и тянулись к ней пососать.

Малыши были упитанные, зато их мать худела с каждым днём всё больше и больше. Ей давали

столько мяса, что хватило бы даже волку, но она почти не ела. Всё, что ей давали, она относилась детям, а сама оставалась голодной.

Её пробовали кормить отдельно. Отсаживали от малышей в другую клетку и клали мясо, но росомаха рвалась обратно к детям и не ела совсем.

Прошло около двух месяцев. За это время малыши подросли, окрепли и уже сами вылезали из логова. Они были очень забавны, эти две маленькие росомашки: такие толстые, неуклюжие, похожие не то на щенят, не то на медвежат. Целые дни они возились друг с другом. Когда детёныши играли, мать сидела рядом и наблюдала за ними. Случалось, что какой-нибудь из них отбегал дальше, чем полагалось; тогда она осторожно брала его за шиворот и приносила обратно.

Если же её детёнышам грозила опасность, она как-то по-особенному рычала, и детёныши, словно по команде, скрывались под домиком.

Особенно волновалась росомаха, когда они подходили к соседней клетке, в которой сидели два волка. Серые хищники давно охотились за её малышами. Если те подбегали к решётке, волки злобно рычали, шерсть у них поднималась дыбом, они хватали зубами за сетку и с силой дёргали, стараясь схватить росомашек.

Днём волков отгонял служитель. Зато ночью им никто не мешал. И вот однажды, когда волки, как обычно, дёргали сетку, она не выдержала напора, разорвалась, и два серых хищника пролезли в клетку к росомахе.

Увидев, что детёнышам грозит опасность, мать смело бросилась к ним на защиту. Она была гораздо слабее двух волков и, не будь у неё детей, уж наверное постаралась бы уйти. Но разве могла уйти и оставить своих детёнышей росомаха-мать?

Она яростно кидалась то на одного, то на другого волка, увёртывалась от их укусов, бросалась опять, не давала им подойти к детям.

Несколько раз пробовали волки пробраться к ним под домик, и каждый раз их отгоняла росомаха.

Но вдруг в борьбе кто-то опрокинул домик. Две маленькие испуганные росомашки остались совсем без прикрытия. Жажущие добычи волки уже готовы были схватить их, но мать успела закрыть собой детёнышей. Она всем телом легла на малышей и, с какой бы стороны ни старались их схватить волки, моментально поворачивалась и встречала их оскаленной пастью.

Закрывая собой детёнышей, росомаха даже не могла теперь увернуться от укусов волков и всё-таки находила в себе силы отбивать их нападение.

Неизвестно, чем бы кончился этот неравный бой, если бы на шум не подоспел сторож.

Он быстро отпер клетку и загнал волков на место. Потом крепко заделал отверстие и подошёл к росомахе. Росомаха так ослабела, что у неё не было даже сил подняться. И всё-таки, когда сторож хотел поглядеть, целы ли её малыши, она оскалила зубы и по-прежнему была готова их защищать.

Убедившись, что малыши невредимы, сторож ушёл, а росомаха с трудом приподнялась и стала нежно прилизывать взъерошенную шерстку своих детёнышей.

Медвежонок Копуша

Этого медвежонка называли Копушей, потому что она вечно копалась: последней выходила на прогулку, последней съедала свой обед. Братец Копуши, Дранный Нос, самый задорный и злой медвежонок, уже успевал подраться с другими медвежатами, сестра Лизунья – облизать свои и чужие миски, а Копуша всё копалась и копалась...

Из всех медвежат Копуша была одна такая спокойная, добрая. Ей можно было без опаски дать в рот палец, отобрать корм. Не то что Дранный Нос. Тому не дашь палец. Подойдёт, полижет – и вдруг

вцепится, да так, что не оторвёшь. Он и к другим медвежатам всегда приставал. Слабый, а в драку лезет. Недаром с вечно драным носом ходил, оттого его так и прозвали.

Копуша была общей любимицей. Она и играла как-то по-особенному: медленно, важно. Бывало, перевернётся через голову, а потом сядет и смотрит: в чём дело, почему дерево с другой стороны очутилось?

Всех больше она дружила с самой молодой юннаткой – Маней, потому что на Маниных платьях было много пуговиц, а Копуша их любила сосать. Сосать – это любимое занятие медвежат, а Копуши – особенно. Сосала она всё, что попало. Была ли это собственная лапа, пуговица или ухо соседа – всё равно. От удовольствия она только жмурила глаза и урчала. Вообще Копуша была очень смирная. Такие медвежата встречаются редко. Обычно они бывают очень вспыльчивые, чуть что – кусаются, а она никогда.

Поэтому, когда меня пригласили в детский сад на утренник с каким-нибудь животным, чтобы рассказать о его жизни, я, не задумываясь, остановилась на Копуше.

В гостях у ребят

Приехала за нами машина с утра. Я попросила шофёра подождать и отправилась за Копушей. Копуша любила гулять. Она легко дала надеть цепь, радостно потянула меня из клетки и, неуклюже прищёпывая лапами, побежала вперёд. Но вот подошли к машине. Машина стояла чёрная, незнакомая, страшная и была совсем не похожа на тех зверей, которых видела Копуша. Она очень испугалась. Поднялась во весь свой маленький рост, глазёнки сделались круглые, губы вытянулись в трубочку, и так стояла не шевелясь. Потом вдруг испуганно повернулась и бросилась бежать. Удержала я её с трудом... Держала крепко, не давала уйти, и Копуша испугалась ещё больше. Откуда взялась и силёнка! Она упиралась всеми четырьмя лапами, хваталась за все предметы и так кричала, что со всего Зоопарка сбежались люди. Пришлось сажать её в ящик и потом уже ставить в машину. Всю дорогу кричала, стонала и царапалась Копуша. Успокоилась только около детского сада. Я была очень рада, потому что хотела сделать ребятам сюрприз, а она своим криком могла всё испортить. Копушу поместили в одной из комнат, а я пошла в столовую к ребятам. Несмотря на тайну, они, наверно, кое-что знали: нетерпеливо вертелись на стульях, поглядывали украдкой на дверь и таинственно шептались. И всё-таки, когда Копушу привели, раздалось общее «ах», потом: «Мишка, на!» – и всё, что было на столе, очутилось перед ней.

Нужно ли говорить о том, что уж тут Копуша не испугалась. Она быстро оценила вкус яблок, конфет и печенья. Выбирала то одно, то другое, слизывала самое вкусное. Скоро её брюшко стало похоже на барабан, она едва ходила и смотрела посолопевшими глазками.

Ребята были в восторге. Они не знали, что делать. Ходили за Копушей по пятам, наперебой ласкали и всё спрашивали ещё съесть хоть кусочек.

Уехали мы очень поздно.

Ребята провожали Копушу, просили привозить её ещё, совали на дорогу сластей. Обратную дорогу она вела себя тише – не кричала, не царапалась. Чтобы не вести её на цепи, мы подъехали прямо к клетке. Вытащили из машины ящик, открыли и... ахнули. Посадили туда медвежонка, а вылез кондитерский магазин. Вся морда и голова Копуши были вымазаны кремом. К крему прилипли кусочки печенья, из мягкой шерсти торчали конфеты, а во рту она держала большое яблоко. В таком виде её не узнали даже медвежата.

Как только Копуша вылезла, все двадцать пять медвежат, словно по команде, очутились на самой верхушке дерева. Зато что было, когда они её узнали и спустились вниз! Бедная Копуша! Она не знала, куда деваться. Вся медвежья стая преследовала её по пятам, вырывала с шерстью прилипшие конфеты, отняли яблоко, а Дранный Нос чуть не откусил ей вместе с кремом ухо.

В этот день медвежата улеглись очень поздно. Они крепко спали, а Копуша, вся ободранная и

обсосанная, ещё долго ворочалась с боку на бок и обиженно стонала.

Неудавшаяся съёмка

В Зоопарке снимали картину, называлась она «Насекомые». В этой картине снимались разные букашки, бабочки, жуки и большой ёжик.

Клетки у нас все были заняты, и мы, не долго думая, поместили колючего «артиста» к Копуше.

Ёжик был старый и сердитый, но нужно сказать, что с медвежонком он ужился претотлично. Он даже не колол Копушу, когда она, приглашая поиграть, толкала его лапой, а только сердито сопел.

Копуша тоже снималась в кинокартине. Роль её была небольшая: залезть на дерево, открыть улей, достать мёд. Чтобы во время съёмки не вышло ошибки, решили её приучить. Для первого раза поставили улей на землю, положили в него мёд и пригласили Копушу. Копуша подошла недоверчиво. Вещь незнакомая, страшно: вдруг что выскочит, укусит, а Копуша была труслива. Долго ходила она вокруг улья: то понюхает его, то потрогает; потом увидела, что страшного ничего нет, стала на задние лапы и полезла в отверстие носом. Нос потянул воздух и сказал, что пахнет вкусным.

Копуша заволновалась. Вкусное надо достать. Она попробовала сунуть туда голову, но голова была большая и не влезала. Напрасно Копуша старалась её втиснуть и поворачивала то одной, то другой стороной – ничего не выходило. Тогда она сунула лапу. Лапа прошла свободно. Копуша открыла улей, достала мёд... Конечно, он пришёлся ей по вкусу. Она облизала языком всё-всё, даже доски. Потом легла и, урча, засосала лапу.

В следующий раз мы повесили улей на дерево. Я залезала с другой стороны по лестнице, клала мёд и звала «артистку». «Артистка» кубарем катилась к дереву, быстро влезала и выполняла всё, что от неё требовали. Эти занятия ей так понравились, что она даже лазила, когда не нужно. Впрочем, это продолжалось недолго.

Недаром Копуша считалась у нас умницей. Скоро она заметила, что мёд бывает там только тогда, когда влезаю я, и после этого открытия стала зорко следить за мной. Не было возможности залезть незаметно на дерево. Как только я появлялась на площадке, Копуша бросалась ко мне. Я – к дереву, она – за мной. Неуклюжая, а бегала быстро, нипочём не уйдёшь. Поймает за ноги, тащит, кричит, а не дашь мёда – ещё укусит. Однажды целую банку отняла, всё съела и даже не моргнула.

«Ну, – думаю я, – на тебя не напасёшься, буду лучше в клетку запира́ть и выпускать, когда всё приготовлю». Так и сделала. Копуше это не понравилось. Чего она только не вытворяла! Кричала, рвала сетку, потом смешно складывала лапки и просила её выпустить.

От такой «артистки» режиссёр был в восторге. Ему не терпелось её скорее заснять.

Но вот наконец наступил долгожданный день съёмки. С утра светило солнышко, а мы волновались, торопились, готовились. Внутри улья уже находились посаженные туда заранее пчёлы, а режиссёр ещё раз проверил, всё ли на месте. И вдруг случилось то, чего никто не ожидал: Копуша скинула лапой крючок, открыла дверь и вышла.

Какой поднялся переполох, сказать трудно! Все до одного бросились наперерез «артистке». Каждый старался её схватить, задержать. Но с невиданной для медведя ловкостью увёртываясь от ловивших её рук, Копуша всё-таки вскарабкалась на дерево. Она так спешила, что не заметила маленьких точек, которые зловеще летали вокруг.

Привычным движением просунула она в отверстие лапу, и тут... тут вылетела чёрная гудящая масса и окружила Копушу. Сначала она пробовала бороться с пчёлами. Била их то одной, то другой лапой, закрывала морду. Но пчёлы лезли в нос, в уши, в глаза, забивались в шерсть и так кусались, что Копуша даже забыла про мёд. Кубарем скатилась она с дерева, валялась по земле, кричала, потом вскочила и без оглядки помчалась в клетку.

Одним словом, она сделала всё, что было нужно, но заснять её не успели. Заставить же ещё раз лезть на дерево не могли. Не помогла и банка с мёдом. А утром, вся распухшая от укусов, больная и скучная, она отказывалась и от пищи.

Этим и кончился неудавшийся Копуше номер с кражей мёда и её карьера «артистки».

Куцый был высокий и тощий лис.

Большие, острые уши, чуть-чуть раскосые глаза и всегда как будто улыбающаяся морда. У Куцего даже не было настоящего лисьего хвоста. Вместо пушистого и длинного хвоста, который так украшает лисицу, у него был куцый обрубок. Но он придавал ему какое-то особое озорное выражение.

Принёс его к нам в Зоопарк какой-то охотник.

В клетке, куда посадили Куцего, было много лисиц, но это его не смутило, как это бывало с новичками. На новом месте он чувствовал себя как дома, и когда одна из лисиц хотела его укусить, Куцый ловко обернулся, схватил задиру за шиворот и задал ей такую трёпку, что после этого не только она, но и другие лисицы боялись к нему подойти. Зато к дяде Лёне, который ухаживал за лисицами, Куцый отнёсся так, словно знал его всю жизнь.

Когда дядя Лёня заходил в клетку, Куцый бросался к нему навстречу, вилял своим куцым обрубком и ласково заглядывал в лицо, как бы ожидая ответной ласки. И нужно сказать, что дядя Лёня ласкал его чаще других лисиц и чаще других перепадал ему лучший кусочек мяса. Одним словом, Куцый хорошо умел приспосабливаться ко всем превратностям жизни. И ещё одна особенность поражала нас в Куце: он оказался очень свободолюбивым и умудрялся удирать из любой клетки.

Бежал Куцый первый раз недели через две после того, как его принесли в Зоопарк. Когда служитель пришёл убирать клетку, Куцего там не оказалось. Долго не мог понять дядя Лёня, куда делся Куцый. Клетка целая, все лисы на месте, а Куцего нет. Потом служитель догадался: внутри клетки, около самой решётки, росло дерево, а наверху, где оно выходило наружу, было прорезано отверстие. Вот в это-то отверстие и вылез Куцый. И вылез хитро: спиной в дерево упирался, даже шерсть на коре осталась, а лапами сетку перебирал: так и перелез, как по лестнице. Дядя Лёня только головой покачал. Да, такого хитрого лиса ему не приходилось встречать.

– Зверюга, а тоже смекалку имеет! – удивлялся дядя Лёня.

Принесли к нам Куцего дня через два. Принесли в корзине, обвязанной платком. Держал её мужчина, а рядом стояло человек десять ребят. Многие из них были с покусанными руками, и поэтому они очень удивились, когда дядя Лёня без опаски взял Куцего на руки и лис его не тронул. Он даже не укусил дядю Лёню, когда тот оттрепал его за ухо.

Посадили Куцего опять в прежнюю клетку. Правда, отверстие, через которое он вылез, заделали, но это ему не помешало удрать снова. На этот раз он ушёл просто через дверь. Не успел дядя Лёня войти в клетку, как Куцый с быстротой молнии проскочил у него между ног, махнул своим куцым хвостом и скрылся из глаз.

На поиски беглеца снарядили целую экспедицию. Но поймать Куцего не удалось. Недаром он познакомился со всеми ходами и выходами Зоопарка. Так и решили, что Куцый пропал. Списали его с пайка.

Прошло ещё несколько дней. И вот то на одном, то на другом пруду Зоопарка стали пропадать утки. Определить по следам, кто таскает уток, было нельзя. Снег кругом истоптан, никаких следов на нём не разберёшь.

Ночной вор был разоблачён совсем неожиданно.

Пришёл дядя Лёня утром на работу, видит – творится с его лисицами что-то неладное. Все около решётки сбились, дерутся, через решётку лапы просовывают, что-то достать под снегом стараются. Подошёл дядя Лёня ближе и видит... торчит из-под снега утка. «Да уж не та ли это утка, что прошлой ночью на пруду недосчитались?» – подумал дядя Лёня. Взял утку и отнёс заведующему. Заведующий её осмотрел, и оказалось – действительно та самая утка, что пропала прошлой ночью. Определили,

что она задушена лисицей. И тут уж все подозрения пали на Куцего. Вскоре догадки подтвердились. Выпал снег, и на снегу у пруда ясно отпечатались лисьи следы. Снова принялись за поиски Куцего. Однако найти беглеца оказалось делом нелёгким. Неизвестно, где прятался Куцый. Его искали повсюду, но нигде не могли найти. За ним охотились с собакой, выслеживали, ставили ловушки и караулили по целым ночам, но всё было напрасно – Куцый не попадался. А тем временем на прудах каждую ночь находили задранный им птицу.

Вернулся Куцый сам, и очень просто. Утром служитель пришёл на уборку, а у клетки как ни в чём не бывало его ласково встретил Куцый.

Очевидно, ему надоело беспризорничать и он решил вернуться домой сам. И пока дядя Лёня отпирал клетку, он с явным нетерпением вертелся около его ног. Такое покаяние лиса очень умилило дядю Лёню, и Куцему тут же были прощены все его грехи и все утки.

Первые дни после возвращения Куцый вёл себя прекрасно: ни с кем не дрался и не проявлял никаких попыток к бегству. Но это оказалось только временной передышкой. В следующий раз он удрал новым способом. Подрыл сетку, ушёл сам и увёл за собой всех лисиц. Лисиц-то скоро поймали, но Куцего найти было непросто. Обнаружили его через несколько дней на Новой территории Зоопарка, в загоне у медведей.

Очевидно, он попал туда нечаянно. Не разглядел большого, глубокого рва, который вместо решётки отделял медведей от публики, и в него свалился. Прибежали мы туда, смотрим – все три медведя за Куцым гонятся. А Куцый словно издевается над ними. Медвежий загон большой, просторный, и Куцему было нетрудно увернуться от неуклюжих мишек. Не спеша, как будто поддразнивая, убежал он от них. Иногда даже присаживался и ждал, когда медведи подбегут ближе, а потом ловко проскакивал у них под животом и убежал опять.

Один раз они его чуть не поймали. Два медведя с разных сторон одновременно подбежали к Куцему. Один уже поднял лапу, чтобы ударить его; казалось, Куцему пришёл конец, но хитрый лис ловко нырнул под медвежью лапу и выскочил сзади. А медведи от неожиданности столкнулись лбами и затеяли драку. Они изрядно намяли друг другу бока, а потом долго и растерянно искали виновника столкновения.

Мы приходили и уходили несколько раз, а медведи всё продолжали гоняться за Куцым. Они так устали, что их дыхание было слышно на другой стороне рва. А лис словно издевался над ними: перепрыгивал через их мохнатые спины, нырял под животом и уходил как ни в чём не бывало.

Наконец медведи устали от бесцельной погони и сдались.

День был солнечный, жаркий. Измученные мишки залезли в водоём. Они плескались там в прохладной воде. Переворачивались с боку на бок, ложились на спину, ныряли и, видно, совсем забыли про лисицу, когда служитель принёс им еду. Как по команде, вылезли из воды все три медведя. Каждый из них занял своё привычное место, получил порцию мяса и занялся едой. Они спокойно ели, когда рядом с ними появился Куцый. Очевидно, он не собирался оставаться без обеда и решительно направился к медведям.

Сперва медведи не хотели замечать столь нахального лиса, но Куцый подбегал к ним то с одной, то с другой стороны, вертелся перед самым их носом, старался урвать хоть кусочек мяса. А медведи – звери жадные: они никак не хотели делить свои порции с непрошеным гостем. Злобно ревели, закрывали лапами мясо, повёртывались к Куцему задом, старались его оттолкнуть. Видя, что добром мяса не получишь, «гость» выбрал момент и цапнул одного из «хозяев» за пятку. Что тут поднялось, описать трудно! Разъярённый мишка, не разобрав, кто его цапнул, в ярости бросился на соседа, и в следующую минуту все порции были перепутаны, медведи дрались, а Куцый удобно устроился на выступе и уплетал огромный кусок мяса. С большим трудом удалось служителю разогнать медведей. И то лишь после того, как бросили в них специальные, стреляющие шашки. Этих шашек звери очень

бояться. Услышав выстрелы, медведи сразу бросились спасаться во внутренние клетки загона. Там их и заперли. Потом взяли сачок и стали ловить Куцего. Да не тут-то было! Недаром Куцего не могли поймать весь день три медведя. Каждый раз, когда хотели накрыть Куцего сачком, лис ловко уворачивался или с разбегу взбегал по почти отвесной скале загона и оттуда прыгал через голову человека.

Пришлось идти за дядей Лёней. Дядю Лёню Куцый узнал сразу, подбежал к нему и спокойно дал себя взять на руки.

– Эх, Куцый, Куцый, видно, тесна тебе наша клетка! Уж больно ты вольную жизнь любишь! – сказал дядя Лёня.

Он пошёл к заведующему и стал просить перевести беспокойного лиса в другую клетку. Хотя и жаль ему было расставаться с умным лисом, а ничего не поделаешь – уж очень много хлопот было с его побегами.

Клетка, в которую перевели Куцего, была крепкая и просторная. Стояла она внутри площадки молодняка, а сама площадка была огорожена высокой решёткой с карнизом. Получалось так, что Куцый сидел за двумя решётками.

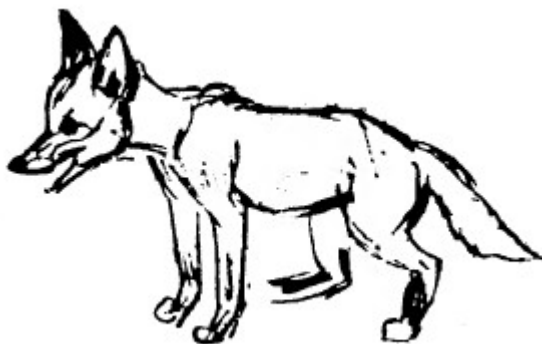
Эта площадка служила специально для прогулок зверей, но выпускать на неё Куцего всё-таки боялись.

Живой и резвый лис скучал в одиночестве. Когда выпускали на площадку других животных, он просился к ним, визжал и даже есть стал хуже. Всем было жаль Куцего.

– И в самом деле, почему бы не выпустить его? – говорила новая служительница Таня.

Долго мы с ней спорили, уверяли, что она плохо знает повадки Куцего, но Таня всё-таки настаивала, чтобы выпустить его.

Наконец после долгих споров решили Куцего выпустить. Открыли дверь. Куцый вышел не спеша, будто делал это каждый день, и направился к решётке. Все сразу догадались о намерении лиса. Это было видно по его уверенной походке и выражению морды. Куцый добежал до угла площадки, и никто и ахнуть не успел, как он легко, без разбега вспрыгнул на карниз.

По другую сторону решётки стояло много народу. Как увидели они лиса на карнизе, стали кричать, махать руками, старались спугнуть Куцего. Но это его не смутило. Не обращая ни на кого внимания, он спрыгнул прямо на толпу и, прежде чем его успели схватить, ловко проскочил между людьми и побежал по дорожке парка. Все кинулись за ним в погоню. Впереди всех бежала новая служительница Таня. Несколько раз она почти догоняла Куцего. Конечно, не потому, что Куцый бежал плохо. Когда Таня отставала, лис, словно нарочно, замедлял свой бег.

Они добежали до забора. А тут... Тут Куцый ещё раз обернулся, махнул хвостом и скрылся в едва заметной щели забора. С тех пор его больше никто не видел. Это был последний побег куцего лиса, который любил вольную жизнь.

Случайные встречи

Малыш

Это случилось как раз в то время весны, когда у лисицы уже пищали в норе лисята, а по лесу со своими медвежатами бродила медведица и отовсюду слышался многоголосый птичий хор.

В лесной чаще недалеко от полотна железной дороги стояла лосиха, а около неё лежал маленький новорождённый ярко-рыжий лосёнок.

Вдруг лосиха насторожилась и тревожно повернула голову. Где-то вдалеке послышался быстро нарастающий шум идущего поезда. Лосиха вздрогнула и сделала несколько нерешительных шагов. Лосёнок попытался встать, но ещё слабые ножки подогнулись, и он тихо опустился на землю. Поезд приближался. Пронзительный гудок словно разрезал лесную тишину, и лосиха, ломая кусты, ринулась куда-то в чащу.

Долго лежал лосёнок, ожидая мать, но лосиха так и не вернулась.

Кто знает, что случилось бы с малышом, если бы не путевой обходчик Иван Фёдорович. Иван Фёдорович работал здесь почти тридцать лет, и в снег, и в метель, и в дождь несколько раз в день проходил этот путь. Здесь ему было знакомо каждое дерево, каждый кустик.

Вот и сейчас он идёт и знает, что за тем поворотом стоит большая сосна. Когда Иван Фёдорович проходил тут первый раз, она была совсем маленькой и лежала, придавленная упавшим деревом. Молодой путевой обходчик освободил деревцо, выпрямил, а сейчас вон какое огромное. Сосна выросла прямая, как мачта, и только в том месте, где когда-то была придавлена, даже и теперь виднеется небольшое искривление.

Впереди Ивана Фёдоровича бежал его постоянный спутник – Бобик. Изредка он останавливался, что-то нюхал или просто дожидался своего хозяина. Вдруг Бобик потянул носом, сбежал с насыпи, а через минуту где-то в стороне послышался его громкий лай.

«На кого он там лает?» – подумал Иван Фёдорович, направляясь к собаке.

Увидев хозяина, Бобик вильнул хвостом и бросился в кусты. Там на земле, приподняв лопухую

голову, лежал маленький рыжий лосёнок. Иван Фёдорович не стал его трогать: кто знает, вдруг мать вернётся, почует на детёныше запах человека и не станет его кормить! Он отогнал собаку и пошёл дальше, внимательно осматривая путь.

Окончив обход, Иван Фёдорович повернул назад. Бобик опять было попытался свернуть к месту, где лежал лосёнок, но Иван Фёдорович сердито окликнул собаку и направился к дому. Он ушёл, а лосёнок остался лежать в кустах, напрасно ожидая свою мать.

К вечеру закрапал дождь. Покинутый лосёнок лежал мокрый, голодный и совсем ослабевший, когда послышались чьи-то шаги. Яркий свет фонаря, скользя по кустам, остановился на лосёнке. Это был Иван Фёдорович. Не сиделось обходчику дома, ведь он знал, что там, в лесу, он видел лосёнка без матери.

Иван Фёдорович стоял около малыша, освещая его фонарём, а тот даже не пытался отодвинуться в сторону, потому что мать ещё не успела научить его пугаться людей.

Обходчик снял с себя плащ, накрыл малыша и, осторожно подняв на руки, понёс домой.

В доме Ивана Фёдоровича любили животных все: и жена его Агафья Васильевна, и дочка Сашенька. Даже четвероногие обитатели и те жили между собой в мире и согласии. Бобик ел из одной миски с ленивым котом Васькой, а Васька только потому и прижился в этом доме, что по своей лени не трогал даже мышей. Впрочем, он давно привык, что около него живут какие-то птицы, ежи, белки. Вся эта мелочь выкармливалась или лечилась и опять выпускалась на волю. Некоторые оставались жить здесь же, поблизости, и подкармливались, а другие уходили в лес и больше не возвращались.

Когда Иван Фёдорович вошёл со своей ношей в комнату, Агафья Васильевна даже не спросила мужа, кого он принёс. Она тут же быстро постелила на пол мешок, и Иван Фёдорович бережно опустил на него лосёнка. Зато Сашенька так и набросилась на отца с расспросами: «Чей это телёнок? Откуда его взяли?» А узнав, что этот лосёнок был найден в лесу и без матери, сразу заволновалась.

– Ведь мы его оставим у себя, папа? Правда оставим? – теребила она отца. – А потом вырастим большим и выпустим.

– Ладно, ладно, доченька, оставим, – согласился Иван Фёдорович. – Только вот сначала его накормить да согреть надо.

Агафья Васильевна тут же заторопилась доить корову, а Сашенька схватила висевший за дверью полушубок и стала им накрывать лосёнка. Потом пришла Агафья Васильевна и принесла в ведёрке ещё тёплое молоко. Она хотела поднять лосёнка, но бедняга так ослаб, что даже не мог держаться на ногах – так они у него дрожали и разъезжались. Тогда Агафья Васильевна поднесла ведёрко к самой мордочке лосёнка и, ловко прихватив руками его голову, окунула губами в молоко. Лосёнок фыркнул и попытался вырваться, но потом, почувствовав вкус молока, вдруг жадно зачмокал, поддавая, как телёнок, головкой.

Первые недели две Малыш, как называли лосёнка, жил в доме за печкой. Потом, когда он окреп, да и на дворе потеплело, его поместили в сарай. Ухаживала за лосёнком Сашенька. Она не ленилась через каждые три часа поить его тёплым молоком, выпускала гулять, следила, чтобы он не ушёл.

Впрочем, лосёнок уходить совсем не собирался. Он всюду по пятам ходил за своей воспитательницей, словно боясь потеряться. А если Сашенька хоть на минутку забегала в дом, рвался за ней в двери и тонко, протяжно кричал.

– Ишь, словно за мамкой ходит! – смеялся, глядя на него, Иван Фёдорович. И, обращаясь к Сашеньке, добавлял: – Чем во дворе да в сарае лосёнка держать, лучше бери своего Малыша, и все вместе в лес сходим. Ему от леса только польза будет, побегаёт, порезвится, глядишь, крепче станет.

Иван Фёдорович очень любил в свободное время бродить по лесу. Ему были знакомы все тропинки, все грибные места. Он знал, где вырыла свою нору лисица, в каком дупле поселилась белка, где можно встретить со своим выводком тетёрку. Раньше в такие прогулки его всегда сопровождала Сашенька, а теперь она никуда не ходила. Оставлять лосёнка одного в запёртом сарае ей было жалко, а взять с собой в лес страшно – вдруг уйдёт и потеряется.

Но однажды Иван Фёдорович всё же уговорил Сашеньку пойти с ним в лес. День был такой хороший, солнечный. Она закрыла своего любимца в палисаднике и пошла с отцом. Несколько раз Сашенька оборачивалась, чтобы посмотреть на Малыша. Он стоял в палисаднике и, казалось, спокойно глядел ей вслед. Но это только казалось, а на самом деле было совсем не так: лосёнок стоял не шевелясь и насторожившись лишь до тех пор, пока видел свою хозяйку. Но не успела она скрыться за первыми кустами, как он начал метаться по палисаднику и кричать.

Чтобы уговорить непоседу, Агафья Васильевна принесла ему молока, однако лосёнок к нему даже не притронулся, а всё метался и смотрел в ту сторону, куда ушла Сашенька. Ведь до сих пор он ни разу не расставался с девочкой.

– Тьфу, неугомонный! – рассердилась Агафья Васильевна и, в сердцах забыв прихлопнуть калитку, пошла в дом.

Увидев открытую калитку палисадника, лосёнок вышел. Только он не пошёл за Агафьей Васильевной к дому, а бегом бросился в лес, куда ушла Сашенька.

Возвратилась Сашенька уже к обеду.

Она шла рядом с отцом, который нёс большой пучок молодых веток ивы. Иван Фёдорович их нарезал специально для лосёнка. Ведь он за это время подрос, и настала пора прикармливать его ветками.

Они подходили уже к дому, когда Иван Фёдорович вдруг остановился и сказал:

– Вот что, дочка, бери ветки, беги домой и скажи матери, чтобы обед ставила, а я тем временем здесь немного путями пройду, погляжу.

Девочка взяла у отца ветки и поспешила домой. Ей не терпелось поскорей угостить своего любимца, посмотреть, как он будет их есть. Саша подбежала к палисаднику и только тут заметила, что калитка открыта, а лосёнка нет. Решив, что он в сарае, она побежала туда, но в сарае лосёнка тоже не оказалось. Не было его и около дома. Куда делся лосёнок, не знала и Агафья Васильевна.

– Да ведь недавно был! – удивилась она. – Всё кричал и в ту сторону, куда вы пошли, смотрел. – И добавила: – Некуда ему здесь пропасть. Вот придёт отец – и найдёте своего лосёнка.

Но Сашенька не стала ждать отца: вдруг её Малыш заблудится, вдруг пропадёт. Бросив ветки и плача, побежала она в лес. Но не успела Сашенька пробежать по лесу и несколько десятков шагов, как прямо перед собой увидела лосёнка. Это был Малыш, её Малыш! Он стоял около дерева, насторожив свои большие уши и оглядываясь по сторонам.

– Малыш! Малышенька! – вскрикнула Сашенька, бросаясь к своему питомцу.

Лосёнок вздрогнул, обернулся и, тонко, протяжно закричав, так и ринулся навстречу хозяйке.

Счастливая возвращалась Сашенька домой, а рядом с ней бежал Малыш. На опушке леса Сашенька немного задержалась, чтобы проверить, как поведёт себя лосёнок. Пока она стояла, Малыш гулял тут же рядом, а когда Сашенька побежала к дому, он во всю прыть припустился за ней.

После этого случая Сашенька перестала бояться, что Малыш от неё убежит, и стала брать его с собой на прогулки. Правда, первое время она захватывала с собой на всякий случай верёвку, чтобы привязать лосёнка, если он захочет уйти, но верёвка ни разу не понадобилась. Малыш всегда держался около Сашеньки, а если и отходил в сторону, то лишь затем, чтобы сорвать веточку или листочек. Да и то, стоило Сашеньке его окликнуть или сделать вид, что уходит, как он тут же спешил за ней.

Гуляла Сашенька со своим воспитанником чаще всего около реки. Там по самому берегу росли большие, раскидистые ивы. Их тонкие, длинные ветки свисали над самой рекой; чтобы их достать, лосёнку приходилось залезать в воду. Это Малышу не всегда нравилось, но он всё-таки залезал, потому что ивовые ветки были его самой любимой пищей.

Потом Сашенька заметила, что он также охотно ест ветки осины. И чтобы Малыш мог ими лакомиться, она их специально рвала и приносила домой. В палисаднике Иван Фёдорович устроил всё так, чтобы лосёнку было удобно, поставил кормушку и врыл столб. К этому столбу Сашенька привязывала для своего питомца ветки осины, ивы и следила, чтобы они никогда не переводились.

Лосёнок рос очень быстро.

К осени из маленького беспомощного телёночка Малыш превратился в красивого, стройного лося. Он уже был ростом гораздо выше той загородки палисадника, из-за которой ещё так недавно его совсем не было видно. Это было сильное, красивое животное, ещё подросток, но под его гладкой, блестящей шерстью уже выделялись мускулы. Особенно он был хорош, когда, высоко запрокинув свою ещё безрогую голову, бежал рысью, далеко выкидывая свои длинные, стройные ноги.

Веток требовалось Малышу с каждым днём всё больше и больше. Он их съедал по несколько охапок в день. Особенно трудно стало Сашеньке, когда она начала ходить в школу. У неё уже не оставалось времени, чтобы, как раньше, погулять с Малышом. На обратном пути из школы она едва успевала нарвать веток и спешила домой. Но Малышу их не хватало, а срывать сам он не мог, потому что, уходя в школу, Сашенька его запирала в палисаднике.

Лось очень скучал без прогулок. Он привык бродить со своей хозяйкой по лесу, а теперь, целыми днями запертый в палисаднике, метался из стороны в сторону, кричал и даже стал хуже есть. Видя, как Малыш худеет, Иван Фёдорович хотел его выпустить в лес, но Сашенька расплакалась, и Иван Фёдорович махнул рукой.

– Делай как знаешь, – сердито сказал он. – Только имей в виду, что без веток лось жить не может, а как ты зимой набирать их будешь, я не знаю.

Сашенька и сама знала, что подросшему лосю в палисаднике плохо, что там ему тесно, да и веток зимой не нарежешь, но расставаться со своим любимцем всё же не решалась. Ей всё казалось, что он в лесу заблудится или его разорвут волки, которых, кстати говоря, давно не было во всей округе.

Но вот однажды Сашенька задержалась в школе. Вернулась домой она поздно. С охапкой веток, которые всё же успела нарвать по дороге, Сашенька торопливо направилась к палисаднику. Малыш был очень голоден. Увидев свою хозяйку, да ещё с ветками, он нетерпеливо приподнялся на дыбы и вдруг, легко перемахнув через изгородь, очутился около девочки.

Саша никак не ожидала такой выходки от своего питомца. Она загнала его обратно в палисадник, положила туда ветки и, решив, что такой случайный прыжок больше не повторится, спокойно пошла домой. Однако на деле получилось совсем не так. На другой день утром, проснувшись и выглянув в окно, она увидела, что Малыша в палисаднике нет.

Заметив испуганное лицо девочки, Агафья Васильевна поспешила её успокоить:

– Не бойся, доченька, твой Малыш ещё со свету как перепрыгнул изгородь, так на окраине и пасётся. Действительно, на опушке леса, около осинок, бродил лось. Было хорошо видно, как он тянулся к тем веткам, которые росли выше, и, чтобы их достать, иногда становился на дыбы.

– Малыш, Малыш! – прямо из окна окликнула его Саша.

Малыш обернулся, размашистой рысью побежал к палисаднику и, без разбега перемахнув изгородь, подошёл к окну. Запирать после этого Малыша в палисаднике было бесполезно. Саша открыла калитку, потом насыпала Малышу в кормушку еду и направилась в школу. Но не успела она дойти до опушки леса, как её нагнал Малыш. Очевидно решив, что Саша идёт прогуляться, он тотчас увязался за ней. Пришлось возвратиться домой и пуститься на хитрость: Саша вошла в дом, а пока Малыш дожидался её около дверей, вылезла в окно и убежала.

Этим окном Сашеньке пришлось пользоваться ещё много раз. Ведь не могла же она прийти в школу с лосем! Впрочем, однажды так всё же получилось. Саша шла по лесу и громко напевала песенку, и, когда уже подходила к школе, неожиданно появился Малыш. Он пришёл на голос своей хозяйки и никак не желал уходить. Возвращаться же из-за лося домой и пропускать занятия Сашеньке не хотелось, так и пришлось идти в школу в сопровождении Малыша.

Школа стояла около самого леса, так близко, что деревья подходили почти к самому крыльцу. Не зная, как освободиться от своего назойливого спутника, Саша нерешительно остановилась. Потом решила дождаться звонка, войти последней и, чтобы лось не вошёл следом, закрыть дверь.

Так она и сделала. Она слышала, как лось тяжело топтался на широком крыльце школы, но, решив, что он потопчется и уйдёт, спокойно вошла в класс.

Наверное, лось и ушёл бы, но тут учительница вызвала Сашеньку к доске. Малыш сразу узнал голос своей воспитательницы. Он подошёл к окну и привычным движением толкнул раму мордой. Окно с шумом распахнулось, и в класс просунулась голова лося. Саша так и застыла с мелом в руке. Дети повскакали с мест и бросились к окну, а учительница, изумлённая столь необычным появлением, даже не пыталась их остановить.

Тут на шум явился сторож школы – дед Фёдор. Увидев такого странного нарушителя порядка, он взял метлу и хотел его прогнать. Однако четвероногий посетитель совсем не собирался уходить, а когда дед Фёдор замахнулся метлой, шерсть у лося по всему загривку встала дыбом, он прижал уши и, высоко поднимая передние ноги, решительно направился к сторожу.

Дед Фёдор никогда не имел дело с лосями, но это совсем не помешало ему сразу определить настроение своего противника. К тому же дед был не из храбрых. Быстро сообразив, какой опасности он подвергается, дед Фёдор, бросив под ноги разгневанного лося метлу, поспешил скрыться за дверь. Пришлось Саше покинуть класс и вести своего упрямого питомца домой. После этого случая она уже никогда не пела своих весёлых песенок, когда шла в школу, потому что боялась, что лось услышит её голос и увяжется за ней опять.

Наступила зима. Малыш вырос ещё больше и стал ростом выше лошади. Шерсть у него посерела и стала такая густая, что любой мороз и метель были ему не страшны.

Ночевал Малыш теперь уже не в палисаднике и не в сарае, а в лесу. В лесу он проводил почти всё время. То его встречали на дальнем болоте, то он бродил с другими лосями по осиннику, обгладывая кору молодых деревьев.

Поведение Малыша изменилось тоже. В лесу он держался совсем как дикий: услышав голос или шаги человека, убегал. Зато к своим, особенно к Сашеньке, был привязан по-прежнему: если слышал её голос, сразу прибегал, и каждый день ровно в четыре часа, когда Сашенька возвращалась из школы, он обязательно приходил к сторожке.

Здесь его всегда ожидало угощение. Сашенька хорошо знала вкус своего воспитанника: как только он приходил, она тут же выносила ему свежую морковку или белые сухари, которые Малыш особенно охотно брал из рук девочки.

– Смотри, дочка, как бы не зашиб тебя твой Малыш! – каждый раз волновалась Агафья Васильевна.

И действительно, страшно было смотреть, как этот полудиккий лось, который одним ударом передней ноги мог убить волка, осторожно топтался около девочки, стараясь взять из её рук лакомство.

Наевшись, Малыш опять уходил в лес, а Саша принималась за свои дела. Дел было много. За последние два месяца в их маленькой сторожке произошло много изменений. Иван Фёдорович ушёл на пенсию и теперь вместе с семьёй собирался переезжать в город к своей сестре.

Уже приехал новый путевой обходчик, и, пока Агафья Васильевна с Сашенькой укладывали вещи, Иван Фёдорович знакомил молодого обходчика с участком.

– Смотри, парень, работай по чести, чтоб всё в порядке было, – говорил он.

– И Малыша моего берегите, – просила Сашенька. Она очень волновалась: как-то здесь без неё останется её любимец.

Но вот наступил и день отъезда.

Около сторожки в этот день собралось много народу. Всем хотелось проводить семью старого путевого обходчика, пожелать ему счастливого пути. Пришли провожать и Сашеньку её школьные

друзья.

Тут же около провожающих вертелся Бобик. Его и кота Ваську было решено взять с собой, а Бурёнку оставить новому обходчику. Не хватало одного Малыша. Грустно было Сашеньке не увидеть перед отъездом своего питомца, но делать было нечего. Уже подошёл и остановился товарный состав, уже погрузили в вагон вещи, когда неожиданно из леса вышел Малыш. В суматохе его никто не заметил. Лось остановился чуть в стороне от поезда и с недоумением смотрел на незнакомых ему людей.

Поезд запыхтел и тронулся.

– До свиданья, пишите! – звонко крикнула Саша, махнув рукой. Но вдруг, увидев лося, закричала: – Малыш! Малыш! – и заплакала.

И тут все увидели, как с громким протяжным криком бросился за поездом лось. Сначала он бежал рядом с вагоном, потом стал отставать, потом, тяжело дыша, остановился.

Поезд уже скрылся за поворотом, а лось всё стоял и смотрел ему вслед. Затем повернулся и медленно пошёл в лесную чащу. Больше его никто и никогда не видел.

Забавный медвежонок

Я не хочу называть издательство, где произошёл этот случай, скажу лишь одно: в нём рождались книжки, которые очень любят ребята.

Однажды туда пришёл человек. Он привёз от жителей таёжного посёлка большое спасибо за интересные книги и подарок. Подарок был в корзине. Человек поставил её на пол, снял крышку, и все изумлённо ахнули!

Да и как не ахнуть, если в корзине сидел маленький пушистый медвежонок. Он был совсем как плюшевая игрушка, а на забавной мордашке три чёрные пуговицы. Две пуговицы – два глаза, а третья пуговица, которая побольше, – нос.

Медвежонок пошевелил пуговкой-носом, уцепился лапками за край корзины и неуклюже выбрался из неё. Потом он ещё раз пошевелил пуговкой-носом и отправился путешествовать по издательству в сопровождении своих новых друзей.

Он вёл себя очень хорошо, этот маленький таёжный житель. Человек, который его привёз, давно ушёл, а медвежонок спокойно разгуливал по комнатам, не шумел и ничего не трогал.

Позабавив всех своими смешными играми, поборовшись с редактором и плотно закусив по очереди со всеми сотрудниками, медвежонок выбрал для своего отдыха ту комнату, где работала Анна Ивановна. Он устроился около её ног на мягком пушистом ковре и сладко уснул.

Вид у спавшего медвежонка был такой приятный и он так мирно посапывал, что Анна Ивановна решила взять медвежонка к себе домой. И на самом деле, сколько удовольствия она доставит Леночке и Вите таким живым плюшевым подарком. К тому же медвежонок научит их любить и заботиться о животных.

Но прежде чем взять медвежонка, нужно было посоветоваться с мужем, а главное, с тётей Катей. Ведь тётя Катя была в их доме самой главной хозяйкой и от неё зависело окончательное решение. Анна Ивановна позвонила домой. К телефону подошёл Борис Павлович.

– Боря! – сказала она. – У нас в редакции медвежонок, я хочу его взять домой.

– Медвежонка?! – удивлённо воскликнул муж. – Это так неожиданно... дай подумать...

Однако подумать ему не дали Витя с Леной. Услышав, что мама хочет принести медвежонка, они подняли такой шум и крик, так стали просить скорее его взять, что Борису Павловичу пришлось согласиться. Но тётя Катя была категорически против медвежонка. Хоть и маленький он, а всё-таки медведь. Медведю же место в лесу, в зоопарке или в цирке, но, во всяком случае, не в московской квартире на пятом этаже. Однако на этот раз возражения тёти Кати никто не хотел слушать. Почему бы не взять в дом этого маленького безобидного малыша, который даже молоко ещё пьёт из соски! За медвежонком поехали всей семьёй.

Когда они приехали в издательство, малыш ещё спал. Он спал так крепко, что даже не проснулся, когда Борис Павлович осторожно поднял его на руки.

– Вот видишь, Катя, какой он смирный и какой забавный, – сказала Анна Ивановна сестре, ласково поглаживая спавшего медвежонка.

– Да, но всё же мне кажется, что держать этого «забавного» зверя в квартире с полированной мебелью не совсем разумно, – возразила тётя Катя. – Но если вы всё-таки решили взять, то уж лучше его отвезти на дачу.

Пришлось с этим согласиться. Тут же вызвали такси. Потом Борис Павлович, оберегаемый с одной стороны Витей, а с другой – Леной, вынес полусонного медвежонка. Все уселись в машину и поехали на вокзал.

Едва машина тронулась, как медвежонок тотчас проснулся. Он сразу оживился и пожелал путешествовать по машине. Напрасно все наперебой пытались уговорить косолапого непоседу сидеть смирно. Медвежонок кричал, вырывался, потом залез на спинку заднего сиденья и стал смотреть в окно. Ему там не понравилось, он пожелал смотреть в переднее окно и полез к шофёру. Шофёр, молодой весёлый парень, был не против такого соседства, и медвежонок, перебравшись через спинку сиденья, удобно устроился у него на коленях.

Так доехали до вокзала. На прощание медвежонок нажал на кнопку сигнала и дал такой продолжительный гудок, что подбежал постовой милиционер. Он хотел оштрафовать шофёра за нарушение правил, но, увидев настоящего виновника, засмеялся и, махнув рукой, ушёл. Все вылезли из машины. Борис Павлович опять взял на руки медвежонка, поблагодарил шофёра, и вся процессия отправилась на перрон. Когда подошла электричка, тётя Катя сказала:

– Вы побудьте пока на платформе, а я пойду и займу место. Ведь не всякий согласится сидеть рядом с медведем.

Тётя Катя вошла в вагон, осмотрелась и села рядом с двумя молодыми людьми, которые ей показались наиболее симпатичными. И нужно сказать, что она не ошиблась. Когда потом вошли с медвежонком, молодые люди сразу уступили свои места возле окна.

Впрочем, и другие пассажиры вагона тоже оказались симпатичными людьми. Они не только не возражали против такого необычного пассажира, а даже наоборот, каждый старался его угостить – кто конфеткой, кто печеньем, а кто приласкать. Анна Ивановна беспокоилась, как бы медвежонок не начал безобразничать в вагоне, как и в машине. Но, против всякого ожидания, он вёл себя вполне прилично. Наевшись так, что его животик стал похож на барабан, он чинно сидел на коленях у Леночки и с упоением сосал пуговицу на её нарядном платице.

В разговорах и вопросах, откуда и куда везут медвежонка, кто его подарил и как поймали, незаметно доехали до места. К даче нужно было идти через небольшую берёзовую рощу. День был жаркий, солнечный. Очутившись среди душистой травы и деревьев, медвежонок пришёл в восторг. С необычной лёгкостью он подпрыгивал, катался по траве, купался во всех встречных лужах, залезал на каждое дерево. А так как деревьев было много, то вполне понятно, что до дачи пришлось идти не десять минут, как всегда, а в пять раз дольше. От такой замедленной ходьбы взрослые изрядно устали, зато дети были довольны и весело смеялись над каждой проделкой забавного малыша.

Наконец добрались до дачи. Анна Ивановна хотела устроить медвежонка на террасе, но из этого

ничего не получилось. Пока она старательно готовила ему постель, «забавный» медвежонок сидел спокойно, но стоило ей уйти, как он поднял такой вопль и так начал рваться в комнату, что пришлось крикуна впустить.

Очутившись среди людей, малыш сразу успокоился, пристроился около протопленной ещё с утра печки и тут же уснул.

Ночь прошла спокойно и без приключений. Зато утром медвежонок поднялся чуть свет и сразу потребовал еду. Он требовал её так громко, что всех перебудил. Пришлось Анне Ивановне вставать и идти варить малышу кашу.

Пока Анна Ивановна готовила, медвежонок стоял около неё на задних лапках, дёргал её за платье и не переставая кричал. Потом, выпив полную бутылку сладкой, жидкой кашицы, отправился обследовать комнаты. Он быстро обнаружил ту, где находились дети. Медвежонок забрался к Леночке на кровать, стал тащить с неё одеяло, лез бороться то с ней, то с подушкой.

В этот день за завтраком все были очень сонные и недовольные поведением «забавного» малыша. Борис Павлович молча пил свой кофе, тётя Катя сидела с повязанной головой, что означало головную боль и плохое настроение, а дети зевали во весь рот, терли глаза и ничего не хотели есть. Кроме того, и в доме никак нельзя было навести порядок. Не успеют убрать в одном месте, как медвежонок натворит беспорядок в другом.

Ведь он был совсем маленьким медвежьим ребёнком, и где же ему было знать, что можно делать и что нельзя.

Но всё это было ничто по сравнению с тем, что пришлось перетерпеть тёте Кате, когда Анна Ивановна с мужем уехали на работу. Накануне Анна Ивановна сама же говорила, что ей дали два дня отгула и она сможет их провести на даче, а теперь вдруг торопливо уехала, прихватив с собой и Витю, которого медвежонок успел укусить за палец.

После их отъезда для тёти Кати началось то самое страшное, о чём она даже много времени спустя не могла без содрогания вспоминать. Медвежонок был ещё терпим, пока вся семья находилась дома, и он досаждал каждому понемногу. Теперь же, оставшись лишь с Леночкой и тётей Катей, непоседливый малыш всё своё внимание сосредоточил на них. Он ни на шаг не отходил от Лены и от тёти Кати, словно боясь, что они тоже исчезнут, и ничего не давал им делать. Нужно было посадить цветочную рассаду, а медвежонок лез под руки, выдёргивал только посаженные растения, не давал работать, а если его отталкивали, злился и даже пытался укусить. Пришлось посадку цветов отложить на другое, более удобное время и идти домой. Но и там от маленького озорника не было покоя.

Напрасно Леночка пыталась его чем-нибудь занять и даже предлагала свои игрушки. Малыш не пожелал с ними заниматься, сразу распотрошил Леночкину любимую куклу и разорвал мяч. Потом его заинтересовала скатерть. Он стащил её со стола прямо с посудой, а пока тётя Катя подбирала осколки, вскарабкался на буфет и сбросил вазу с цветами. Тут уж тётя Катя не стерпела, она схватила медвежонка за шиворот, сунула его в ещё пустую после ремонта комнату и заперла.

Сначала медвежонок кричал и дёргал лапками дверь, требуя, чтобы его выпустили, потом затих. Тётя Катя успокоенно вздохнула и принялась за дела. Она приготовила обед, закончила посадку цветов, прибрала комнаты и, налив в бутылку молока, понесла его медвежонку. Открыла дверь и... остолбенела, Трудно описать, во что превратилась эта чистая, недавно отремонтированная комната и что в ней успел натворить маленький «безобидный» малыш. Все обои на высоте, куда способны были дотянуться его лапки, были тщательно сорваны, скомканы и клочьями валялись по всему полу, а сам виновник, не теряя времени, старательно выковыривал из гладких стен штукатурку.

Увидев, во что превратилась комната, тётя Катя, полная возмущения и решительности, надела медвежонку ошейник, пристегнула ремешок и с первым же поездом поехала в Москву.

Она вошла в издательство гневная и непоколебимая.

– Немедленно заberi своего «безобидного» зверя, или он разнесёт всю дачу, – медленно, с расстановкой заявила она Анне Ивановне.

А «безобидный» зверь стоял около тёти Кати такой симпатичный, такой толстый и присмиривший, что по его виду никак нельзя было подумать, что он способен «разнести» дачу.

В редакции встретили медвежонка как старого знакомого, опять его все наперебой угощали и ласкали. Опять малыш ходил по комнатам, ничего не трогал и вёл себя так примерно, что кто-то из сотрудников предложил его взять к себе. Но тут тётя Катя решительно воспротивилась. Она перенесла столько неприятностей за те два дня, которые этот «безобидный» малыш пробыл у них, что совсем не хотела доставить другим такое же «удовольствие».

– Нет, – твёрдо сказала она. – Надо отдать медвежонка в цирк. Пусть он там сколько угодно кувыркается на трапеции, катается на велосипеде или танцует. Это лучше, чем лазать в квартире по шкафам, бить посуду и обрывать обои.

С этими словами тётя Катя подняла трубку телефона и стала набирать номер цирка.

За медвежонком приехали сразу. Его забрали прямо из редакции, и тётя Катя, облегчённо вздохнув, отправилась домой. Правда, она предвидела, что теперь ей придётся ходить с детьми в цирк на все медвежьи представления, но это терпимей, чем держать медведя в доме, если он даже маленький и

симпатичный.

Лесная кормушка

Слава с мамой совсем недавно переехали в один из новых районов города. Их квартира была на самом последнем – двенадцатом – этаже. Славе нравилось, что они живут так высоко. Подойдешь к окну – всё видно, что кругом делается: и краны новостроек, и каток, и лес, который начинался почти сразу за их домом. В этот лес и ходил Слава на лыжах.

Не думайте, что Слава был хороший лыжник, совсем нет! Он ходил так медленно, что все ребята дразнили его «тихоходом». Но Слава не обижался. Не для того, чтобы стать лыжником-чемпионом, отправлялся он в лес.

Он шёл тихо, не торопясь, ко всему приглядывался, прислушивался...

А как красиво зимой в лесу! Куда ни глянешь – всё кругом покрыто мягким, пушистым снегом, а присмотришься к заиндеветым веткам деревьев – и увидишь замысловато-сказочные узоры: диковинные фигурки зверей, птиц, каких-то гномиков... Славе нравится их разбирать.

В лесу тихо-тихо. Идешь – только снег под лыжами поскрипывает, а остановишься – тут сразу все звуки лесные услышишь. Вот где-то вверху попискивают невидимые синицы, одиноко стучит дятел.

Слава знает и этого дятла, и место, где он стучит, – там на старом, засохшем дереве, в расщелине сука, у него устроена «кузница». Видно, принёс туда еловую шишку, вот и долбит.

Совсем рядом со Славой пролетела стайка хохлатых свиристелей и скрылась среди деревьев, застрекотала сорока...

А сколько следов можно увидеть на белой пелене снега! Сколько интересного прочесть на этих снежных страницах!

Слава ходил в лес всегда одной и той же дорожкой. У него здесь были свои друзья, и он сразу после школы, пока ещё было светло, приходил их кормить. Кормушку для птиц Слава смастерил сам и устроил её на большой раскидистой берёзе. Сделал её очень просто: взял от ящика донышко, укрепил в развилке дерева, а чтобы еду не засыпало снегом, устроил из фанеры крышу. Хорошая получилась для птиц столовая, просторная!

Первое время птицы боялись мальчика. Садились поодаль и ждали, когда он уйдёт. Потом привыкли.

Бывало, подойдёт Слава к кормушке, посвистит, и они сразу со всех сторон на зов прилетают.

Первыми появлялись всегда синицы. Стоило Славе посвистеть, как они уже тут как тут. Следом прилетал поползень. Этот работяга никогда не пропускал время кормёжки. Он даже не ждал, когда Слава положит в кормушку семечки. Выхватывал их прямо из рук мальчика и стремительно улетал с добычей. Затем запихивал семечки в расщелину дерева или в щёлку коры и опять спешил к Славе. Такая доверчивость Славе нравилась: уж очень было приятно чувствовать на своей руке птицу.

Накормив любимца, Слава отходил в сторону и ещё долго наблюдал за птицами, за их поведением. Синицы больше всего любили сало. Они сразу слетались к нему, но клевали всегда по очереди, так же по очереди брали они и семечки. Зато свиристели и снегири опускались к разложенным для них гроздьям рябины стайкой. Снегири клевали рябину не спеша, семена съедали, а мякоть выбрасывали, не то что хохлатые свиристели: те глотали ягоды торопливо, целиком, потом сразу срывались с дерева и улетали.

А как-то раз Слава пришёл и увидел вокруг дерева следы. Их было много, а там, где сало подвешено, весь снег истоптан. Удивился Слава: кто же это мог быть? Следы будто собачьи, только узкие, и шли они из глубины леса ровной строчкой, лапка в лапку, словно по тесёмочке. Потом вспомнил: да ведь такие точно следы ему дядя Петя в деревне показывал и сказал, что они лисьи. Значит, вот кто сюда пожаловал! Видно, пришла кумушка салом полакомиться, да так ни с чем и ушла.

Наведывалась к кормушке и белка.

Сначала она не очень-то доверяла мальчику. Бывало, увидит его – мигом на верхушку берёзы взберётся да так затаится среди заснеженных веток, что не сразу её и увидишь.

А до чего же ловкими и быстрыми были прыжки зверька! До чего хороша белка зимой в своей серебристой шубке!

Для этой пушистой гостьи Слава никогда не забывал прихватить из дома орехи, печенье или конфеты – пусть тоже лакомится.

Прошёл декабрь, затем январь, наступил февраль с его выюгами, метелями, морозами. Слава знал, что в этом месяце птицам приходится особенно трудно. Давно обклевали они те семена, что оставались с осени на деревьях и на кустах. Да и с земли, покрытой глубоким снегом, трудно достать еду.

Голодно в этом месяце птицам, а голодной птице морозный день – это смерть. Вот почему Слава даже в непогоду шёл кормить своих питомцев.

Но однажды с самого утра была такая выюга, что нечего было и думать идти в лес. Выюжило весь день, и лишь к вечеру стихло. Ночь была ясная, звёздная, а утром термометр показывал минус 36 градусов.

Когда Слава проснулся, мамы дома уже не было. Она работала почтальоном и уходила рано, но к двенадцати часам уже возвращалась домой.

На столе Слава увидел приготовленный завтрак и записку: «В школу не ходи. Сиди дома. Мама».

«Вот это здорово! – обрадовался Слава. – Уроков нет и в школу идти не надо!»

Он встал, позавтракал, удобно устроился на диване, взял книгу и стал читать.

В доме было тепло и уютно. «Вот здорово, что мороз!» – подумал он опять и вдруг вспомнил: вчера выюга, сегодня мороз, а как же там они... птицы? Он здесь в тепле, сытый, а они...

Он отложил книгу и включил телевизор. Шла какая-то интересная постановка, но смотреть тоже не захотелось.

Слава выключил телевизор и стал одеваться. Потом взял лыжи, пакет с кормом и решительно вышел из дома.

Будто вымерло всё живое в лесу, даже не слышно синичек. Попрятались птицы от леденящего ветра и холода. Только деревья трещат от мороза.

Спешит, спешит Слава, и чем ближе, тем беспокойней у него на душе.

Вот и знакомый поворот... вот и кормушка... Но не встретили птицы своего друга.

С трудом шевеля непослушными от мороза губами, стал сзывать их Слава свистом.

Долго, очень долго никто не отзывался на свист мальчика, потом прилетела одна синичка... другая... ещё две. Они были какие-то взъерошенные, сразу бросились к салу и стали его жадно клевать. Их собралось уже штук десять. Слава ждал поползня, но его любимец всё не появлялся. Уже не было сил больше ждать, от мороза перехватывало дыхание. Окоченевшими руками он высыпал в кормушку остатки корма, повернулся, чтобы идти к дому, и... что это? В стороне от дерева, будто сорванный листочек, распласталось на снегу что-то маленькое, бурое... Это был поползень.

Слава бросился к нему, поднял, прижал к себе, старался согреть дыханием неподвижное тельце. Неужели погиб? И вдруг он почувствовал, как поползень чуть трепыхнулся. Жив! Скорей, скорей домой! Скорей к спасительному теплу! И вот тут-то, если бы кто из ребят увидел, как бежал Слава на своих лыжах, никогда бы не стал его дразнить «тихоходом».

Дома, когда мама увидела Славу, она так и бросилась оттирать побелевшие щёки сына.

– Говорила тебе – не выходи, записку написала. Куда ж тебя носило? Щёки отморозил!

Слава не пытался оправдываться. В ответ он вынул из-за пазухи полузамёрзшую птичку и показал маме. Мама поняла всё сразу и без слов.

Она быстро сняла с себя пуховый платок, завернула в него поползня и положила около батареи.

– А теперь горячего чая с малиной выпей и живо в постель! Ишь герой тоже у меня нашёлся, птиц пошёл спасать!

И хотя мама старалась говорить сурово, Слава понял, что она на него совсем-совсем не сердится.

Напившись горячего чая с малиной, он тут же прилёг, хотел что-то сказать, но веки сами собой

слиплись, и он словно провалился в темноту.

Проснулся Слава лишь на другой день рано утром, так рано, что мама ещё даже не ушла на работу. Вспомнив всё, что произошло накануне, Слава вскочил с постели и первым делом бросился к батарее посмотреть поползнь. Но его там не было, а мама засмеялась и сказала:

– Ты лучше поищи в другой комнате! Поползень действительно оказался там. Он совсем оправился и теперь смело летал по комнате, лазал по книгам и всюду совал свой клюв. Очевидно, он был голоден и разыскивал, чем бы поживиться. Слава поставил ему на шкаф блюдечко с водой, рядом насыпал семечек, и поползень, не ожидая приглашения, сразу принялся за еду. Наелся, а потом, как и в лесу, стал делать запасы. Он засовывал семечки в страницы книг, прятал в занавески, за картины, затем неожиданно сел к маме на голову и начал совать ей семечки в волосы. То-то было смеху!..

Почти всю неделю прожил поползень у Славы. За это время он вполне освоился со своим новым местом и ничего не боялся. Смело таскал с тарелок еду или купался в блюдечке с остывшим чаем... Словом, вёл себя так, будто прожил в доме всю свою птичью жизнь. А потом случилось непредвиденное: мама открыла форточку, чтобы проветрить комнату, и поползень улетел.

Нужно ли говорить о том, как горевал Слава, когда, вернувшись из школы, узнал, что его любимец пропал. Слава еле сдерживал слёзы.

Ещё бы! Ведь ему хотелось выпустить птицу самому, и не здесь, около дома, а отнести в лес, к кормушке, чтобы опять встречать там своего маленького друга... А теперь некому будет таскать у Славы из рук семечки и их прятать...

На этот раз Слава шёл к своей кормушке совсем невесело. Подошёл, посвистал птиц, достал семечки. Он уже собрался их положить в кормушку, когда вдруг неожиданно на его протянутую руку уселся поползень – его поползень! Он деловито огляделся, доверчиво пробежался по руке мальчика и, как всегда, стал таскать с его открытой ладони семечки. Слава смотрел на своего пернатого любимца и думал, что надо будет обязательно смастерить и развесить здесь дуплянки – пусть птицы зимой прячутся в них от холода, а весной строят гнёзда и выводят птенцов.

Мухтар

Его звали Мухтар. Но это был не тот знаменитый Мухтар, которого снимали в кинокартине «Ко мне, Мухтар!». Тот Мухтар был породистой овчаркой и помогал разыскивать преступников. А когда его ранили и он не мог больше работать, люди продолжали его кормить и за ним ухаживать. А эта собака, про которую я хочу вам рассказать, была простой дворнягой. Но она честно служила своим хозяевам: охраняла сад, играла с детьми и готова была броситься на любого, кто посмел бы их обидеть. Но люди, у которых она жила, совсем не стоили её преданности. Когда наступили холода, они её бросили на даче и уехали в город.

Собака осталась одна на пустом участке, около пустого дома, и продолжала его охранять.

Первое время голодная, исхудавшая собака ждала своих хозяев. Потом пошла искать их. Откуда могла знать собака, что хозяевам она больше не нужна...

Сначала она бежала по просёлочной дороге. Ещё издали заметив человека, останавливалась, внимательно вглядывалась, потом догоняла и обнюхивала. Но это всё были люди чужие, и она опять бежала дальше. Дорога вывела её на шоссе, а она всё бежала и бежала...

В воскресенье мы с мужем, как всегда, приехали на дачу. Пока Шура насыпал в птичью кормушку семечки и подвешивал для синиц сало, я прошла к дому.

У крыльца, вся сжавшись, грязная и такая худая, что можно было пересчитать все ребра, лежала собака и испуганно глядела на меня.

– Ой, собака! – невольно вскрикнула я.

Шура обернулся и тоже увидел собаку. Он хотел к ней подойти, но только сделал несколько шагов, как она вскочила, жалобно заскулила и, тяжело волоча заднюю лапу, заковыляла в конец сада. Мы сразу догадались, что она побывала под машиной и теперь отлёживается в нашем саду. Чтобы не пугать беднягу, мы не стали подходить и, оставив ей привезённую с собой еду, уехали.

Приехали на дачу мы через день, думая, что собака давно ушла, однако, к нашему удивлению, она была ещё у нас. Правда, на этот раз, видимо успев освоиться, она уже не так испугалась, а просто отошла в сторону и наблюдала за нами издали. Пришлось опять оставить ей еду.

Вернувшись домой, мы долго решали: как же быть? Заводить в пустой даче собаку мы не собирались, и оставить без помощи нельзя. Решили так: пусть пока живёт, а когда поправится, уйдёт сама.

Теперь нам приходилось приезжать на дачу не один раз в неделю, как это делали раньше, а через день.

Привозили ей в бидоне кашу или суп, наливали в миску и уезжали.

Так прошло недели две. За это время собака заметно поправилась и хотя осторожно, но уже ступала на больную лапу. К нам она уже привыкла, и едва мы появлялись у калитки, как она, припадая на больную лапу, спешила навстречу. Ласкалась она довольно сдержанно, но, пока мы находились в саду, всегда держалась рядом с нами.

Собаку мы называли просто – Дружок. Но странное дело: пёс никак не желал отзываться и, сколько его ни звали, даже не поворачивал головы. Сначала нам даже казалось, что пёс глуховат, однако своим поведением он доказывал обратное. Стоило ещё издали услышать незнакомые шаги, как он тут же настораживался и с грозным лаем бежал навстречу.

– Странно, – удивлялся муж. – Слышит каждый шорох, а позовёшь – будто глухой. Надо будет его врачу показать.

Я же думала иначе: очевидно, он просто привык к своей старой кличке и не хотел её менять. Но как же его звали? Как узнать? И я решила, что буду подзывать его разными кличками: ведь должен он откликнуться на ту, одну-единственную, которую не может забыть. С этого дня я стала звать его то Рекс, то Бобик, то Джек... Но он упорно не проявлял к этим именам интереса.

Однажды, в который раз перебирая разные клички, я назвала его Мухтар. Пёс сразу повернул голову и внимательно посмотрел мне в глаза. «Мухтар!» – повторила я. Собака вскочила и подбежала.

Всё было ясно, теперь я знала его настоящее имя – его звали Мухтар.

Мухтар остался жить у нас. Он давно поправился, но уходить от нас не собирался, хотя мог это сделать свободно, потому что в нашем заборе было много выломанных досок.

Приезжали мы теперь на дачу всегда с внучкой. Марина была в восторге, что у нас поселилась собака. Приезжали мы всегда в одни и те же часы. Мухтар хорошо знал время нашего приезда. Он уже заранее шёл к автобусной остановке и терпеливо ждал.

А как он радовался нашему приезду! Лаял, бросался навстречу, прыгал, стараясь лизнуть в лицо, а

потом, довольный, бежал впереди и, всё время оглядываясь, «показывал» дорогу к калитке.

Зато сколько грусти было в его взгляде и во всей фигуре, когда мы уезжали. Он даже не шёл нас провожать: понурый, с опущенным хвостом, оставался около калитки и долго смотрел нам вслед.

Наш дом стоял немного в стороне. Мимо вилась узкая тропинка к реке, к лесу и к тем нескольким домам, которые находились дальше за полем.

Летом здесь проходило много народу, зато осенью и зимой было совсем пустынно. Люди шли в обход по шоссе и потом сворачивали к своим домам. Идти так было дальше, но зато спокойней. Проходить в сумерках мимо пустых дач все избегали.

Мухтар оказался умным и сообразительным псом. Скоро он не только знал всех людей, живущих поблизости, но охотно их встречал у автобусной остановки и провожал нашим переулком.

Особенно старательно провожал он детей. Раньше Катю и Олю встречала мама. Приходила с работы усталая, а вместо отдыха шла встречать их. Зимой темнело рано, и идти заснеженным, нежилым переулком, а там ещё полем было страшно. Но теперь, с появлением добровольного провожатого, Мария Ивановна не беспокоилась за ребятишек: Мухтар шёл с ними до самого дома. Иногда на узкой тропинке им встречался человек; если это был знакомый, то мог смело продолжать свой путь, если чужой – хочешь или не хочешь, а сворачивай в сторону. Ведь никому не хотелось познакомиться с такими большими клыками, которые так охотно показывал Мухтар.

Теперь мы больше не волновались, если почему-либо не могли привезти собаке еду. Мухтар был всегда сыт. Он уже не ел овсяный суп, а выбирал из него кости и кусочки мяса. Да и зачем ему суп! Бывало, придёшь, а около калитки лежат пустые пакеты, обрывки газет, бумаги. По ним я всегда могла сказать, кто из его друзей здесь побывал.

Вот листок из тетради – это Катя поделилась с ним завтраком, вот газета – значит, приходил Коля. Он собирал еду для Мухтара со всего двухэтажного дома, а его товарищ – Серёжа Гаврилов – привозил угощение из Москвы.

Появились у Мухтара друзья и среди взрослых. Особенно после того, как он вызволил из беды отца Коли, Виктора Ивановича.

Виктор Иванович возвращался с работы всегда поздно и, чтобы не идти одному, звал Мухтара. Он не кричал, не свистел, а хлопал в ладоши. Звук от хлопков получался громкий, и Мухтар прибежал сразу. И никогда не забывал Виктор Иванович приласкать и угостить своего верного провожатого. Вот его-то однажды и выручил Мухтар.

Случилось это в один из зимних дней. Виктор Иванович вышел из автобуса, и не успела машина отойти, как к нему подошли два рослых парня в надвинутых на глаза шапках.

– Давай деньги! – коротко потребовал один из них.

Положение создавалось довольно неприятное. Деньги у Виктора Ивановича были, но отдавать их он не собирался. Вместе с тем справиться одному с двумя здоровыми парнями ему не под силу. Убежать тоже некуда – впереди узкая, загороженная грабителями тропинка, по бокам глубокий снег. Кричать бесполезно. Кругом ни души.

И тут он вспомнил Мухтара. Чтобы его позвать, даже не надо кричать, надо просто хлопнуть в ладоши. Решение пришло мгновенно.

– Сейчас, ребята, сейчас, что-то руки замёрзли! – И, похлопав в ладоши, Виктор Иванович медленно полез в карман...

Услышал ли Мухтар? И Мухтар услышал.

Сначала он бросился на того, который стоял к нему ближе. Бросок – повисла разорванная брючина, бросок – оторван кусок рукава.

О, Мухтар хорошо умел нападать, ловко увёртываясь от ударов!

Пока он разделялся с одним из парней, другой попытался бежать, но не тут-то было! В одну секунду, с прокушенным плечом, незадачливый грабитель барахтался в снегу, стараясь отбиться от наседавшей на него собаки.

Тут уж пришлось за них вступить Виктору Ивановичу. С большим трудом удалось ему оттащить рассвирепевшую собаку.

Оборванные и искуанные, парни вылезли из снега; они виновато топтались перед Виктором Ивановичем, прося их отпустить.

– Мы ж просто так... мы пошутили... – невнятно бормотали они, с опаской поглядывая на собаку.

После этого случая Мухтар стал желанным гостем в каждом доме, и все старались его приласкать и накормить, но он нигде не оставался. Проводит до дверей и сразу бежит домой. Даже удивительно! Жил около пустой дачи, тщательно ее охранял и никуда не хотел уходить.

По воскресеньям мы обычно приезжали на дачу всей семьёй на весь день, и весь день Мухтар проводил с нами. Особенно привязался он к мужу; возможно, потому, что тот к нему ездил чаще, чем я, и больше его ласкал. Мухтар ходил за ним по пятам, преданно заглядывая в лицо. Однако стоило мне направиться к калитке, как пёс тут же спешил за мной, и не было никаких сил от него отделаться.

Раньше, приезжая на дачу, я сразу надевала лыжи и отправлялась на прогулку.

Мне нравилось тихонько, не торопясь пройти полем или заснеженным лесом. Но теперь моим

лыжным прогулкам пришёл конец. И совсем не потому, что я их разлюбила.

Дело в том, что со мной отправлялся Мухтар, а после того случая с Виктором Ивановичем он в каждом встречном идущем лыжнике видел врага, от которого меня следует спасать. Он тут же яростно бросался на лыжника, стараясь его укусить.

Я могла звать Мухтара и кричать ему сколько угодно – на мои крики он даже не обращал внимания. Тогда я сама спешила на помощь, тщетно пытаюсь отогнать собаку. Однако при моём приближении у Мухтара лишь удваивалась ярость, и дальнейшая картина примерно выглядела так. Мухтар лает, лыжник, отбиваясь палками, ругается, я кричу: «Нельзя!», пытаюсь поймать своего «защитника», который, в свою очередь, старается схватить лыжника или хотя бы его брюки.

Наконец Мухтар пойман. Лыжник, грозя привлечь меня к ответственности, в лучшем случае с целыми брюками поспешно уходит.

Я облегчённо вздыхаю, но надолго ли? Опять где-то на противоположном конце поля показывается лыжник, и опять всё начинается сначала...

Я попробовала запереть Мухтара на террасе. Он тут же выбил окно и без труда догнал меня. Пыталась уходить потихоньку, но обмануть собаку удалось не больше двух раз. Видя, что я беру лыжи, он торопливо выбегал за калитку, и никакими уговорами и угощениями его нельзя было заманить обратно. Пришлось от лыжных прогулок отказаться.

Так же старательно Мухтар охранял Марину и её друзей. Когда она уходила вместе с Серёжей Гавриловым и подружкой Таней кататься с горы, Мухтар отправлялся вместе с ними. Возвращались они домой всегда довольные и весёлые. А когда однажды я поинтересовалась, как ведёт себя Мухтар, хором ответили: «Нормально!» А Таня добавила:

– Не беспокойтесь, Вера Васильевна, он сидит и следит за порядком.

– Как за порядком? – удивилась я.

Оказалось, что, когда они приходили кататься, Мухтар всех посторонних ребят разгонял, потом усаживался на горе и, пока Таня, Серёжа и Марина катались на салазках, никого не подпускал близко. Прошла зима.

Весной всё чаще и чаще стали проходить мимо нас посторонние люди. Начались неприятности: то Мухтар кого-то укусил, то просто напугал. Надо было что-то предпринимать: ведь летом к реке здесь будет проходить народу ещё больше.

Мы пробовали собаку привязывать, но Мухтар не переставая выл и даже устроил голодную «забастовку». Мы ставили ему еду, а он упорно к ней не притрагивался. Я просто не знала, что делать.

– А ты отпусти его, он поест, и опять привяжем, – посоветовал Шура.

Пришлось Мухтара отвязать. Он действительно с большим аппетитом поел, но привязать себя больше не дал: не подходил или убегал за забор.

Пробовали мы заделывать в заборе дыры, но их было слишком много, да и Мухтар быстро делал новые, выскакивал в переулок и наводил там свой «порядок». Надо было что-то предпринимать...

Выручил нас сосед Фёдор Васильевич.

Он жил напротив нас, часто к нам заходил и, если мы почему-либо не могли приехать, кормил Мухтара. Мухтар хорошо его знал и любил.

– Пусть живёт у меня, – предложил Фёдор Васильевич. – Забор у нас новый, только поставленный, а то правда, как бы собачники не выловили.

Подумали мы с мужем, подумали и решили отдать; хоть и жалко нам расставаться с собакой и привыкли к ней, а у Фёдора Васильевича Мухтару будет действительно безопасней.

Чтобы Мухтар не скучал, Фёдор Васильевич его взял не сразу. Постепенно приучал его к своему дому, а когда собака привыкла, оставил у себя.

И вот Мухтар живёт у нового хозяина. Там у него хорошая новая конура, там его хорошо кормят и, главное, любят. Любят все: и сам Фёдор Васильевич, и его жена, и маленький внучек Андрюша.

Мухтар тоже любит своих новых хозяев. Он тщательно оберегает их покой, караулит их сад, но по-прежнему не забывает нас и, когда его выпускают, всегда заходит в гости. А короткими зимними днями Мухтар, как и раньше, встречает своих друзей и провожает их до дома нашим тёмным переулком.

Грач

Вот уже третьи сутки моросил въедливый, холодный дождь. Резкий ветер давно сорвал с деревьев последние листья, и теперь они лежали бурые, поплёкшие, словно приклеенные дождём к земле. Кругом было как-то особенно уныло – так бывает совсем поздней осенью, когда давно миновали красивые золотые дни и ещё не наступила зима.

Сидеть дома уже надоело. Я надела плащ, резиновые сапоги и решила посмотреть, что делается вокруг в это холодное, неприветное время. Сначала пошла на пруд – он находился почти рядом с нашей дачей. Совсем недавно полный жизни, он сейчас казался таким же унылым и пустынным, как

всё кругом.

За прудом шёл овраг. Мне нравилось это место. Весной здесь бурлила полая вода, летом, в густой зелени кустарника, гнездились птицы; сюда я приходила послушать и пение соловья. Теперь овраг будто ошетинился голыми ветками кустарника. Спускаться вниз не хотелось. Оставшись наверху, я переводила взгляд по знакомым местам и вдруг на дне оврага заметила грача. Грач тоже увидел меня; он сидел на старом поваленном дереве и, весь вытянувшись, насторожённо глядел в мою сторону, готовый вот-вот взлететь. Интересно, почему же он здесь? Почему не улетел со своими собратьями? Я хотела подойти ближе, но при первом же моём шаге грач, тяжело волоча крыло, неуклюже перешёл на другой конец ствола. Так вот в чём дело! Значит, чья-то злая рука подбила ему крыло, и он не смог улететь...

Мне стало жаль птицу. Я любила этих первых гонцов весны. Бывало, ещё снег кругом, а увидишь грача – значит, следом весна спешит. А теперь этот вестник тёплых дней обречён на гибель. Надо чем-то ему помочь. Но чем? Сначала я хотела грача поймать и продержать зиму в доме. Однако стоило мне чуть приблизиться, как он поспешно спрыгнул со ствола и исчез где-то в мокрых зарослях кустарника. Искать его было бесполезно. Тогда я решила на стволе дерева устроить ему кормушку. Сходить домой и принести еду было делом нескольких минут. Я разложила по стволу куски хлеба, кашу, кусочки варёного мяса и ушла. Пусть выбирает, что понравится.

На другой день, опять набрав разной еды, я поспешила к оврагу. К моему удивлению, оставленное накануне угощение лежало нетронутым, а грача нигде не было видно. Я спустилась в овраг, прошла кустами, но не нашла его и там. Очевидно, птица погибла или, напуганная мною, покинула эти места.

Прошло недели две. За это время выпал снег и зима вступила в свои календарные права. Наша семья уже перебралась в город, и лишь мне по-прежнему приходилось ездить на дачу. У нас поселилась кем-то брошенная собака, и её нужно было кормить.

Приезжая и глядя на побелевшее от снега поле, я как-то невольно вспомнила подбитого грача. Думалось, что бедняга погиб.

Но вот однажды, садясь в автобус, я вдруг увидела грача. Сначала думала, что ошиблась, но нет, на заснеженном поле чётко выделялась его тощая чёрная фигурка.

Я хотела выйти, но автобус уже тронулся, и всё же на повороте мне удалось заметить, как грач поскакал к придорожной канаве. Значит, он каким-то образом перебрался ближе к шоссе и, бродя вдоль дороги, добывал случайное пропитание.

Поле, где обитал теперь грач, находилось почти рядом с нашей дачей. Я была очень рада, что он выбрал именно это место, и подумала, что, пожалуй, будет совсем не трудно его здесь подкармливать. Однако на деле всё оказалось сложнее. Нелегко было предугадать, в каком месте станет искать пищу раненая птица. Бывало, положишь корм в канаву – он прыгает по обочине; положишь на обочину – он ищет в поле, а то просто еду снегом занесёт. Потом заметила, что грач ищет всегда еду в том месте, где лежит кучка мусора или кем-то оброненная бумага. Тут я и догадалась, чем можно приманить птицу: выгребла из печки золу, высыпала на снег, сверху положила куски хлеба и отошла в сторону. Грач сразу это место приметил. Мигом прискакал и с такой жадностью начал клевать мягкие куски хлеба, что я поняла, как он за это время изголодался.

Первое время он меня опасался, но скоро признал и перестал бояться. А потом так привык к моим приношениям, что стоило мне показаться с миской в руках, как он тут же являлся, торопливо клевал то, что я приносила, и, наевшись досыта, уходил в кусты.

Среди кустов рос большой, старый тополь. Его сучья начинались почти от самой земли, и вот по ним-то, словно по лестнице, забирался грач на дерево. На нём он проводил день, на нём он и ночевал.

Хотя дерево служило грачу надёжным убежищем, мне всё же хотелось переманить птицу к нам на

дачу. За забором жить ему было бы безопасней, и сделать это казалось совсем несложным, ведь он уже настолько хорошо меня знал, что даже встречал.

Он взбирался на самую верхушку тополя и со своего наблюдательного пункта внимательно следил за всеми, кто выходил из автобуса на этой остановке. Даже удивительно, как он ухитрялся узнавать меня на таком большом расстоянии. Узнавал, когда я ещё только переходила шоссе, и громким криком «Кра! Кра!» приветствовал моё появление, потом торопливо спускался с дерева и скакал навстречу. Подбежав, он, забавно наклонив голову, заглядывал в сумку и, если я не успевала вынуть принесённое угощение, выхватывал его сам.

Сначала я смеялась над такими проделками грача – уж очень у него это смешно получалось, – но когда он однажды вытащил из сумки вместо еды мой паспорт, здесь уже было не до смеха. Я и опомниться не успела, как воришка удрал с похищенным документом в кусты. И пока я, увязая выше колена в снегу, до него добиралась, так распотрошил паспорт, на такие кусочки порвал, что пришлось его менять.

После этого случая я стала осторожней и больше не разрешала грачу заглядывать в сумку. Потом, решив заманить его на территорию дачи, не стала отдавать ему еду всю сразу, а сделаю несколько шагов по направлению к даче и дам кусочек, ещё несколько шагов – и ещё кусочек.

Через несколько дней грач скакал за мной до самой калитки, а вот зайти в неё никак не желал. Долго мучилась я с упрямым. И каким только лакомством не приманивала! Бросала ему мясо, рыбу, а он упорно не шёл. Пришлось оторвать от забора доску, – может, этот лаз ему больше понравится. Расчёт мой оказался правильным. Повертелся грач около отверстия, повертелся, потом увидел, что опасности нет, зашёл на участок, схватил мясо и опять к своему тополю ускакал.

Так и повелось: ждал меня грач, сидя на тополе, потом я в калитку иду, а он через свою «калитку» меня встречает. С собакой нашей тоже познакомился. Сперва я боялась, как бы она его не обидела, но мои опасения оказались напрасны. Грач хорошо умел за себя постоять. Бывало, нальёшь собаке суп, а он уже тут как тут, кругом прыгает, в миску заглядывает. Впрочем, суп его совсем не прельщал, зато если собака вытащит кость, тут уж в оба смотри. Чуть заглядится пёс – кость у грача. А уж если он завладел добычей, лучше не подходи – сразу ударит клювом. Теперь не приходилось опасаться, что раненая птица замёрзнет или погибнет от голода. Грач заметно поправился и даже как-то округлился. Начало заживать у него и подбитое крыло. Сперва он стал им взмахивать, потом делать небольшие перелёты, а к концу зимы летал уже совсем хорошо, и только белые перышки, которые выросли на больном месте, напоминали о зажившей ране. Я всё думала, что теперь грач улетит, но он по-прежнему меня встречал, требовал еды и, видимо, никуда не собирался улетать. Очевидно, его больше устраивало кормиться возле людей.

Но вот пригрело весеннее солнце. Запестрели проталины. Прилетели грачи. Они бродили по проталинам и разыскивали в оттаявшей земле еду. Куда-то стал отлучаться и наш грач. С каждым тёплым днём он всё реже и реже появлялся возле нашей дачи. Потом он нашёл себе подругу, несколько раз прилетал с ней, а затем исчез. Наверно, построил где-то гнездо и был занят своими грачиными заботами.

Прошло лето. Как-то незаметно подкралась осень. Готовясь к отлёту на юг, птицы собирались в стаи. Готовились улететь и грачи. Я смотрела, как они разгуливают по полю, и было приятно думать, что где-то среди них находится и мой грач. Ведь теперь он сможет улететь вместе со всеми, и только было немножко жаль, что больше не придётся свидеться.

Но я ошиблась, и свидеться нам пришлось. Видно, не забыл грач, где ему помогли в эту тяжёлую для него зиму. Однажды, выйдя из дома, я вдруг услышала с высокого тополя знакомое «Кра! Кра!». Не может быть! Я подняла голову и увидела грача. Я его узнала сразу по белому пятнышку на правом крыле. Он сделал движение, чтобы спуститься ниже, но в это время с поля поднялась большая стая грачей и с громкими криками полетела в сторону леса. Полетел за ней и мой грач.

Вот он догоняет стаю... догнал... смешался с другими птицами, а я всё стояла и смотрела вслед. До свидания! Счастливого пути, грач! И пусть тебе в дороге не встретится злой человек!

Жаворонок

Марина пришла из школы гордая и счастливая. Ещё бы, у неё в дневнике почти одни пятёрки.

– Бабушка! – торжественно обратилась она ко мне. – А помнишь, что ты мне обещала?

– Помню, – сказала я.

И вот в воскресенье я выполняю обещанное. Мы отправляемся с Мариной на Птичий рынок, пока только на разведку.

Сначала мы ехали в метро, потом сели на трамвай. В трамвае народу было очень много. У всех какие-то сумки, корзины, клетки... Кто вёз кроликов, кто щенят, кто птиц, а один мужчина запихнул под сиденье большую собаку с завязанной мордой. И никто никого не ругал, хотя все знали, что возить животных в трамвае запрещено.

У Птичьего рынка вышли почти все. Вышли и мы. Спрашивать, где находится рынок, нам не

пришлось, потому что туда направился весь поток пассажиров. Шёл и тот мужчина, который держал под скамейкой собаку. Она шла рядом с хозяином, понуро опустив голову и поджав хвост, будто понимая, куда её ведут.

Человек с собакой завернул в большие ворота рынка, мы тоже направились следом за ним и сразу очутились в царстве рыб. И каких здесь только не было рыбок! Чёрные, пёстрые, жёлтые и, наконец, золотые с длинными, будто вуалевыми хвостами. Они плавали в просторных аквариумах медленно и важно, словно сознавая свою красоту.

– Бабушка, милая, купи мне рыбку! Эту!.. Нет, эту!.. Нет, ту!..

Марина перебегала от одного аквариума к другому, не зная, какую же рыбку выбрать.

– Мариночка, мы же сегодня хотели только посмотреть, а купим рыбку или щенка перед отъездом на дачу, – уговаривала я её, уводя от соблазна и... попадая в ещё более соблазнительное царство птиц.

– Бабушка, птичку! Купи птичку! Ну самую маленькую, самую дешёвую! – умоляла Марина, подтаскивая меня к прилавку.

За прилавком стоял мужчина. Он держал перед собой клетку, наполненную птицами. Здесь были красногрудые снегири, вертлявые синички, щеглы... Одни сидели нахохлившись, другие, что-то попискивая, прыгали с жёрдочки на жёрдочку или бились клювиком о решётку, тщетно стараясь вырваться из плена.

Я не люблю держать в клетке птиц и никогда не держала: мне всегда жаль этих маленьких пернатых певцов, лишённых свободы. Ведь куда приятней слушать их весёлые песни в лесу, в поле, следить за их свободным полётом. Вот поэтому я твёрдо сказала Марине:

– Нет, не куплю!

И ни за что бы не купила. Но тут, в углу клетки, я заметила небольшой серый комочек. Это был жаворонок. Взъерошенный, какой-то жалкий, он совсем не был похож на того жаворонка, чья звонкая трель так радует нас.

– Хорошо, Марина, – согласилась я. – Раз тебе так хочется, давай купим вон ту, которая сидит в уголке. Она больная. Мы ее вылечим, отвезём на дачу и выпустим.

Однако покупать больную, невзрачную птицу совсем не входило в планы Марины.

– Нет, бабушка! – возразила она. – Та некрасивая, лучше купим эту. – И она показала на большого красногрудого снегиря.

Не знаю, чем бы кончился наш разговор, но тут вмешался продавец. Очевидно, ему самому хотелось скорей избавиться от больной птицы. Он заговорщицки мне подмигнул и сказал Марине, что все птицы уже проданы и осталась лишь та, которую хочет купить бабушка. К моему удивлению, Марина тут же согласилась взять жаворонка. Продавец откуда-то вытащил небольшую коробочку и, ловко посадив туда птицу, передал Марине.

Крепко прижав к себе драгоценную ношу, Марина заторопилась домой.

– Не спеши, – остановила я внучку. – Надо ещё найти, где жаворонку корм купить.

– А чего искать, вон у того деда возьмите, – посоветовал продавец. – Он по этой части большой специалист, у него всякий корм имеется.

Подожли к деду. Тот спросил, для какой птицы нужен корм. Затем поколдовал среди своих многочисленных мешочков и протянул пакет со смесью каких-то семян и ещё маленький кулёчек с муравьиными яйцами, а я-то и не знала, что они жаворонку тоже нужны.

Мы поблагодарили деда, быстро прошли мимо голубей, собак, кошек, мимо кроликов и, больше нигде не задерживаясь, вышли за ворота рынка.

По дороге заехали в магазин и купили клетку. Взяли ту, которая была побольше. Пусть жаворонку будет свободней – может, скорее поправится.

Дома мы выбрали самое светлое место на окне, поставили клетку и выпустили в неё жаворонка. Он сразу стал биться грудкой о решётку, но, видя, что из клетки не выбраться, сел в уголок и нахохлился. Вы видели когда-нибудь, как жаворонок высоко-высоко взвизгивает в небо? И вот льётся оттуда его песня и звенит, звенит, словно ручеёк. Слушаешь её и не наслушаешься. Любуешься небом голубым, полем зелёным, и кажется, что не будет оно таким прекрасным без песни, льющейся сверху.

Я люблю песню жаворонка, и, быть может, потому мне было так жаль нашего пернатого невольника. Мы делали всё, что в наших силах, лишь бы он скорее поправился. Всю клетку заставили зеленью, давали по несколько раз в день дедову смесь, муравьиные яйца, а он почти не ел. Весь день то рвался на свободу, то сидел, забившись в самый угол клетки. Сидел скучный, взъерошенный. Марина ставила жаворонку еду и уговаривала:

– Ну поешь, маленький, поешь! Ты поправишься, и мы тебя сразу выпустим...

Однако жаворонок никак не поправлялся. С каждым днём всё больше и больше взъерошивались его перышки, всё хуже и хуже клевал он зёрна. Тогда мы с Мариной решили его выпустить. Выпустить сегодня... сейчас... пусть не живёт больше в неволе.

Через полтора часа мы были уже за городом. День выдался хороший, безоблачный, заметно припекало ласковое июньское солнышко. Мы вышли из автобуса и, не задерживаясь, пошли к полю.

Мне очень хотелось выпустить жаворонка самой, но потом передумала. Пусть это сделает Марина,

ведь ей ещё никогда не приходилось выпускать на свободу птиц.

Я поставила клетку посередине поляны, заросшей яркими ромашками, привязала к дверце крепкую капроновую леску; затем мы с Мариной отошли в сторону и спрятались за бугорок. Оттуда хорошо была видна и клетка и птица. Было видно, как бьётся жаворонок, как хочется ему на волю. Марина тихонько потянула за леску, и дверца открылась.

Не сразу увидел открытую дверцу наш пленник. Но вот заметил... наклонил головку... Теперь он уже не бился о решётку, вся его маленькая фигурка с вытянутой шейкой выражала недоверие. Так же недоверчиво и насторожённо вышел он из клетки. Вот и свобода. Свободный!.. Жаворонок встряхнулся, прилегли взъерошенные перышки, и он сразу будто поправился. На какой-то миг прижался грудкой к тёплой земле и взвился вверх.

Он поднимался всё выше... выше... к самому голубому небу. Но вот, трепеща крылышками, жаворонок будто остановился, и вдруг полилась его песенка. Она журчала, переливалась, звенела прямо над нами.

– Бабушка! Это он нам поёт! Это он говорит «спасибо»! – зашептала Марина. – Правда?

Кто знает! Может, правда говорил нам «спасибо», а может, радовался свободе, ведь люди ещё не научились разгадывать то, что говорят в своих песнях птицы.

Наш воробушек Пик

Скворечник у нас новый и красивый. Со всех сторон мы обили его корой от берёзы, и он стал похож на настоящее дупло. Все знакомые, которые приезжали к нам на дачу и которым мы показывали скворечник, говорили, что скворцы его займут сразу, как только увидят. А нам так хотелось, чтобы в нашем молодом садике поселились скворцы и пели по утрам свои песни.

Повесили мы скворечник двадцать второго марта, в тот день, когда все школьники встречают прилетевших из тёплых стран птиц. Повесили его на высокий шест, а шест прикрепили к берёзе. Но в этот день скворцы ещё не прилетели, и, чтобы домик не заняли воробьи, мы заткнули отверстие тряпкой.

И хорошо сделали, что заткнули, потому что у нашего соседа, который тоже повесил скворечник, но отверстие не заткнул, сразу поселились воробьи.

Приезжали мы на дачу каждое воскресенье. Ведь в марте работы в саду много: мы обрезали сухие

сучья, белили стволы яблонь, груш, а когда отдыхали, то видели, как трудились у соседней воробушки. Они без усталости таскали какие-то соломинки, перышки и строили гнездо.

Одного из них, с коричневыми крылышками и красивой чёрной грудкой, мы прозвали Пик. Потому что он часто, вместо того чтобы чирикать, говорил на своём воробьином языке «пик, пик».

Зато его подруга, серая воробуха, у которой не было таких красивых крылышек и чёрной грудки, чирикала, как все воробьи.

Переехали мы на дачу в апреле, когда снег уже почти сошёл.

Повсюду торчала молодая зелёная травка, а на деревьях около домов сидели и распевали скворцы.

Они сидели и около нашей скворечни, но попасть туда не могли, потому что отверстие ещё было закрыто.

Я хотела его открыть, но тут моё внимание привлёк птичий шум у соседа.

Там, около домика, где поселился со своей подругой Пик, шёл бой за гнездо. По-видимому, он начался уже давно. Воробухи нигде не было видно; очевидно, она уже отступила. Зато Пик отступать не собирался.

Он продолжал сидеть в гнезде и мужественно отражал нападение двух скворцов. Несколько раз они хватили его за серую шапочку и пытались вытащить, но Пик каждый раз вырывался и, оставляя у них в клюве кусочек пуха, опять скрывался в домике.

Не знаю, кто бы вышел победителем; почему-то мне хотелось, чтобы им был именно Пик, но тут вмешался сосед. Он подставил к дереву лестницу, влез на неё и выгнал из скворечника воробья. Нужно было видеть, как кричал и волновался Пик, пока сосед выбрасывал его гнездо, и как пытался вновь отбить уже занятый скворцами домик.

Наконец, весь избитый, с торчащими во все стороны перьями, маленький храбрец должен был отступить. Тяжело дыша, уселся он на заборе рядом с подлетевшей к нему воробухой. Куда девалась его серая шапочка! Вместо неё виднелась белая лысинка, по которой теперь Пика было легко отличить от других воробьев.

Нам стало жаль бедного воробушку, и хотя всем хотелось, чтобы в домике жили скворцы, тут же решили передать его воробьям.

Отверстие открыли. Пик сразу туда влетел, потом вылетел, что-то прочирикал воробухе и с прежним усердием принялся за постройку нового гнезда.

Через несколько дней жилище было готово, а вскоре из него послышался писк воробьят. Они пищали целые дни, и родители едва успевали носить им корм.

Свою работу воробьи начинали с самого рассвета. Они без усталости собирали разных гусениц, червячков и запихивали их в открытые рты птенцов. Воробьи приносили им пищу через каждые две-три минуты, я даже проверяла по часам. Иногда, устав, кто-либо из родителей садился на скворечник. Посидит, почистит перышки и опять летит за кормом. Они трудились весь день, а сами питались лишь урывками.

Впрочем, Пик оказался воробьем сообразительным. Вскоре, догадавшись, где можно поживиться, он стал залетать на нашу открытую террасу и клевал оставленные на столе крошки. Он понял и то, что его никто из нашей семьи не собирается обижать, и вообще перестал бояться. Не успевала живущая с нами тётя Паша накрыть на стол, как он тут же появлялся. Прыгал среди посуды, заглядывал в тарелки, чашки или усаживался на краю хлебницы, чтобы полакомиться мягкой булкой. Пик даже знал часы, когда полагалось накрывать на стол. Заранее садился на ближайшее дерево и был очень недоволен, если обед запаздывал.

Всё это было смешно и интересно, пока Пик хозяйничал на столе один.

Потом мы увидели его с воробухой, а затем, когда птенцы достаточно подросли, он привёл за собой всех семерых воробьят.

Правда, посадил он их за стол не сразу. Первое время они чинно рассаживались на заборе, а Пик носил им туда еду.

Затем Пику, очевидно, надоело летать от стола к забору, и он решил устроиться иначе.

Однажды тётя Паша, накрыв на стол, пошла разогреть суп, когда же вернулась, к своему ужасу, увидела: прямо на хлебе сидел Пик, вокруг него устроились все семеро птенцов, а добрый папаша выклёвывал из хлеба мякиш и совал его в открытые рты своих прожорливых детишек.

Нужно ли говорить о том, как рассердилась тётя Паша! Мало того, что негодник исклевал весь хлеб, но после такого нашествия пришлось мыть не только стол, но и всю посуду.

Однако, несмотря на гнев тётки Паши, семейство Пика упорно продолжало обедать вместе с нами. Тогда, чтобы от него отделаться, было решено сделать для воробьев специальный столик. Столик сколотили круглый, с бортиком, чтобы не скатывался корм, и высокий, чтобы на него не могла взобраться кошка. Поставили его напротив кухни и каждый день клали на него мочёный хлеб, разные остатки еды, крупу...

Скоро о существовании нашего столика узнали воробьи и других участков.

Они слетались к нам поодиночке и с семьями, чтобы полакомиться даровым угощением. Однако первым прилетал всегда Пик. Это он оповещал всех воробьев громким криком, что обед уже подан,

потом усаживался за столик, клевал корм, а следом за ним слетались и клевали другие воробьи.

– Зачем вы приваживаете в сад воробьев, ведь они вредные! – не раз говорили нам соседи.

Но у нас были свои убеждения. Недаром мы всё лето наблюдали за пернатыми жильцами. Своих птенцов воробей кормит личинками, гусеницами. А сколько их нужно набрать, чтобы прокормить такое прожорливое потомство! Посчитайте и узнаете, как полезен воробей, особенно в садах возле города.

– Да, но клубника! – возражали соседи. – Утром встанешь, сколько ягод поклёвано.

– Правильно, мы и сами на воробьев думали. Даже чучело на гряды ставили, чтобы их отпугивать, а оказалось, это слизняки по ночам ягоды объедали.

Тётя Паша тоже выходила из кухни и включалась в спор.

– Сама, своими глазами видела, – твёрдо заявляла она, – как воробей из яблока вредителя тащил. Нарочно смотрела!

И действительно, мы не раз наблюдали, как Пик собирал с яблонь гусениц плодовых и относил их птенцам. Вообще Пик держался в нашем саду так, словно он был здесь хозяином.

Он даже ухитрился поделить с нашей собакой Джальмой свои родительские обязанности по охране птенцов.

Началось с того, что к нам забрела кошка. Увидев воробья, она стала к ним подкрадываться. Пик сразу догадался, какая опасность грозит его птенцам. Он отважно бросился навстречу кошке и поднял такой крик и шум, что Джальма выскочила посмотреть, в чём дело. Увидев кошку, она с яростным лаем бросилась на неё, а та, едва успев увернуться, помчалась по дорожке сада, преследуемая собакой. Кошка уже давно скрылась, а Пик ещё долго шумел и что-то возбуждённо кричал на своём воробьином языке.

После этого случая стоило какой-нибудь кошке появиться на участке, как он поднимал крик, даже если птенцам не грозила опасность.

Джальме тоже нравилось гоняться за кошками. Она скоро научилась понимать Пика, и стоило ему зашуметь, как собака бросалась искать виновника.

Словом, выходило так, что Пик охранял не только птенцов, но и сад. И нужно сказать, что свою обязанность сторожа он нес превосходно, и ни одна кошка не могла к нам проникнуть незамеченной. Особенно это оценила тётя Паша.

Благодаря Пiku днём не приходилось закрывать от случайных кошек дверь кухни и сидеть в духоте, как это делали соседи. А после того как Пик обнаружил кошку, которая из продуктовой сумки пыталась вытащить мясо, он окончательно покорила сердце тёти Паши. Теперь она Пика, в отличие от других воробьев, называла только по имени, не сердилась, когда пернатый проказник залезал в тарелку, и следила, чтобы на птичьем столике всегда лежала еда. Если же воробьи иногда садились на вишню и клевали ягоды, то уверяла, что Пика среди них нет, хотя светлая лысинка на голове всегда его выдавала.

Впрочем, мы тоже на Пика за вишни не сердились. Ничего, если он немного ими полакомится. Зато мы сами видели, сколько червячков и гусениц переловил он со своей воробьиной для птенцов.

Наш сад навещало и много других птиц. Они распевали песни, ловили мошек, собирали насекомых, но ни одна из них не доставила нам за лето столько приятных и весёлых минут, сколько доставило это воробьиное семейство.

И если на будущий год Пик со своей подругой поселится снова в нашей скворечне, мы все будем очень рады.

Тюлешка

Небольшой рыболовецкий колхоз раскинулся у самого берега Белого моря. Так близко, что во время прилива вода подбегала почти к самым домам, а когда уходила, то за нею по камням тянулись тёмно-зелёные скользкие водоросли.

Много разного зверья и птиц водится в этих местах. Тут нередко можно увидеть огромного лося, встретить на лесной тропинке медведя или выпугнуть из чащи красавца глухаря. Вот в этих-то местах и произошёл тот случай с тюленем, про который я хочу рассказать.

Поймали его рыбаки ещё маленьким. Закинули сеть, а когда вытащили, то там, среди попавшей рыбы, лежал тюлень. Он смотрел большими испуганными глазами на стоявших вокруг него людей, а если кто-нибудь подвигался чуть ближе, открывал рот и хрипло кричал.

Рыбаки завернули его в старую сеть, положили в одну из моторок и поехали домой.

Когда в посёлке стало известно, что рыбаки привезли живого тюленя, на берег сбегались все ребята. Они окружили пойманного зверя, и каждый старался дотронуться до его гладкой блестящей шкурки.

Но больше всех заинтересовался тюленем Коля. Он очень любил животных и мечтал, что, когда вырастет, будет обязательно разводить в новых морях и лесах птиц, разных зверей и рыбу и... и... быть может, даже тюленей.

– Что, понравился? – вдруг услышал он над собой голос бригадира. – Хочешь, бери себе.

Коля даже не поверил своим ушам.

– Ну да... – недоверчиво протянул он, глядя на Степана Ивановича.
 – Чего «ну да», бери, да и всё. Ишь сколько у тебя помощников! – оглядел он остальных ребят. – Коллективно и выкормите.
 – Выкормим, выкормим... – загалдели ребята, а Коля, не помня себя от радости, так и кинулся к тюленю.
 – Да что ты, укусит! – остановил его один из рыбаков. – Сперва завернуть надо, а так не донести.
 Кто-то из ребят тут же притащил кусок мешковины, на неё положили тюленя и, как на носилках, понесли к Колиному дому.
 Там тюленя посадили в сарай, а сами принялись обсуждать, куда бы его поместить в дальнейшем. Придумать это оказалось делом нелёгким. Наконец после многих предложений и споров было решено устроить его в маленькой бухточке около Колиного дома. Это было самое подходящее место: с одной стороны – кусочек суши, как бы отрезанный каменной глыбой, по которой не взобраться тюленю, с другой – узкая полоса воды, – её легко огородить.
 Ребята тут же принялись за работу. Притащили колья, вбили их поперёк бухточки, затянули старой рыбацкой сетью, и получилось

что-то вроде небольшого и удобного загончика.

Когда тюленя пустили в загончик, то Тюлешка, как называли его ребята, быстро сполз по камням в воду и нырнул. Вода в бухточке была чистая, прозрачная, и ребята хорошо видели, что делает тюлень. Задние лапы он вытянул, и они стали похожи на рыбий хвост, а передние – на плавники, и тюлень своим видом и движениями напоминал огромную рыбу. Он подплыл к самым кольям, около них плавал и всё лез мордой в натянутую сеть, стараясь выбраться на свободу.

Несколько раз тюлень высовывал из воды голову, но, увидев ребят, опять нырял. Тогда, чтобы дать ему успокоиться, ребята ушли. А Коля скорее побежал домой, принёс мелкой рыбы и стал её бросать тюленю. Рыба падала около самой его морды, но он даже не обращал на неё внимания и продолжал плавать около перегородки.

Не ел тюлень и на другой, и на третий день.

Ребята наловили целый ворох рыбы. Коля бросал ему живую, мёртвую, но тюлень упорно отказывался от пищи.

Вообще тюлень был очень боязливый. Как только ребята подходили к заливчику, он тут же нырял и не показывался на поверхности до тех пор, пока они не уходили.

Ребята даже удивлялись, как это тюлень может столько времени не дышать, потом проследили и увидели, что на самом деле тюлень дышит. Через каждые пять-шесть минут он делал несколько еле заметных движений лапами и, не показываясь на поверхности, высовывал одни ноздри. Набирал воздух и снова погружался под воду. Ноздри у тюленя были очень подвижные. Если он выдыхал или набирал воздух, то они широко открывались, а когда уходил под воду, то плотно сжимались, и получалось так, что вода ему в нос не могла попасть. Наблюдать всё это было очень интересно, и ребята с удовольствием проводили свободное время около своего ластоногого питомца.

Одно огорчало их: Тюлешка по-прежнему отказывался от пищи. Ведь прошло почти две недели, а он ещё ни разу ничего не ел. Ребята волновались, как бы он не погиб с голоду.

Они даже пробовали собирать для него моллюсков, потому что Степан Иванович сказал, что на воле молодые тюлени их едят. Собирать такой корм было очень трудно. Ребята провозились почти целый день, а Тюлешка опять не стал есть.

Тогда решили дать ему рыбу очищенную и нарезанную кусочками.

В этот день ребята едва дождались, когда вернулись с рыбной ловли рыбаки. Помогли им подтаскивать лодки, выгружать рыбу и так старались, что рыбаки сразу заметили их усердие.

– Ну как, помощники, трудодень, что ли, вам записать? – шутя, спросил мальчиков Степан Иванович, когда вся рыба была уже выгружена на берег.

– Да нет, Степан Иванович, нам бы рыбину одну для Тюлешки, – попросил Коля и рассказал, что они хотят попробовать кормить тюленя нарезанной рыбой.

– Что ж, попробовать не мешает, – согласился Степан Иванович и тут же, выбрав из кучи, подал Коле большую рыбину. – Получай, – сказал он, – только потом изволь доложить, как твой Тюлешка её есть будет.

Коля схватил рыбу и помчался домой. Дома мать очистила её, потом отрезала кусок и, вытащив косточки, нарезала на маленькие, тонкие ломтики. Оставшуюся часть рыбы она убрала до следующего раза, а нарезанные кусочки положила в миску и отдала Коле.

Коля взял миску и отправился кормить своего ластоногого питомца. Был отлив. Вода из бухточки

почти вся ушла, и тюлень лежал на камнях. Заметив подходившего мальчика, он заволновался, сполз в воду. Но воды в бухточке оставалось так мало, что тюлень даже не мог плавать. Он только шлёпал по воде лапами и всё старался уйти. Когда же Коля по торчащим камням подошёл к нему, тюлень перевернулся чуть ли не на спину, открыл рот и закричал. Тут уж Коля не растерялся, он осторожно протянул руку и положил ему кусочек рыбы прямо в открытую пасть. Тюлень тряхнул головой, но рыбу проглотил. На другой день повторилось то же самое. Однако на этот раз тюлень съел уже не один кусочек, а четыре. Теперь Коля был уверен, что его пленник будет жить.

Начав брать пищу, тюлень с каждым днём становился всё смелее и смелее.

Бывало, прежде увидит ребят и скорее спешит нырнуть, а теперь только приподнимал голову и с любопытством на них смотрел. Если же среди детей замечал Колю или слышал его голос, подплывал к берегу и смотрел в его сторону.

В том, что тюлень его узнаёт и отличает от других, Коля убедился позже. Как-то раз он заболел и несколько дней не ходил к своему любимцу. Это время его кормили остальные ребята.

В первый день тюлень не обратил внимания на отсутствие Коли. Зато к концу второго заметно волновался. Увидев детей, он подплывал к берегу, высовывался из воды и всё смотрел – нет ли среди них Коли. А убедившись, что нет, тут же отплывал в сторону.

Зато как он обрадовался, когда впервые после болезни Коля пришёл к нему. Услышав его голос, тюлень сразу вынырнул из воды. В одну минуту очутился он около берега, выбрался на камни и, тяжело переваливаясь на лапах, подполз к самым ногам мальчика.

С этого дня Тюлешка совсем перестал бояться Колю. Он даже не пробовал уклониться, если Коля его гладил, а вскоре сам начал ласкаться и, как собака, подсовывал ему под руку свою усатую морду.

Кормил теперь Коля своего питомца не только нарезанной рыбой. Ребята часто ловили и бросали ему в воду живых рыбёшек. И нужно сказать, что, хотя на суше Тюлешка был очень неповоротливый и еле двигался, в воде ни одна брошенная ему рыбёшка не могла от него уйти. Он ловил её прямо на лету, а если дети нарочно бросали рыбу в воду, моментально её нагонял и съедал. Даже удивительно, до чего он быстро мог плавать!

Глотал тюлень рыбу всегда с головы и, если даже она попадалась ему иначе, тут же перехватывал.

Большую часть дня Тюлешка проводил в воде. А наевшись и вдоволь наигравшись, он вылезал отдохнуть на большой плоский камень посередине бухточки. Это было его самое любимое место. Он мог на нём лежать часами совсем неподвижно и только изредка поднимал голову, чтобы осмотреться или повернуться на другой бок.

Почти до осени прожил у ребят тюлень. Но вот однажды ночью разразился сильный шторм. Он бушевал почти всю ночь, а утром, когда Коля пошёл кормить тюленя, он увидел, что там, где вчера ещё стояла перегородка, торчали из воды лишь несколько кольев.

У Коли даже перехватило дыхание, и, не веря своим глазам, он подбежал к тому месту, у которого всегда кормил тюленя, и, всё ещё на что-то надеясь, закричал:

– Тюлешка! Тюлешка!

Но Тюлешки нигде не было.

Сиротливо и одиноко торчал из воды камень, на котором он обычно лежал, и только вырванный штормом кол, словно живой, всё ещё бился около него.

Коля сел тут же на прибрежные камни. Поставил около себя миску с рыбой и долго-долго смотрел то на торчащие из воды колья, то на опустевший камень. Потом встал, взял миску, выбросил из неё рыбу и медленно побрёл домой.

– Ты что это нос повесил? – встретил его по дороге Степан Иванович.

– Да так, тюлень ушёл, – нехотя ответил Коля.

– Тюлень! Ну это ещё не беда. Поймаем другого, вот и опять тюлень будет.

Но другой тюлень Коле был не нужен. Ему было жаль именно этого, который к нему так привык, уже хорошо ел рыбу, да ещё прямо из рук.

Узнав о пропаже тюленя, жалели о нём и ребята.

Прошло несколько дней.

И вот как-то рано утром, когда Коля собирался вставать, распахнулась дверь, и ворвался сын Степана Ивановича – Сашка.

– Тюлень! Тюлешка нашёлся! – завопил он ещё с порога. – Собирайся скорей, идём!

На ходу одеваясь и даже не расспрашивая товарища, Коля схватил шапку и следом за Сашкой выскочил из избы.

По дороге он узнал, что вчера рыбаки на дальней луде видели несколько тюленей, что все они лежали на камнях, но, как только лодка подъехала ближе, три тюленя нырнули, а один остался. Он даже не испугался, когда кто-то из сидящих в лодке громко свистнул. Степан Иванович подумал, что это Тюлешка, и послал за Колей. Рыбаки сегодня опять едут в ту сторону, и Коля может ехать с ними. Когда Коля с Сашей подбежали к пристани, Степан Иванович был уже там.

– Ну, живо садитесь! – скомандовал он, и ребята полезли в одну из лодок.

Они сели около самого носа на свёрнутые сети. Здесь было выше и лучше видно.

Наконец всё было готово, рыбаки уселись по местам, и лодка отошла от причала. И тут Коля увидел, что все моторки, как только вышли из залива, свернули вправо, а их моторка пошла чуть-чуть прямее. Ребята сразу догадались, что Степан Иванович хочет сначала заехать на ту луду, где видели тюленей.

Коля выпрямился и стал смотреть вперёд. Вдали виднелись острова. Разрезая холодную гладь воды, моторка быстро шла к ним. Вот она обогнула один остров, за ним – другой. На этих дальних островах ребятам никогда не приходилось бывать, и они с интересом их разглядывали.

Вот на одном острове белеет новая бревенчатая изба, а около неё аккуратно сложенная поленница дров. Но Коля и Саша знают, что в этой избе никто не живёт. Она здесь построена для всех. Любой проезжий рыбак или охотник может найти в ней приют: переждать шторм, погреться, переночевать, а потом ехать дальше.

За островом с избой ребята увидели узкую полосу суши, которая чуть-чуть возвышалась над водой. На ней совсем не росли деревья, и ребята догадались, что это и есть та самая луда, где были тюлени.

Коля привстал и впился глазами в эту узкую полосу суши, но, кроме камней, ничего не увидел.

– Да ты левей, левей смотри, – показал ему Степан Иванович. – Вон там все четыре лежат.

Коля пригляделся и действительно увидел на камнях тюленей. Они лежали совсем неподвижно, и, если бы не Степан Иванович, мальчики ни за что не отличили бы их от торчащих камней. Теперь же ребята видели тюленей совсем ясно. Звери приподняли головы и насторожённо приглядывались к приближавшейся лодке.

Коля опасался, как бы они не испугались и не уплыли, но тут Степан Иванович повернул моторку, и она пошла дальше вдоль луды, минуя лежащих зверей.

– Степан Иванович, а как же Тюлешка-то! – переполошился Коля.

– Ничего, не волнуйся, всё будет в порядке. Вот высажу вас сейчас в сторонке, чтобы тюленей не вспугнуть, а на обратной дороге заеду.

По скользким, покрытым густыми зелёными водорослями камням ребята добрались до берега. Берег тоже был каменистый, поросший серым жёстким мхом. Дальше он переходил в узкую и низкую полосу камней. Эта полоса торчавших из воды камней и называлась лудой.

Почти в самом её конце лежали тюлени. Осторожно ступая, чтобы не напугать отдыхающих зверей, ребята направились к ним. Они подошли так близко, что свободно могли разглядеть тюленей.

Один из них лежал немного в стороне и был меньше других. Коля хотел рассмотреть его получше, но в это время у Саши из-под ног посыпались камушки, и все тюлени, мгновенно соскользнув с камней, скрылись под водой.

Через некоторое время они вынырнули и с любопытством стали глядеть на ребят.

– А что, если позвать? – в нерешительности проговорил Коля.

– Да разве он придёт? – возразил Саша. – Ишь как нырнул, совсем как дикий. А может, это и есть дикий, вроде на нашего не похож...

Коле тоже казалось, что этот тюлень на его Тюлешку не очень похож, но он всё же решил попробовать его кликнуть.

– Тюлешка, Тюлешка! – закричал он и взмахнул рукой, будто бросая рыбу.

Три тюленя тут же скрылись под водой, а один остался и даже... или, быть может, Коле почудилось, что он чуть приподнялся из воды и стал приближаться.

– Наш, наш! – закричал не своим голосом Сашка.

– Молчи – напугаешь, – ткнул его в бок Коля.

Если бы это было не в такую минуту, то Сашка обязательно дал бы сдачи. Но сейчас, стерпев обиду, он замолчал, чтобы действительно не напугать тюленя.

Тюлень подплыл к самому берегу, но вылезать на камни не стал. И сколько его ребята ни звали, сколько ни манили, продолжал оставаться в воде.

– Ладно, пускай плавает, – решил наконец Саша. – Приедет отец, попросим, он сетями Тюлешку словит. А то хуже как бы не сделать.

Дети сели на берег и стали ждать Степана Ивановича. Время тянулось томительно долго, и Коля боялся, как бы тюлень не уплыл. Но тот по-прежнему держался неподалёку от берега и, по-видимому, никуда не собирался уплывать.

Наконец издали послышался долгожданный стук моторки. Саша вскочил и, перепрыгивая с камня на камень, побежал к тому месту, где их высадили, а Коля остался караулить тюленя.

Не прошло и получаса, как показался бегущий обратно Сашка.

– Отец говорит, ничего не выйдет, – еле переводя дух, сказал он, подбегая к товарищу. – Только сеть на камнях порвём, а тюленя всё равно не поймать.

Этого Коля совсем не ожидал. Но, посмотрев на торчавшие из воды острые камни, понял, что Степан Иванович прав, и молча побрёл за Сашей.

Увидев печальные лица мальчиков, Степан Иванович засмеялся:

– Ну вот, опять носы повесили! Завтра приедем и придумаем, как вашего тюленя поймать, а пока

марш в лодку.

Ребята послушно сели в лодку, и моторка быстро пошла вперёд.

Когда они проезжали мимо того места, где оставили тюленя, то увидели, что он ещё там.

– Тюлешка! Тюлешка! – громко, во весь голос крикнул Коля.

Тюлешка быстро повернул к нему голову, но, видно, испугался моторки и нырнул. У Коли даже навернулись на глаза слёзы – так ему было жаль оставлять здесь Тюлешку.

Он отвернулся и стал смотреть в другую сторону.

– Коля, Коля, Тюлешка-то за нами плывёт... – вдруг услышал он над самым ухом порывистый шёпот товарища.

Коля быстро повернулся. И действительно, в каких-нибудь ста шагах от лодки плыл за ними тюлень. Он беспрестанно высовывался из воды и будто старался заглянуть в лодку.

– Да ты встань, встань, ишь как тебя выглядывает! – крикнул Степан Иванович сидевшему Коле.

Коля вскочил и стал звать тюленя. Тюлень перестал высовываться из воды и уже уверенно поплыл за лодкой. Ребята беспокоились, как бы он не отстал, но Степан Иванович, едва только замечал, что тюлень плывёт тише, тут же замедлял ход моторки, и тюлень опять догонял их.

Так они доплыли до самого залива. Лодка вошла в залив и уже приближалась к пристани, когда тюлень вдруг начал волноваться. Он то отставал, то догонял лодку, потом вдруг стал отплывать в сторону.

Напрасно кричал и звал его Коля, тюлень всё дальше и дальше удалялся от них. Степан Иванович уже хотел догонять его на лодке, но тут тюлень повернул, и все увидели, что он плывёт к берегу.

– Степан Иванович! Степан Иванович! Это он в бухточку, к дому плывёт, посмотрите! – взволнованно закричал Коля, показывая на тюленя.

И верно, теперь было ясно видно, что он плывёт именно к тому месту, где жил.

Степан Иванович направил лодку к пристани. Не успела она стукнуться о причал, как Саша и Коля выскочили на берег и бросились к бухточке.

Они ещё издали увидели Тюлешку. Он уже лежал на своём любимом камне и отдыхал.

Дружба

В то лето я поселилась у одного лесника. Изба у него стояла на полянке, окружённая лесом, и через усадьбу, журча по камешкам, бежал узкий ручеёк. Сам лесник Иван Петрович был ещё и охотник. В свободное от работы время он брал собаку, ружьё и отправлялся в лес. Собака у него была большая, сильная, с тёмной, почти чёрной спиной. Звали её Дагон. Во всей округе не было гончака лучше Дагона. И уж если возьмёт он след лисы, то, на какие бы хитрости плутовка ни пускалась, от Дагона ей не уйти.

Охотился Иван Петрович с Дагоном поздней осенью и зимой. А весной и летом, когда охота на лисиц запрещена, сажал его на цепь.

– А то набалуется, – говорил он.

Но мы с сыном лесника Петей всё же ослушались и, когда Иван Петрович однажды уехал в город, взяли Дагона с собой в лес. Он радостно мчался впереди, ко всему принюхиваясь, то исчезая среди деревьев, то появляясь вновь. Вдруг совсем рядом раздался его громкий, басистый голос. Я обернулась. Около большого старого пня лаял и прыгал Дагон. Он старался что-то достать из-под корней и даже от злости грыз зубами кору.

– Наверное, ёжика нашёл! – крикнул мне Петя. – Сейчас достанем!

Я схватила Дагона за ошейник и оттащила в сторону, а Петя взял палку и сунул под пень, чтобы вытащить ёжика. Но не успел он засунуть палку, как оттуда выскочил маленький серый зверёк и бросился бежать.

– Лисёнок! Лисёнок! – не своим голосом завопил Петя, кидаясь за ним.

Лисёнок был маленький и неопытный. Он метался под самыми ногами мальчика, но Петя никак не мог его поймать. Я тоже не могла ему помочь, так как еле удерживала Дагона, который так и рвался к зверьку. Наконец зверёк пойман, и мы, счастливые, возвращаемся домой.

Дома Петина мать пробовала возражать против нашей находки, но Петя так упрашивал, что Прасковья Дмитриевна наконец согласилась.

– Ладно уж, держи, только отец всё равно не позволит, – в заключение сказала она.

Но отец разрешил, и лисёнок остался. Первым делом Петя притащил из сарая ящик, и мы принялись за устройство клетки. Одну сторону затянули сеткой, прорезали дверцу, а когда всё было готово, постелили туда солому и пустили лисёнка. Маленький пленник сразу спрятался в самый тёмный угол ящика и отказался от предложенного ему мяса.

Весь остаток дня лисёнок просидел в углу, а когда наступила ночь, начал скулить, тявкать и так царапал лапками сетку, что даже сорвал себе палец. Петя очень огорчился, увидев утром раненую лапку лисёнка, но мы его утешили, сказав, что зато лисёнок меченый и если уйдёт, то сразу узнаем по

следу.

Следующие дни мы только и делали, что пытались приручить маленького дикаря. Однако все наши старания были тщетны. Едва кто-нибудь подходил к клетке, как он тут же забивался в свой угол и сердито ворчал. Дагона это время мы с цепи не спускали. Ведь он мог разорвать тонкую сетку ящика и загрызть лисёнка.

Но как-то, сидя с Петей на крыльце, мы вдруг услышали звон цепи, обернулись и, к своему ужасу, увидели Дагона. Он сорвался с привязи и теперь направлялся прямо к лисёнку.

– Дагон, назад! Дагон! – закричала я, бросаясь к нему.

Но было поздно. Дагон уже стоял около клетки. Шерсть у него поднялась дыбом, и он, злобно рыча, уже готов был броситься на малыша. Но лисёнок, вместо того чтобы спрятаться от огромной злой собаки, вдруг заскулил и пополз, к ней навстречу. Он вилял хвостом, лез чуть ли не в самую пасть собаки и всё старался её лизнуть.

Такой приём, по-видимому, смутил и самого Дагона. Стоявшая дыбом шерсть легла, и уже без всякой злобы он старался обнюхать через сетку скулившего малыша. Потом завилял хвостом и лизнул зверька...

С этого дня между собакой и лисёнком завязалась дружба. Как только спускали Дагона с цепи, он прежде всего бежал к своему новому другу. И вот – один за решёткой, а другой на свободе – затевали они игру. Лисёнок хватал в зубы какую-нибудь косточку или соломинку, бегал по ящику и всем своим видом приглашал собаку поиграть. А Дагон, словно щенок, прыгал около ящика и лаял. Но лай у него был теперь не сердитый, и лисёнок его не боялся. Нам с Петей очень нравилась такая дружба. Мы даже не огорчались, что зверёк по-прежнему нас дичился и никак не привыкал.

Впрочем, мы и сами больше не пытались его приручать, так как решили, когда наш пленник подрастёт, выпустить его на свободу.

К концу лета лисёнок не только вырос, но и изменился. Мордочка у него заострилась, хвост вытянулся, шерсть стала рыжая, совсем как у взрослой лисы. Он по-прежнему дружил с Дагоном, но прыгать и играть в ящике уже не мог. Лисёнок стал такой большой, что в старом помещении ему было тесно.

– А что, если его выпустить в лес теперь? – предложила я как-то Пете. – Он уже вырос и, пожалуй, сумеет раздобыть себе еду.

Петя сразу согласился, и тут же, не откладывая дела, мы пустили к нему последний раз Дагона. Потом посадили собаку на цепь, а ящик вместе с лисёнком отнесли к лесу. Поставили, открыли дверцу и отошли в сторону.

Увидев открытую дверцу, лисёнок подошёл к самому её краю, высунул голову и начал оглядываться. Затем осторожно ступил на траву и вдруг как-то скачками бросился в лес. Раза два мы видели, как он мелькнул среди деревьев и скрылся в кустах.

Нам даже стало жалко, что лисёнок ушёл. Мы долго смотрели в ту сторону, где он исчез, а потом Петя грустно вздохнул и, проходя мимо Дагона, сказал:

– Ну, вот и ушёл твой дружок.

Не знаю, скучал ли Дагон без своего друга, или нам это казалось, только и в этот и в следующий день он всё лежал и плохо ел.

Нам тоже было скучно без лисёнка. Мы с Петей даже специально ходили в лес и всё смотрели: не покажется ли он где случайно. Но сколько ни ходили, сколько ни смотрели, лисёнка так и не видели.

Прошла осень, наступила зима. За это время Иван Петрович много раз бывал с Дагоном на охоте. И не было случая, чтобы он возвращался домой без добычи: то у пояса висел убитый заяц, то свисала с плеча красавица лисица.

Увидев убитую лису, Петя первым делом бросался к ней, чтобы посмотреть лапу. Он всё боялся, как бы не убили лисёнка.

– Папа, – каждый раз спрашивал он отца, – а если Дагон на воле встретит нашу лису, тронет он её или нет? Ведь они дружили.

– Мало что дружили, – отвечал лесник. – Разве у собаки со зверем может дружба быть? Пока в доме жила, вроде как своя, а ушла в лес – тут уж не попадайся.

– А ты, папа, всё-таки на след поглядывай, – не унимался Петя. – Если увидишь – на правой лапе пальца нет, значит, наша, не стреляй.

Петя был твёрдо уверен, что Дагон своего лисёнка не тронет. Он беспокоился только о том, как бы его не подстрелил отец.

Однако лиса с приметной лапой не попадалась. Очевидно, она ушла в другой лес, и Петя успокоился. Но вот однажды, уже к концу зимы, когда Иван Петрович шёл с Дагоном на охоту, тот вдруг поднял лису. Иван Петрович сразу догадался, что это не заяц. Если Дагон гнал зайца, он лаял часто, заливисто, а если лису, то редко и злобно.

Лиса, видно, попала не очень опытная. Она шла почти по ровному кругу, и Иван Петрович, примерно определив, где должен пройти зверь, поспешил ему наперерез.

Но что это? Почему Дагон внезапно смолк? Лесник забеспокоился. Быть может, собаку перехватил

волк, это тоже случается. И он почти бегом направился в ту сторону, откуда последний раз слышался голос собаки. Он не прошёл и двухсот шагов, как наткнулся на след собаки и лисы. Следы шли через овражек и уходили дальше в мелкий кустарник, откуда доносился чей-то визг.

«Лиса визжит», – сразу догадался Иван Петрович, перепрыгнул овражек, раздвинул кусты и остолбенел... На небольшой лесной полянке стоял Дагон, а перед ним, визжа и виляя хвостом, ползала лиса и всё старалась лизнуть в морду собаку.

Иван Петрович медленно стал поднимать ру-Лиса насторожилась. Очевидно, она почуяла человека. Перестала ласкаться и медленно, как-то нерешительно направилась к лесу.

Дагон завилял хвостом и побежал рядом с ней. Побоявшись подстрелить собаку, Иван Петрович крикнул Дагона.

Дагон остановился, а лиса, услышав голос человека, бросилась прыжками через поляну.

Иван Петрович уже готов был спустить курок, но тут, вдруг что-то вспомнив, он опустил ружьё, подошёл к тому месту, где только что стояла лисица, и стал разглядывать оставленные ею следы. След от правой передней лапы был не такой, как все. На ней не хватало одного пальца, и это хорошо было видно на свежем, чистом снегу. Иван Петрович выпрямился и подозвал Дагона. Виновато виляя хвостом и опустив голову, подошёл к своему хозяину Дагон. Он подошёл и остановился, ожидая заслуженного наказания. Но Иван Петрович не наказал Дагона. Он ласково погладил его по голове, свистнул и пошёл домой.

Это был первый случай, когда Иван Петрович вернулся домой без добычи.

Увидев отца с пустой сумкой, Петя удивился. Но когда Иван Петрович рассказал ему, как Дагон встретил знакомую лису, как погнал её, а потом узнал и не тронул, Петя сказал:

– Вот видишь, папа, ты был не прав: значит, собака со зверем тоже дружить может.

И Иван Петрович должен был согласиться, что он действительно был не прав.

Воробыиная наука

Однажды у нас на даче, под карнизом террасы, поселились два воробья. В большую щель, которая образовалась в доске, они старательно таскали перышки, подобранные где-то кусочки ваты, пух, соломинки и вообще всё, что годилось для постройки гнезда. Вскоре из воробьиного жилья послышался громкий писк птенцов. Они начинали пищать каждый раз, когда прилетали с кормом родители, а так как те кормили своё прожорливое потомство непрерывно в течение всего дня, то до самого вечера и слышался писк из гнезда.

В этот год я жила на даче одна, и с шумливыми птенцами было как-то веселее. Сколько было за карнизом воробьят, я не знала, но шумели они основательно. Судя по писку, гнездо находилось в стороне от лаза, и, несмотря на все мои старания, увидеть птенцов я никак не могла.

Увидела я своих пернатых соседей лишь после того, как они достаточно подросли, полностью оперились и начали сами выглядывать из гнезда. Скандалья и отталкивая друг друга, тянулись они навстречу родителям, жадно открывая свои клювы. И забавно было смотреть, как подлетевший воробей, кое-как уцепившись за краешек доски, сразу не мог решить, в какой из широко открытых клювиков надо сунуть мошку или гусеницу. Да, нелегко в это время приходилось воробьям!

Но вот настала пора вылетать птенцам из гнезда. Меня очень интересовало, как же это они проделают в первый раз? Как будут эти несмышлёныши овладевать воробьиной наукой и как будут их учить уму-разуму родители? Поэтому целые дни я буквально не спускала глаз с воробьиного семейства. И всё-таки за вылетом первых птенцов из гнезда я не уследила. Лишь последний, очевидно самый ленивый или трусишка, ещё продолжал сидеть на самом краю карниза, готовый вот-вот слететь, и никак не мог на это решиться. Громким криком он призывал родителей, прося у них еду, а они, занятые уже вылетевшими птенцами, не обращали на него внимания. Впрочем, нет, время от времени они к нему подлетали с полным клювом лакомых гусениц, но корм не давали, а старательно пытались выманить трусишку за собой. Они то подлетали к птенцу, то садились на ближнюю ветку и всем своим видом показывали, что кормить лентяя в гнезде не намерены.

Наконец голодный воробьишка не выдержал. Взобрался на самый-самый край карниза, неловко взмахнул крылышками и... камушком упал вниз. Он сидел на земле испуганный и растерянный своим неожиданным полётом, похожим скорее на падение. Но к птенцу тут же подлетела воробьишка, села рядом с ним, и птенец сразу успокоился. Потом, очевидно вспомнив, что голоден, он вдруг затрепыхал крыльями, широко раскрыл клюв и потянулся к воробьишке. Сунув в раскрытый клюв птенца еду, та взлетела на дерево, а воробьишка остался на земле. Он сидел в траве и старательно перекликался с матерью. Она ему с дерева чирикнет, он с земли ответит.

«Что они говорят?» – подумала я и, дождавшись, когда воробьишка улетела за едой, стала осторожно подходить к птенцу. А он, глупый, сидел, чирикал и совсем не обращал на меня внимания, – видно, родители ещё не успели его научить опасаться людей. Я подошла к нему совсем близко, встала рядом, протянула руку, а птенец всё сидел и чирикал. Тут вдруг подлетела мать. Увидев около птенца

человека, она всполошилась, заметалась, затрещала, да так тревожно! Нетрудно было догадаться, что это она меня старается от птенца отвести, а его об опасности предупреждает.

Смотрю, и птенец сразу чирикать перестал. Затаился в траве, не шелохнётся, только глаза-бусинки поблёскивают. Хотела я его взять, нагнулась, да раздумала – зачем пугать малыша! Отошла я в сторону, села на скамейку и гляжу, что же он дальше делать будет. А малыш по-прежнему затаился и голоса не подаёт – наверное, ждёт, когда ему мать разрешит.

Долго он так сидел, а я делала вид, будто в другую сторону гляжу, а сама незаметно за воробьями наблюдала. Воробьях сначала волновалась, кричала, а потом, увидев, что опасность её птенцу не грозит, сразу поведение изменила. Сперва замолчала, потом немного по веткам попрыгала, потом чуть ниже спустилась и совсем другим голосом что-то чирикнула. Птенец встрепенулся. Тут же ей ответил, а мать уже на самую нижнюю ветку слетела, чирикает, за собой несмышлёныша птенца манит. Только он к ней, она на другую ветку, что повыше, перелетит... ещё повыше... ещё на другую... Так и увела за собой птенца.

Отвела от меня подальше, и снова: она чирикнет – он ответит, она чирикнет – он ответит.

Интересно мне стало, как теперь, после полученного урока, поведёт себя птенец, если я к нему подойду. Дождалась, когда воробьях улетела, и снова пошла к птенцу. Так же осторожно, так же тихо ступала, только на этот раз он уже меня к себе не подпустил, сразу замолчал и повыше перепорхнул, да так затаился среди густой листвы дерева, что не скоро и разглядишь. Хоть и мал птенец, а, видно, пошла ему впрок воробьиная наука.

Тревога

О том, что две маленькие серые птицы избрали для своего гнезда самый дальний уголок сада, София Петровна догадалась сразу. Впрочем, догадаться было совсем не трудно, наблюдая, как птицы старательно тащили туда какие-то пушинки, перышки, пучки тонких сухих травинков.

Место они выбрали удачное. Оно находилось между густыми зарослями малины и высоким забором. Забор здесь граничил со старым, заброшенным переулком. Он густо зарос крапивой, и по нему уже давно никто не ходил, лишь иногда можно было увидеть случайно пробежавшую собаку или бродившую кошку.

София Петровна тоже старалась не беспокоить птиц и не ходить в занятый ими кусочек сада, откуда то и дело слышалось их незатейливое, мелодичное пение. Потом в уютно сплетённом гнёздышке появились четыре маленьких, хрупких яичка. Птицы заботливо их высиживали и охраняли от возможных врагов. Ведь любая кошка или такие птицы, как ворона и сорока, были не прочь полакомиться и яйцами и птенцами.

Непогода и та могла обернуться птицам бедою: ливневые дожди или сильный ветер клонили куст к самой земле, грозя погубить хрупкие яички. И всегда, когда бы ни взглянуть, кто-нибудь из родителей сидел на гнезде, тщательно его закрывая крылышками.

Но вот у пернатых новосёлов появились птенцы. Об этом событии София Петровна тоже догадалась по поведению птиц. Теперь уже не слышно их беззаботных песенок. Обе пичуги только и были заняты тем, чтобы накормить своё ненасытное потомство. С полным клювом каких-то мошек, гусениц они то и дело ныряли в малину, и оттуда слышался громкий писк птенцов.

Случалось, что за забором, вблизи гнезда, кто-нибудь появлялся. Ну и шум поднимали тогда птицы! Они воинственно прыгали по кустам, по деревьям и так кричали, что София Петровна сразу догадывалась, что её пернатым любимцам грозит опасность. Она бросала все дела и торопливо спешила им на помощь. И надо сказать, что с её появлением птицы тут же успокаивались, как бы давая этим понять, что самой Софии Петровне они вполне доверяют. Впрочем, не только эти две птицы считали Софию Петровну своим защитником и другом. Так же доверчиво относились к ней живущие под застрехой дома шумливые воробьи и все три пары скворцов, заселившие развешанные на деревьях дуплянки. Чаще всего тревога была напрасной, но случалось и иначе.

Однажды София Петровна, отдыхая на террасе, вдруг услышала тревожные голоса птах.

«Ишь раскричались! Ишь шум подняли!» – подумала София Петровна, не желая расставаться с интересной книгой. Однако птицы подняли шум, по-видимому, совсем не зря.

Судя по их крикам, опасность явно нарастала. Всё к более и более отчаянным «пью-пью-пью» теперь присоединились крики воробьев, в общий переполох включились и скворцы. Все летали, кричали, метались. Тревога охватила всё пернатое население сада, и трудно было определить, откуда надвигается опасность. Нет, это не кто-то случайно зашедший в заброшенный переулок встревожил птиц! София Петровна торопливо вышла в сад, тщетно пытаясь разобраться в птичьей гаме, не зная, куда идти. Но тут с отчаянным криком к ней подлетела скворчиха. Она метнулась к Софии Петровне, к забору, опять к Софии Петровне... Ага, вон где опасность! Надо торопиться! София Петровна, подхватив со скамейки большую банку из-под консервов, поспешила к месту тревоги.

Поспела она вовремя. Среди малины, там, где находилось гнездо с птенцами, она сразу разглядела бело-чёрную спину огромного соседского кота. Разбойник подкрался почти к самому гнезду. Он уже был готов зацепить своей когтистой лапой притихших от страха птенцов. Надо было действовать скорее!.. Немедленно!!! София Петровна закричала, засвистела и, с силой размахнувшись, запустила в кота консервной банкой. Банка ударилась о забор, зазвенела, бухнула, и перепуганный кот, забыв о птенцах, огромными прыжками умчался прочь.

Мир и покой вернулись в сад. Успокоились две серые маленькие птахи, разлетелись воробьи, вернулись к своим родительским обязанностям скворцы. Все занялись своими делами, в том числе и София Петровна. Тревога окончилась.

Как хорошо!

Люда позвонила очень рано:

– Мама, я получила подарок и не знаю, что с ним делать!

– То есть как не знаешь? – удивилась я.

– Видишь ли... даже не знаю, как сказать... Понимаешь, мне подарили цыплят...

– Цыплят?! – ещё больше удивилась я. – Да кто же зимой дарит цыплят и как ты намерена с ними поступить?

– Сама не знаю... – громко вздохнула в трубку Люда. – А что, если... если я подарю их тебе?

– Мне?! – возмутилась я. – Твои друзья наградили тебя зимой цыплятами, а ты собираешься подарить их мне! Нет уж, уволь от такого подарка!

Люда молчала, и я ехидно добавила:

– Гм, интересно, сколько же штук они тебе преподнесли?

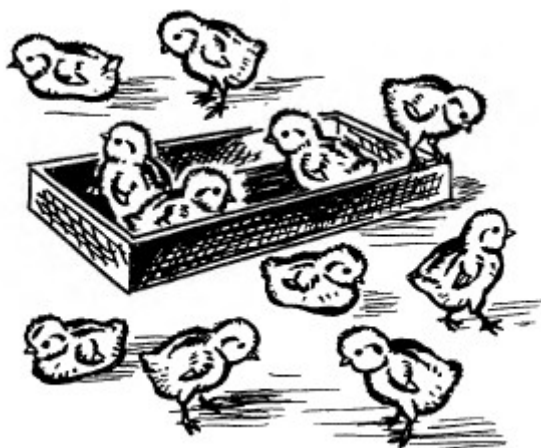
– Что-то около десяти, – робко ответила Люда.

– Вот и сиди со своими «около десяти». Да, кстати, не забудь их накормить, – напомнила я. – Свари рассыпчатую пшённую кашу, мелко наруби крутое яйцо. – И, ещё раз подтвердив, что брать цыплят не собираюсь, повесила трубку.

И всё-таки в этот же день коробка, полная маленьких пуховых комочков, переселилась ко мне. Их оказалось двадцать.

– Ты же говорила, что цыплят около десяти! – строго сказала я.

Но Люда, пробормотав, что столько, наверное, выживет, поторопилась уйти. Ей казалось, это самый верный способ избавиться от моих наравоучений.

Впрочем, я и сама думала, что из этих маленьких, нежных комочков вряд ли кто останется жив. Ведь они так много путешествовали в этот морозный февральский день, да ещё в такой холодной коробке.

Однако живыми остались все. Все до одного. Сначала я их поместила в фанерном ящике из-под посылки, но очень скоро им стало там тесно. Стоило мне снять крышку, как они тут же вспархивали на край ящика, махали крылышками и старались удрать, порезвиться на просторе.

Пришлось им отгородить часть кухни, потом часть комнаты. А чтобы не перелетали загородку, верх затянули сеткой. С цыплятами было ужасно много хлопот: то напои, то накорми, то убери. Убирать

приходилось буквально каждый час, и это не считая других забот. Ведь чтобы малыши правильно росли и развивались, их надо было разнообразно и правильно кормить. Цыплятам нужна была трава, угли, ракушки, а где это взять зимой? Правда, с травой было легче: я сеяла её в ящиках и ими были заставлены все окна нашей квартиры. А вот с ракушками гораздо труднее: их приходилось добывать из песка, который лежал замёрзшей кучей в нашем дворе. Сначала песок разбивался ломом, потом

оттаивался, потом сушился и только после всего этого просеивался, и получалась лишь небольшая горсть ракушек. Но самое страшное случалось, если пернатым сорванцам удавалось удрать из отгороженной части комнаты. Немало приходилось потрудиться, прежде чем водворить их на место и навести в комнате порядок.

Помню, однажды мне надо было отлучиться из дома на весь день. Я приготовила цыплятам еду, разделила её на несколько порций и попросила нашу соседку Любовь Ивановну их накормить.

– Только осторожней еду ставьте, чтобы не выскочили, – на всякий случай предупредила я.

– Не волнуйтесь, Вера Васильевна! Небось цыплята не звери, уж как-нибудь справлюсь, – сказала Любовь Ивановна, принимая от меня посуду с кормом для цыплят.

Ушла я спокойно.

Пришла домой уже вечером. Открыла дверь и понять ничего не могу: посредине комнаты на стуле сидит Любовь Ивановна и плачет, а кругом творится что-то несусветное. Все двадцать цыплят по квартире разгуливают – кто на гардеробе, кто на кровати, словно в песке, роется, кто на столе закусывает. А на ковре, на полу – везде, где только доступно, цыплята постарались оставить свои «визитные карточки»! Это не считая разбитой хрустальной вазы да обклеванных и обломанных цветов.

После такого происшествия я еле квартиру отмыла, а Любовь Ивановна ещё долго этот случай вспоминала:

– И надо же, я чуть краешек сетки приоткрыла, чтобы кашу им поставить, отвернулась за миской, а они уже в комнате...

Из-за цыплят всей нашей семье пришлось переехать на дачу не в июне, как всегда, а в начале мая. Здесь я сразу выпустила цыплят в просторный загон, который специально для них отгородили. Вот когда для них наступило настоящее раздолье! С раннего утра до самого вечера они то купались в песке, то дрались, то бегали друг за другом. Теперь, когда все трудности остались позади, и я, и муж, и внучка мечтали о том, как из цыплят вырастут куры и как будут они нестись. Я даже заранее подготовила гнёзда: пусть к ним пока привыкают. Но, увы, нашим мечтам и надеждам не пришлось сбыться: из всех цыплят оказалась лишь одна курочка. Одна-единственная, а остальные петухи. Девятнадцать петухов с большими красными гребнями. Девятнадцать горлопанов и драчунов.

Мы просто не знали, что с ними делать. Целые дни петухи дрались, таскали друг друга за гребни, дружно перелетали через изгородь и так же дружно перекапывали засеянные грядки и портили клумбы с цветами. А уж если случайно забудешь закрыть дверь на террасу, то пеняй на себя. Мигом очутятся там, всё перевернут, всюду побывают; сколько раз, бывало, оставляли нас без обеда.

Вдобавок ко всему они ещё стали клеваться. Правда, меня они знали и не трогали, зато Марининым друзьям, которые приходили к ней поиграть, не давали прохода – так и норовят клюнуть. Только и слышишь весь день, как Марина кричит:

– Бабушка, проводи Машу!..

– Бабушка, дай йоду – петух клюнул Колю!..

– Бабушка, помоги Кате!

Вот и бегаешь, петухов гоняешь; совсем с ног сбилась. Конечно, мы давно могли бы от них избавиться, но останавливал нас один петух. Все кричали своё обычное петушиное «ку-ку-ре-ку-у-у!», а он один словно выговаривал: «Как хо-ро-шо-о-о!» Да так звонко, так красиво, что просто заслушаешься. Особенно красиво звучал его голос по утрам, на зорьке, когда солнце золотит росу, а воздух напоён запахом трав и цветов. Тут, как пропоёт он своё «как хо-ро-шо-о-о!», не пожалеешь, что рано встал и не выспался.

И не только мы или наши знакомые, даже незнакомые люди этого петуха заслушивались и говорили:

– Вам обязательно его сохранить надо.

А наша соседка баба Ганя, та просто сказала:

– Девятый десяток живу, а такого не слыхивала. Хошь продай, хошь отдай, а губить не смей!

Губить такого петуха нам тоже не хотелось, а бабу Ганю мы любили, уважали и были рады подарить ей нашего певца. Но как это сделать? Как найти его? Как узнать среди девятнадцати петухов того, который так интересно поёт? Тем временем приближался день переезда в город, и певец по-прежнему оставался неизвестным.

Думали, гадали и наконец пришли к выводу, что таинственный певец, наверное, тот красивый большой и самый сильный петух, который всегда ходил с нашей единственной курочкой и старательно угощал её то найденным зёрнышком, то червяком. Остальные петухи тоже пробовали ухаживать за курочкой, но красавец быстро их отвадил, а после нескольких схваток они уже держались поодаль.

Не знаю, почему мы решили, что неизвестный певец именно он, во всяком случае, так хотелось думать всем, так думала и баба Ганя.

За петухом баба Ганя пришла за несколько дней до нашего отъезда. Последний раз мы любовались красивой парочкой, а петух, словно красуясь, выпятив грудь и заботливо кокая, вышагивал рядом со своей избранницей.

– Не иначе как он и есть тот самый певун, – любовалась петухом баба Ганя. – Ишь как выхаживает, и грудь колесом, это всё от храбрости да от голоса...

И вдруг камнем откуда-то ястреб. Миг... и нет ни одного петуха, словно пух разлетелись. Нет и нашего красавца, только хвост мелькнул в кустах. А курочка уже бьётся под хищником, кричит... И тут... тут из этой перепуганной петушиной стаи вдруг вырвался ничем не приметный белый петушок. Вихрем налетел он на ястреба! Сбил грудью... клюёт... Полетели в разные стороны серые ястребиные перья, смешались с белыми...

Не знаю, чем бы кончился этот неравный бой, если бы не баба Ганя. Она опомнилась первой.

– Кши, кши, проклятый! – завопила она и, грозно размахивая корзиной, бросилась на помощь петуху. Увидев столь внушительную подмогу, серый разбойник поспешно взмыл кверху, а маленький храбрец встряхнулся, оправил свои растрёпанные в борьбе перья, потом захлопал крыльями и громко, во весь голос прокричал: «Как хо-ро-шо-о-о!»

Да так звонко прокричал, что мы только диву дались, как красиво он выговаривал эти хорошие слова.

Хромка

Наступило лето. Яблоки на деревьях были ещё совсем зелёные. А вот клубника уже начала поспевать. То там, то здесь виднелись на грядках порозовевшие ягоды, и Марина каждый день ходила их смотреть. Уж очень ей не терпелось скорей полакомиться вкусной клубникой.

Первыми созрели те ягоды, которые росли на самом припёке.

Они аппетитно краснели среди зелёных листьев и казались особенно вкусными.

Марина хотела их сорвать, но я уговорила подождать до утра: пусть ещё дозреют.

Утром Марина встала пораньше, взяла корзинку и отправилась в сад.

Подошла к грядкам и вдруг с удивлением остановилась: все зрелые ягоды были кем-то объедены. От обиды Марина чуть не расплакалась.

– Нечего из-за пустяков расстраиваться, – стала утешать я внуку. – Завтра другие поспеют, вот и соберёшь!

На другой день Марина встала ещё раньше, а ягоды опять объедены. Так и повелось.

Пока клубника розовая, никто её не трогает, а как созреет – вся в дырочках, будто её клевал кто, но кто, мы никак не могли догадаться. Сначала думали, что это проделки воробьев. Чтобы их отпугнуть, поставили на гряды чучело.

Туловище ему сделали из старого пиджака, а вместо головы нахлобучили кепку. Ну совсем будто живой человек стоит, а для пущего страха к рукам пиджака подвесили тряпки. Они от ветра шевелились, и воробьи даже близко к грядкам не подлетали, а клубника всё равно объедена.

Стали следить и скоро настоящих воров обнаружили. Ими оказались совсем не воробьи, а слизняки.

Лето было дождливое, сырое, и слизняков развелось очень много. Пробовали мы их собирать, но они появлялись на грядках ночью, и в темноте их никак не разглядишь.

Так бы, наверное, и остались без ягод, если бы не объявился у нас вскоре помощник. А помощником этим оказалась самая обыкновенная серая жаба.

Появилась она в нашем саду незванно-негаданно. Пошли мы с Мариной за водой, открыли калитку, смотрим – жаба.

Она сидела около самого порога калитки, и так близко, что Марина едва на неё не наступила. А жаба даже не посторонилась, глаза выпучила и дороги не уступает. Марина испугалась: уж очень жаба показалась ей страшной. Спряталась она за меня и говорит:

– Фу, какая противная! Не пускай её в сад, бабушка.

– Почему не пускать? – спросила я. – Жаба не виновата, что с виду такая некрасивая. Зато она полезная. Пусть заходит, ведь она не только гусеницами, она и слизняками питается, вот и будет их собирать. – С этими словами я открыла шире калитку и отошла в сторону.

Жаба словно поняла приглашение. Она не торопясь перелезла через низкий порожек и неуклюже заковыляла в сторону нашего дома. Там под крыльцом она и поселилась.

Марина первое время жабу боялась. Ещё бы, она была такая некрасивая! Глаза выпученные, кожа вся в бугорках, будто в бородавках. А вдруг дотронешься до неё – и у самой бородавки вырастут! Но когда я узнала о Марининых опасениях, то только

рассмеялась: ведь это всё выдумки, от жаб никаких бородавок не бывает.

В доказательство я поймала жабу и долго держала в руках. Бородавки у меня не выросли, но Марина всё равно боялась её трогать.

Как я и ожидала, жаба оказалась отличной помощницей. Теперь нам уже не приходилось мучиться и собирать слизняков. Жаба отлично справлялась с ними и без нашей помощи.

Она охотилась за слизняками так старательно, что уже через несколько дней Марина начала собирать вкусные, наливные ягоды.

На свою работу жаба выходила всегда под вечер. Едва начинало смеркаться, как она вылезала из-под крыльца. Некоторое время бродила возле дома, а потом отправлялась за добычей в сад или в огород. К такому распорядку нашей помощницы мы уже привыкли и вечерами всегда глядели под ноги. Ведь жаба совсем нас не боялась. Она знала, что её здесь никто не обидит, смело сидела на дорожке и даже не сторонилась, если рядом проходил человек. Поэтому, когда темнело, мы были особенно внимательны, чтобы случайно на неё не наступить.

И всё же такая беда случилась. Однажды к нам на дачу приехали знакомые. Мы забыли их предупредить, кто-то из гостей вышел вечером в сад и нечаянно придавил нашей жабе лапку.

С большим трудом добралась она до крыльца, здесь её утром и увидела Марина.

Забыв, что боялась трогать её скользкую бородавочную кожу, Марина схватила жабу на руки, прижала к себе и, называя «красивой, милой и дорогой жабочкой», побежала ко мне.

Мы тут же осмотрели больную лапку. Ссадин на ней не было, но сама лапка была как-то вывернута, и пришлось её забинтовать. Всё это время жаба спокойно сидела на руках у Марины, будто понимая, что мы хотим ей помочь. Потом мы отгородили на террасе угол и пустили туда жабу: пусть поживёт пока здесь, ведь не могла она с больной лапой добывать себе еду.

Хромка, как мы стали называть жабу, отнеслась к своему плену спокойно. Она даже не пыталась перелезть через доски, которыми её отгородили. Зато теперь мы могли сами убедиться, как много она ела.

Мы только и делали, что целые дни добывали для нашей больной то гусениц, то слизняков... Да, досталось нам это время! Ещё хорошо, что наша больная скоро поправилась.

Правда, лапка у Хромки так и осталась немного кривая, но она уже на неё довольно хорошо наступала.

Когда мы Хромку выпустили, она, вместо того чтобы идти за добычей на огород, в первый же вечер заявила к нам в дом. Видно, за время болезни она успела привыкнуть получать еду из рук и это ей понравилось больше, чем добывать пищу самостоятельно. Больная лапка ей очень мешала взбираться по крутым ступенькам террасы. Этот путь она проделывала с большим трудом, но всё-таки приходила. Марина каждый раз угощала её большой, жирной гусеницей. Хромка брала угощение прямо из рук Марины и только после этого отправлялась в сад на охоту.

Мы уже привыкли к таким каждодневным посещениям, но вот однажды Хромка не пришла. Сначала мы её ждали; когда же прошло несколько дней, а она всё не появлялась, пошли её искать. Вместе с Мариной обыскали весь сад. Оторвали доски ступенек и лазали под крыльцо, разобрали поленницу дров, а Хромку так и не нашли. Марина пролиwała горькие слёзы, я ей предлагала взять другую жабу, но она даже не хотела слушать, и я не знала, чем ей помочь.

Прошла неделя. Мы уже потеряли надежду увидеть Хромку, когда неожиданно она нашлась. Нашли мы её в большой глубокой яме около нашего сада.

Эту яму вырыли недавно, для электрического столба, вот в неё-то и попала наша Хромка. Выбраться из глубокой ямы, да ещё с больной лапкой, она не смогла. К тому же в эти дни прошёл сильный дождь и в яму натекло много воды. Бедняга сидела на маленьком выступе, еле уцепившись за него лапками, и тоненько, жалобно кричала. Вот этот писк мы и услышали. Думали, что в яму попал котёнок, поспешили к нему на помощь, а это оказалась Хромка. Мы её сразу узнали по кривой лапке. Я хотела достать беднягу, но никак не могла дотянуться до неё рукой. Тогда Марина побежала домой и мигом вернулась с сачком, которым она ловила бабочек. Я осторожно подцепила им Хромку, вытащила и понесла домой.

Наверное, Хромка была очень измучена. Во всяком случае, когда Марина принесла ей гусениц, она не стала их есть и сразу заковыляла на своё место под крыльцо. Целых два дня отдыхала Хромка, а потом опять, как и раньше, с наступлением сумерек отправлялась в сад, в огород и наведывалась к нам в гости, неуклюже взбираясь по ступенькам.

Она навещала нас каждый вечер, до самой осени, а осенью, когда настало время холодных ночей и всем жабам пришла пора ложиться в зимнюю спячку, наша Хромка опять пропала.

Однако на этот раз мы её не искали. Мы знали, что Хромка тоже ушла в своё убежище под крыльцом и уснула до тёплых весенних дней.

Испорченный отпуск

Познакомилась я с Бобиком в небольшом южном городке, куда приехала отдохнуть на время своего

отпуска. Бобик – это собака, но не подумайте, что он какой-нибудь породистый пёс. Совсем нет. Бобик – просто дворняжка, и притом очень некрасивая: лапки короткие, хвост крючком, а сам такой лохматый, что даже глаз и ушей не видно.

С Бобиком мы подружились сразу. Он подошёл ко мне и стал обнюхивать мои ноги; хозяйка стала его отгонять. Она боялась, что Бобик меня укусит и я не сниму у неё комнату.

Но Бобик меня не укусил, и комнату я сняла. Когда, устроившись на новом месте, я села пить чай, Бобик пожаловал ко мне в гости. Он остановился возле порога и глазами спрашивал: можно войти или нет? Я сказала: «Можно». Бобик подошёл к столу, и я угостила его сахаром. Бобик сахар съел, потом завилял хвостом и лизнул мне руку. Я поняла: это означало «спасибо».

На другой день я пошла к морю. Море было не очень-то близко, но мне хотелось прогуляться и посмотреть окрестности. Бобик пошёл меня провожать, и нужно сказать, что я даже обрадовалась такой любезности с его стороны. Идти с собакой было как-то веселее.

Мой новый приятель бежал то впереди меня, то сзади и всё время следил, чтобы я не потерялась. Так мы дошли до моря.

Потом, когда я вошла в воду и стала купаться, Бобик всё это время семенил по берегу на своих коротких лапках и смотрел, как бы я не утонула.

После купания мы пошли домой; по дороге зашли в кафе, и я купила два бутерброда: один – себе, другой – Бобику.

Видимо, такая прогулка понравилась собаке. Во всяком случае, на следующий день он опять отправился со мною. Однако на этот раз мой спутник не только следил, чтобы я не утонула, но ещё смотрел и за тем, как бы кто из отдыхающих на берегу людей не прельстился моей одеждой. Он то бежал по мелководью и беспокойно высматривал меня, то возвращался к вещам и с мокрыми лапами усаживался на одежду. Легко представить, во что она превратилась. Пришлось идти домой в таком мятом платье, что своим видом я невольно вызывала удивлённые взгляды прохожих. А Бобик, очень довольный, бежал впереди, старательно указывая дорогу.

Зато у меня от такой «прогулки» настроение порядком испортилось, а тут ещё хозяйка, вчера такая милая и приветливая, сегодня встретила меня суровым взглядом. Потом я слышала, как она жаловалась мужу, что сдавала комнату, а не собаку. Собаке положено сторожить дом, а не разгуливать с квартирантами.

В душе я была совершенно согласна с хозяйкой. Однако Бобик, по-видимому, думал иначе и в следующий же раз опять изъявил желание меня проводить. Правда, я сделала попытку от него освободиться, но из этого ничего не вышло. Он совершенно спокойно остался за калиткой, которую я захлопнула перед самым его носом, и тут же догнал на улице. Наверное, ему казалось, что отпускать меня без сопровождения в незнакомом городе ещё рановато. Он деловито побежал впереди, изредка оглядываясь, следуя ли я за ним.

Такое опекуновство меня совсем не устраивало, мне хотелось искупаться в море, пожариться на солнышке, а не спешить домой в мятом, грязном платье. Нет, хватит! Меня не надо спасать из моря, не надо караулить одежду, и я больше не дам превращать своё нарядное платье в тряпку! Мне необходимо освободиться от четвероногого спутника. Освободиться теперь же, немедленно! Но как? Ища выход из создавшегося положения, я беспомощно оглядывалась по сторонам. Мой взгляд невольно остановился на большом сером здании. «Кинотеатр „Авангард“, – прочла я. Вот где спасение!

Всё было предельно просто: я пойду в кино, собаку туда не пустят, и Бобик будет вынужден уйти домой.

Нужно было видеть, как разволновался мой провожатый, когда заметил, что я иду не в ту сторону, куда хотелось ему. Он забегал вперёд, прыгал, загораживал мне дорогу и всеми доступными для него способами пытался меня направить на истинный путь – к морю или хотя бы в кафе. Затем, убедившись, что я окончательно вышла из повиновения, недовольно поплёлся сзади.

В кино было невыносимо жарко и душно, вдобавок шла картина, которую я уже видела.

Я сидела и мечтала о том, как, выйдя на свежий воздух, спущусь к морю, искупаюсь, а после купания спокойно погуляю по городу.

Однако мечтам моим не суждено было сбыться. Не успела я выйти из кинотеатра, как у выхода меня встретил Бобик.

Он так радовался, так прыгал, так старался лизнуть меня в нос, что мне стало стыдно своего предательства. Я погладила его мохнатую смешную голову, угостила тут же купленным мороженым и уже вместе с ним отправилась осматривать город.

Но мне решительно не везло! Мой спутник вдобавок ко всему оказался ещё и большим задирой. Не успели мы пройти квартал, как Бобик увидел собаку. Огромный пёс спокойно шёл по другой стороне улицы, не обращая на нас ни малейшего внимания. Зато Бобик сразу встал в воинственную позу. Шерсть у него поднялась дыбом, и он, грозно рыча, стал разбрасывать всеми четырьмя лапами землю. Чужая собака тоже приняла боевой вид. Она остановилась, явно готовясь задать маленькому

нахалу хорошую трёпку. А маленький нахал, заметив, что я увидела собаку, тут же стремительно перешёл к нападению.

Он бросился к своему мощному противнику, полный решимости разорвать, уничтожить его, а что оставалось делать мне? Разве я могла оставить своего маленького друга в беде? Размахивая сумкой и угрожающе крича, я побежала следом, на выручку. И вот посередине улицы, поджав хвост, позорно удирал чей-то огромный барбос. За ним, захлебываясь гневным лаем, мчался маленький Бобик. Сзади, стараясь не отстать, бежала я.

Не знаю, чем бы кончилось такое преследование, если бы барбос не исчез в какой-то подворотне...

Ещё несколько раз пробовал Бобик затеять драку, но теперь, наученная горьким опытом, я даже не поворачивала головы в сторону встречных собак. Делала вид, что их не замечаю, а без моей поддержки идти в бой Бобик не решался.

В следующие дни я просто не знала, что делать. Бобик упорно ходил за мной по пятам. Он совсем забросил свои собачьи обязанности и, вместо того чтобы караулить хозяйский цветник, караулил меня. И что я только не делала, чтобы от него освободиться, всё было напрасно.

Помог неприятный случай. Однажды, пока Бобик водил меня по городу, пытаюсь натравить на собак или хотя бы заманить в кафе, кто-то оборвал у хозяев их чудесный цветник.

Дома меня встретили ледяной улыбкой. Хозяйка сдержанно объявила, что мне придётся от них уехать.

– Комнату я вам подыскала и деньги уже заплатила, – сказала она. – Так что переехать можете сегодня. – И добавила: – Собаки там нет.

Вероятно, хозяева думали, что я обижусь и не пожелаю переезжать на другую квартиру, но, видя, с какой готовностью я бросилась собирать вещи, успокоились. Они даже сорвали оставшиеся цветы, преподнесли их мне и любезно предложили проводить меня на новую квартиру. Конечно, с нами отправился и Бобик, и, пожалуй, в этом была допущена большая ошибка. На другой день утром, как обычно, у порога сидел Бобик. Увидев меня, он с радостным визгом бросился навстречу.

– Собачка-то как к вам привыкла! – умилилась моя новая хозяйка. – Ишь с какой рани дожидается!

Теперь я поняла, что окончательно попала в плен, из которого мне не выбраться до самого отъезда.

Правда, ночевал Бобик всегда у себя дома. Уходил, когда я ложилась спать, являлся задолго до того, как я вставала. Его хозяева удивлялись такой привязанности. Несколько раз они приходили и забирали Бобика. Он покорно уходил с ними, но тут же возвращался обратно. Наконец они махнули на него рукой и лишь взяли с меня слово, что я приведу к ним собаку, когда буду уезжать в Москву.

Как говорится, всё имеет свой конец. Пришёл конец и моему отпуску.

В день отъезда я отвела Бобика к его хозяйке. Она тут же заперла собаку в кладовку, а я под его несмолкаемые вопли поспешила на вокзал. Я сразу влезла в вагон, но успокоилась, что Бобик не появится, лишь после того, как поезд тронулся. Замелькали сады, домики, горы...

До свидания, море, в котором я так мало купалась! До свидания, мой верный мучитель Бобик!

Разве могла я тогда знать, что много лет спустя этот испорченный отпуск принесёт мне столько весёлых воспоминаний о моём маленьком и верном четвероногом друге.

Предисловие

Автор книги, которую ты сейчас будешь читать, – Вера Васильевна Чаплина – человек удивительный. Однажды, говоря о себе, она сказала полушутя, что всю жизнь воспитывала каких-нибудь звериных детёнышей. И это действительно так.

Наверное, очень немногие люди могут сказать о себе что-то подобное. А Вера Васильевна сказала это с полным правом, потому что почти всю жизнь – с шестнадцати лет – работала в Московском зоопарке. А в Зоопарке – так уж получалось – ей постоянно приходилось иметь дело со зверёнышами, которые либо осиротели, либо матери почему-то отказались их кормить. И наверное, многие из них погибли бы, если б не добрые руки и неиссякаемое терпение, а главное – если бы не огромная любовь к животным Веры Васильевны Чаплиной.

Конечно, она не только выкармливала соской детёнышей и заботилась о них – она наблюдала за животными, вела научную работу, стремилась к тому, чтоб звери не особенно чувствовали, что они в неволе. Постоянно наблюдая за малышами, Вера Васильевна предложила организовать площадку молодняка – поместить в одну большую вольеру лисят и львят, волчат и ягнят, медвежат и козлят. Многие сомневались, уживутся ли друг с другом такие разные звери. Но Вера Васильевна была уверена: уживутся, ведь они ещё не звери, а зверята, все они весёлые и добрые, игривые и доверчивые, как и всякие детёныши. И вот в Московском зоопарке появилась такая площадка. Сколько интересного материала для изучения дал этот эксперимент зоологам! Сколько радости и весёлых минут доставила эта «площадка» посетителям Зоопарка! Но ребята, видевшие, как играют, бегают, гоняются друг за другом зверята, не знали, что не все они сразу начали дружить, да и потом были всякие непредвиденные случаи.

Вера Васильевна замечала в поведении животных всё, до мельчайших подробностей. А потом решила

рассказать ребятам о том, что происходит на площадке молодняка. Так появилась первая её книга «Малыши с зелёной площадки». Из неё ребята узнали, что каждый зверёныш, так же как и всякий взрослый зверь, имеет свой характер и свой нрав, что зверя можно воспитать и злым и добрым.

Потом Вера Васильевна написала книги «Мои воспитанники» и «Четвероногие друзья». Ребята познакомились с львицей Кинули, выросшей не в клетке, а в городской квартире, с лосёнком Лоськой, выкормленным соской, с умным слоном Шанго, с обезьянкой Малышкой, с лисёнком Куцым, с выдрой Наей, с собакой, воспитанной волчицей, и со многими другими животными. Ребята узнали и о тех людях, которые работают в Зоопарке – ухаживают за животными, лечат, изучают и кормят их.

Немало книг написала за свою жизнь Вера Васильевна Чаплина: «Кинули», «Питомцы зоопарка», «Друг чабана», «Медвежонок Фомка», «Случайные встречи» и другие. Книги эти многократно переиздавались, переводились на разные языки и в нашей стране, и за её пределами, и ребята во многих странах полюбили их, полюбили не только потому, что книги Веры Васильевны интересные, но ещё и потому, что они написаны очень добрым человеком, человеком, любящим животных и считающим главным делом своей жизни – воспитание доброты. А доброта, одно из самых важных и нужных качеств человеческого характера, начинается с малого – с доброго отношения к котёнку или щенку, птенцу или лягушонку.

По-настоящему добрый человек всегда смелее злого, он и в жизни счастливее человека недоброго, и радостей в жизни у него больше. И встреча с хорошей книгой, написанной добрым человеком, – это тоже большая радость.

И вот такую книгу – интересную и умную, которая поможет тебе многое понять, которая заставит тебя задуматься, а возможно, и на кое-что взглянуть иными глазами, – ты сейчас держишь в руках.

Юрий Дмитриев